

№12
Декабрь 2010

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ТРИДЦАТЬ ТРИ
ГОДА
ПАТРИАРШЕГО
СЛУЖЕНИЯ

🕒 23:00

🕒 7:00

Мир без преград

ВТБ сегодня – это более 30 компаний в 20 странах мира. Когда мы действуем вместе, расстояния и время – больше не преграда. Объединяя усилия, мы открываем новые возможности.

8 (800) 200-77-99, www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ, ВТБ 24 (ЗАО), ОАО «Банк ВТБ Северо-Запад», ОАО ВТБ Банк, ЗАО Банк ВТБ (Беларусь), ЗАО «Банк ВТБ (Армения)», JSC "VTB Bank (Georgia)", ДАО АО Банк ВТБ (Казахстан), ОАО Банк ВТБ (Азербайджан), Vanco VTB Africa SA, VTB Bank (Austria) AG, VTB Bank (Deutschland) AG, VTB Bank (France) SA., ЗАО «ВТБ Капитал», VTB Capital plc., VTB Europe Strategic Investments Ltd., VTB Capital Markets Limited, ООО «Холдинг ВТБ Капитал Ай Би», ЗАО «Холдинг ВТБ Капитал», ООО СК «ВТБ Страхование», ООО ВТБ Факторинг, НПФ ВТБ Пенсионный фонд, ЗАО ВТБ Долговой центр, ЗАО «ВТБ-Девелопмент», ЗАО «ОДК», VTB Capital (Namibia) (Pty) Ltd., ЗАО «ВТБ Управление активами», ОАО «ВТБ-Лизинг», VTB Leasing (Europe) Ltd., VTB-Leasing Capital Ltd., ООО «ВТБ-Лизинг Финанс»

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Заместитель главного редактора
Арсен Еремян

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Донара Канделаки, Нина Зардалишвили

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Компьютерная графика и верстка
Давид Элбакидзе-Мачавариани

Допечатная подготовка
Алена Деняга, Нино Цитландадзе

№12⁽⁶²⁾
Декабрь 2010

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru

www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

ДАТА	ТРИДЦАТЬ ТРИ ГОДА ПАТРИАРШЕГО СЛУЖЕНИЯ	4
СВЕРХЗАДАЧА	КАЖДЫЙ ИЗ НАС – ЧАСТИЦА РОДИНЫ	5
РУССКИЙ МИР	«РУССКИЙ МИР» УЧИТ И УЧИТСЯ	7
СООТЕЧЕСТВЕННИКИ	ЧТОБ НЕ ПРОПАСТЬ ПО ОДИНОЧКЕ	10
КИНОКЛУБ	СТРАДАНИЕ ПОРОЖДАЕТ КРАСОТУ	14
ГАСТРОЛИ	ИГРЫ ЧИСТОГО РАЗУМА И ЧУВСТВА	17
О, СПОРТ!	КАРУЗО ФУТБОЛА	22
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ	РОДОМ ИЗ СЧАСТЛИВОГО ДЕТСТВА	26
ДЕНЬ ПОБЕДЫ	ЛЕГКИХ ПУТЕЙ НЕ ИСКАЛ	31
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ	ДЫХАНИЕ БОГОВ	34
КОЛЛЕГИ	ПИКАДОРЫ ОТ ТЕЛЕВИДЕНИЯ	36
ЮБИЛЕЙ	ЛЕТОПИСЕЦ	38
ЛЕГЕНДАРНЫЙ	ЭПОХА НЕУСТАННОГО ПОИСКА	39
ИСТОРИЯ	МЕЧТА О КРЫЛЬЯХ	44
НАСЛЕДИЕ	ПРИБЛИЖЕНИЕ К ОРИГИНАЛУ	48
ПАМЯТЬ	РУССКИЙ РОБИНЗОН	50
ПРОЩАНИЕ	СТРОКОЙ БЕССМЕРТНОЙ НАЗОВУТ	53

На обложке - Католикос-Патриарх Всея Грузии Илия II
на фоне собора Святой Троицы
фото - Гога Чанадири

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»:

Зураб Абашидзе, Гита Лордкипанидзе, Роин Мегрели, Нани Брегадзе, Джансуг Чарквиани, Гулбаг Торалдзе,
Важа Азарашвили, Отар Мегвинетуццеси, Ирма Сохадзе, Гоги Кавтарадзе, Гуджа Бубутеишвили (Грузия),
Александр Эбаноидзе (Россия), Олег Воловик (Венгрия), Давид Маркш (Израиль), Валентина Поликанова
(Белоруссия), Алексей Цветков (США), граф Петр Шереметев (Франция), Евгений Табачников (Россия),
князь Никита Лобанов-Ростовский (Великобритания), Михаил Багдасаров (Армения), Михаил Носов (Россия)

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

фото - Гога Чанадири

На приеме у Католикоса-Патриарха Всея Грузии Илии II

ТРИДЦАТЬ ТРИ ГОДА ПАТРИАРШЕГО СЛУЖЕНИЯ

Тридцатитрехлетнее Патриаршее служение Святейшего и Блаженнейшего Католикоса-Патриарха Всея Грузии, Архиепископа Мцхетского и Тбилисского Илии II в полной мере можно определить как великую миссию.

Предстоятель Грузинской Православной Церкви, Патриарх, несомненно, является духовным отцом и наставником нации, нравственным ориентиром и моральной поддержкой для всех верующих – как православных, так и прочих. Его совет жизненно важен для любого человека, его мнение – определяющее для каждого гражданина.

Все мысли и чаяния Его Святейшества, все его слова и молитвы обращены к каждому человеку в отдельности и ко всему человечеству в целом. Святейшему одинаково близки люди любого вероисповедания, главной для него является идея единства вообще – среди людей, в отдельно взятой стране, во всем мире. Поэтому миссия Патриарха не остается в границах одной страны, но имеет планетарное значение.

Патриарх воистину для меня, как и для многих дру-

гих, – идеал первоиерарха и светлого пастыря. В центре внимания Патриарха – всегда человек, с его положительными и отрицательными качествами. С благостью и благожелательством он осознает свое апостольское предназначение и неуклонно следует ему. Непоколебима его вера в то, что добро одолеет зло, и человек, созданный по образу и подобию божьему, действительно уподобится ему.

Он большой ценитель Книги и очень образованный человек, необыкновенно скромный и чуткий. Святейший может остро отреагировать на несправедливость, но сам всегда остается правоправящим. В вопросах правильного формирования и становления человеческой личности Патриарх, наряду с христианским, православным сознанием, важнейшее значение придает активности, самоотдаче и трудолюбию человека. Его проповеди, которые свидетельствуют о глубоком изучении христианских трактатов, национального исторического прошлого и настоящего, привлекают в лоно церкви множество новых христиан. Его праведное слово слышно повсюду – в храмах и монастырях, в дни праздников и печалей, что способствует столь важному для дня сегодняшнего процессу объединения страны.

Денно и ночью возносятся к небу святые слова молитвы Патриарха за родину и народ: «Помоги и сопутствуй нам, Господи. Аминь».

Протоиерей Георгий ХАРАЗАШВИЛИ

«Русский клуб» от всего сердца поздравляет Святейшего и Блаженнейшего Католикоса-Патриарха Всея Грузии Илию II с тридцатитрехлетием Патриаршего служения и желает ему здоровья и долголетия на благо Отечества и всех жителей земли грузинской.

КАЖДЫЙ ИЗ НАС – ЧАСТИЦА РОДИНЫ

2011

Дорогие друзья!

Завершается 2010 год. Наверное, каждый из нас смотрит на стремительно облетающие листки календаря со смешанными чувствами... Это и горечь от неумолимого бега времени, и сожаление о несбывшихся планах, и гордость за свои свершения, и светлая надежда на то, что все еще будет, все еще можно если не совершить, то исправить...

Скажу вам откровенно: глядя на декабрьские страницы своего ежедневника, я думаю не столько о том, что сделано, сколько о том, что предстоит сделать. В общем-то, в этом и состоит позиция «Русского клуба» - что бы ни случилось, какие бы волнения и горести не терзали наши сердца или, наоборот, какие бы успехи не кружили голову, главное – не сворачивать с избранного пути, не знать ни минуты отдыха и продолжать работу, не побоюсь серьезных слов, во благо нашей родины, во имя ее процветания и на радость людям.

Я думаю, никто не обвинит нас в излишнем пафосе, потому что мы по-прежнему свято верим, что центро-стремительная сила и в самом деле гораздо сильнее центробежной, если этим центром является культура. А именно такой центр мы для себя и выбрали. Духовность, творчество, вера, душевное родство людей являются для нас и смыслом, и стимулом, и целью, и, если угодно, заветной мечтой. Да и мыслимо ли жить иначе, если на твою долю выпала счастливая и горькая судьба – жить в эпоху перемен на благословенной земле, говорить на двух великих языках – русском и грузинском, и всею своею судьбой, лично воплощать русско-грузинское единение со всеми коллизиями, этому единству присущими. И главное – безусловно верить, что любовь и преданность своей родине и друг другу претерпят любые испытания, потому что они – превыше всего. Все пройдет, осыплется шелуха ложных амбиций и сиюминутных желаний, а любовь останется, а преданность выручит...

2010 год стал для журнала «Русский клуб» юбилейным – ему исполнилось пять лет. Сейчас вы держите в руках очередной номер, и я искренне рад, что наше общение продолжается – круг наших читателей ширится, так же как и растет количество единомышленников Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб». Наверное, нет необходимости объяснять, как мы ценим ваше доброе расположение к нам – вы видите это и сами, становясь нашими зрителями, читателями, слушателями, участниками всех многочисленных проектов, которые мы осуществляем, и, даст бог, продолжим осуществлять.

Надеюсь, что планы, которые мы предполагаем реализовать в 2011 году, порадуют наших старых друзей, заинтересуют новых знакомых, а значит, ближний круг соратников станет шире и нас, объединенных под вечным знаменем Прекрасного, станет больше.

Мы провожаем старый год и встречаем новый традиционным Новогодним представлением для детей. В этом году – это спектакль по мотивам русской народной сказки «Морозко» в постановке приглашенного ли-

товского режиссера Линды Урбонавичуте. Мы рассчитываем, что зрителями праздничного спектакля станут, как и в прошлые годы, не менее семи тысяч детей из Тбилиси и близлежащих городов. Спектакль будет действительно праздничным, ярким, запоминающимся, а зрители получат, как всегда, замечательные подарки – разнообразные сладости. В набор также войдет вторая книжка из задуманной нами серии детских книжек, адаптированных для юного грузиноязычного читателя - первой в серии стала сказка «Иван Царевич и Серый волк», а сейчас мы выпускаем сборник стихотворений Агнии Барто (в 2011 году исполняется 105 лет со дня ее рождения).

Вообще, дети и молодое поколение в целом являются, пожалуй, основным адресатом нашей деятельности. Ведь это им завтра говорить по-русски. А русский язык не может быть невостребованным - это необходимость сегодняшнего дня и реальный взгляд на вещи. Обращаясь к молодым, мы думаем не только о том, как сохранить и донести до них русское слово и ценности русской культуры, но и о том, как они используют это слово. Надемся, что во многом нашими стараниями продлится жизнь русского театра имени Грибоедова - в прошлом году в содружестве с театром мы организовали Театр-студию юного актера «Золотое крыльцо», учащимися которой стали школьники с 5-го по 12-й классы. Студия уже показала премьерные спектакли – детское представление «Подарок Буратино», постановку «Играем Чехова» по рассказам великого писателя, спектакль по пьесе Н. Квицинадзе «Ландыш и Ромашка. Письма на фронт». В 2011 году работа студии продолжится. Уже в декабре зрители увидят новую работу студийцев – музыкально-поэтическую композицию «Любви печальные страницы» по произведениям поэтов, чьи юбилеи мы отмечали в нынешнем году – Александра Блока, Бориса Пастернака и Сергея Есенина. К юбилею Агнии Барто «Золотое крыльцо» подготовит спектакль по произведениям поэтессы для самых маленьких зрителей. Специальной постановкой студии отметят День Царского лица, 200-летие которого будет праздноваться 19 октября 2011 года. «Русский клуб» организует показ спектаклей Театра-студии юным зрителям Рустави, Кутаиси, Поти и других городов.

Самый масштабный и значимый проект «Русского клуба» - Международный русско-грузинский поэтический фестиваль. Он имеет значительный резонанс и широко освещается в средствах массовой информации как в Грузии, так и за рубежом. Отзывы о четырех прошедших фестивалях, прозвучавшие во многих странах мира, носили исключительно позитивный характер – критики и журналисты оценили масштаб данного проекта и его исключительную значимость в контексте сегодняшнего дня. Этот проект отличается значительной и серьезной перспективой. Духовные связи между народами – связи самые важные и самые надежные. Основная цель и принципиальная задача фестиваля – сохранять эти свя-

зи и всячески их укреплять. А значит, его актуальность остается непреходящей. В 2011 году фестиваль состоит уже в пятый раз.

Праздник поэзии дает возможность творчески общаться поэтам состоявшимся. А в будущем году мы хотим дать слово и поэтам молодым, начинающим. Поэтому уже в январе мы объявим о начале Конкурса молодых русскоязычных литераторов Грузии. Подведение итогов конкурса и награждение победителей состоятся в июне 2011 года. Это первая попытка создать на территории Грузии значимую литературную премию страны для молодых литераторов, пишущих на русском языке. Серьезной задачей проекта является возрождение интереса к русскому слову, к культуре русской речи с тем, чтобы в дальнейшем знание русского языка стало на-сушной потребностью для подрастающего поколения в Грузии. Наиболее интересные авторы будут рекомендованы для участия в международных книжных ярмарках и фестивалях за пределами Грузии. Мы не сомневаемся, что в недалекой перспективе победители, лауреаты и дипломанты конкурса будут переведены на грузинский язык, а также на другие языки мира.

Обращаясь к молодым, мы хотим донести до них не только классическое слово, но и классическую музыку. В течение всего 2011 года в «Русском клубе» будут проходить «Встречи в музыкальной гостиной», которые проведут музыканты трио «Браво» под руководством известной скрипачки, лауреата международной премии имени Герберта фон Караяна, кавалера Ордена Чести Галины Бандура. Слушателей ожидает не только замечательное исполнение прекрасных произведений, но и увлекательные рассказы о музыке.

Отдавая дань памяти великим музыкантам, «Русский клуб» организует праздничные музыкальные вечера, посвященные памятным датам - дням рождения - 120-летию Сергея Прокофьева, 105-летию Дмитрия Шостако-

ли духовную эстафету от Т. Церетели, исполнив самые знаменитые романсы из ее репертуара, и тем самым подарили им новую жизнь. И мы выпустили диск, который так и называется - «Новая жизнь старых романсов». Этот проект имел такой успех у публики, что мы решили продолжить начинание - в будущем году «Русский клуб» осуществит проект «Русские романсы грузинских композиторов».

Глядя в будущее, нельзя не оглянуться и в прошлое. Связь поколений - не пустые слова. Прошлое - это историческая память. А история, которая объединяет нас всех особенно глубоко и надежно - это история Великой Отечественной войны. В 2011 году «Русский клуб» почтит День памяти и скорби (70-летие начала ВОВ) и 70-летие битвы под Москвой. На торжественный вечер, по доброй традиции, будут приглашены ветераны войны, воевавшие за страну плечом к плечу...

Однако, в нашей истории было еще одно великое событие, которое объединило всех и которому радовалась вся страна, - первый полет человека в космос, состоявшийся 50 лет назад. 2011 год объявлен в России Годом космонавтики. Мы хотим напомнить об этом подрастающему поколению - «Русский клуб» организует конкурс и выставку детского рисунка «Путь к звездам».

Грузию и Россию, как хорошо известно, объединяет очень многое - многовековые исторические и культурные связи, великие радости и великие горести, которые переживались вместе, настоящая дружба, которую, казалось и кажется, ничто не может сломить по-настоящему. 2011 год - год юбилеев выдающихся деятелей русской культуры, которым «Русский клуб» посвятит специальные проекты: «Ломоносов и Грузия», «Булгаков в Грузии», «Лев Толстой и Кавказ».

О связях деятелей русской культуры с Грузией мы рассказываем в каждом номере журнала «Русский клуб». Об этом будет рассказываться и в задуманной нами серии «Русские в Грузии» - это будет, например, история пребывания в Грузии великих русских литераторов - Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Островского, декабристов братьев Бестужевых, Одоевского, Корниловича, Пушкина. Замечательна судьба российского ботаника и географа Андрея Краснова - основателя Батумского ботанического сада, одного из крупнейших в мире. Мы хотим рассказать о русских поселениях в Грузии (начиная с первой половины XIX века) - воинских (Нижегородский драгунский полк), донских казаков, молокан. Особый интерес представляет история духовоборов, которые и по сей день проживают на территории нашей страны. Мы вспомним имена великих деятелей русского театрального искусства, работавших на сцене Театра имени Грибоедова - Мейерхольда, Комиссаржевской, Савиной, Яблочкиной, Сумбаташвили-Южина, Петица. Интересен тбилисский период жизни и творчества Георгия Товстоногова, Павла Луспекаева, Евгения Лебедева. Одна из книг серии будет посвящена жизни и судьбе народной артистки СССР, почетному гражданину Тбилиси Натальи Бурмистровой - русской актрисы, приехавшей в Грузию в 1948 году и навсегда связавшей с ней свою жизнь, ставшей неотъемлемой частью истории театра имени Грибоедова и культуры нашей страны в целом. Конечно, трудно в одной статье рассказать обо всем задуманном. Подробно с нашими планами вы можете ознакомиться на сайте «Русского клуба». Главное, о чем я хотел сказать вам, - «Русский клуб», как и каждый из всех нас, частица нашей родины. Пусть 2011 год принесет благополучие и процветание нашей стране и всем нам - живущим здесь и сейчас.

С наступающим Новым годом, дорогие друзья!

До встреч в 2011 году! Пусть эти встречи будут счастливыми!

Искренне ваш
Николай СВЕТИЦКИЙ

Николай Свентицкий

вича, 80-летию Микаэла Таривердиева (его детство и юность прошли в Тбилиси). 100-летию со дня рождения Марка Бернеса будет посвящен вечер шансона.

Мы стараемся напоминать молодым о том, чьи они наследники. Можно ли быть славным сыном, не помня родителей? Вряд ли. Поэтому во многих наших проектах мы осуществляем реальную культурную связь между поколениями, которые разделяет и четверть века, и полстолетия, и даже больше. В 2010 году мы отметили 110-летие со дня рождения выдающейся певицы Тамары Церетели - состоялся вечер русского романса с участием талантливых молодых певцов, которые приня-

В.Никонов на открытии Ассамблеи

«РУССКИЙ МИР» УЧИТ И УЧИТСЯ

Родина всегда притягивает, и чем дальше ты от нее, тем сильнее. Этот закон вне юридических норм безоговорочно работает на человеческом уровне. И Москва собирает разбросанных по всему миру своих соотечественников, чтобы они, вдохнув воздух родины, несли новые идеи и проекты в свои земли.

Фонд «Русский мир» IV Ассамблею Русского мира по установившейся традиции проводил накануне празднования Дня народного единства. А так как 2010 год объявлен в России Годом учителя, и этому придается широкое международное значение, то нынешняя Ассамблея проходила под девизом «Учитель Русского мира». Естественно, тема преподавания русского языка и поддержки русских школ за рубежом, стала ведущей. В связи с этим 2 ноября в Москве в Институте русского языка имени А.С.Пушкина впервые был проведен масштабный международный форум, собравший педагогов-русистов из пятидесяти стран мира. Судя по выступлениям участников, сегодня состояние русского языка за рубежом во многом зависит от политической обстановки в конкретной стране и ее взаимоотношений с Россией. Учителя из стран СНГ, ближнего и дальнего зарубежья говорили о наболевшем, о проблемах, с которыми они сталкиваются в своих странах. Например, в Казахстане русский язык востребован, и нет препятствий для его преподавания со стороны законодательства. А вот в моноэтнической Армении законом предусмотрено изучение русского языка только для национальных меньшинств, так что образование на русском для самих армян стало проблематичным. Не улучшилось положение с русским и в Украине. Несмотря на политическое сближение с Россией и обещания новой украинской власти, преподавание в вузах там ведется только на украинском языке. Зато растет число студентов из стран Балтии, приезжающих изучать русский язык в Москву, в Институт русского языка. Завершился форум преподавателей открытием в Пушкинском институте Аудитории Русского мира - нового учебно-методического центра, оснащенного современными технологиями, где будут проходить семинары повышения квалификации зарубежных специалистов по русскому языку.

3 ноября для участников Ассамблеи, как всегда, были широко распахнуты двери Интеллектуального центра МГУ имени М.В.Ломоносова. В фойе – выставка-продажа учебников русского языка самых разных направлений и две фотовыставки. Большой интерес вызвала

выставка авторских фоторабот исполнительного директора фонда «Русский мир» Вячеслава Никонова «Мир Русского мира». Здесь представлена русская культура в самых отдаленных уголках планеты. А фотографии другого стенда «Московский Кремль – символ Русского мира» это уже иной ракурс восприятия, не менее интересный для приезжих соотечественников. В холле второго этажа – открытая коллекция русского народного костюма «От России до России», представленная Краснодарским театром-студией «Духовный синтез». Манекены в уникальных костюмах стояли как живые, и тут же звучали русские народные песни в исполнении актеров театра-студии – прямо-таки «духовный синтез» в действии. Соотечественники из дальних стран подпевали, постоянно мелькали вспышки видео- и фотокамер. А еще в фойе было совсем экзотическое зрелище - строй темнокожих девочек-подростков в русских народных костюмах. Как оказалось, это был девичий хор православного приюта из Гватемалы, специально приглашенный в эти дни в Москву. Прозвучавшая позже со сцены русская «Калинка» из Гватемалы произвела огромное впечатление – чистые, сильные голоса, мягкий непередаваемый акцент и особая аура этого хора.

Все эти первые впечатления остались визуальными кадрами в памяти, а дальнейшее требовало полной сосредоточенности и внимания. На Ассамблее присутствовало более тысячи человек из 70 стран, программа была чрезвычайно насыщенной, велась прямая трансляция на российских телеканалах, в том числе, и на новом интернет-телеканале «Русский мир.ТВ», с перспективными разработками которого можно было ознакомиться на представленных в фойе стендах. Этот канал – новостной и культурно-просветительский, в его эфире сюжеты о жизни Русского мира, обучающие передачи по русскому языку, лекции и самая разная информация. Он вещает круглые сутки в любой точке мира, и приглашает соотечественников к сотрудничеству. Так же, как «Русский мир. Радио», созданный для тех, кто хочет знать, как и чем живет Русский мир сегодня. Программа «Русский мир» выходит на волнах радио «Голос России».

Участников Ассамблеи, как обычно, приветствовал ректор МГУ Виктор Садовничий. Он говорил о необходимости единения Русского мира, о том, что предпринимает для этого Московский университет: за пределами России работают пять его филиалов и 2500 студентов в разных

странах учатся по программе МГУ. Еще он сообщил, что университет готовится отметить 300-летие со дня рождения Ломоносова, и к юбилею МГУ запустит собственный космический спутник «Михайло Ломоносов» – в честь основателя университета.

Церемонию открытия IV Ассамблеи, тоже по традиции, проводили руководитель фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов и глава попечительского совета фонда, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы Людмила Вербицкая. Никонов подвел итоги деятельности фонда, сообщив, что в настоящее время уже открыт 61 Русский центр в разных странах, 40 Кабинетов Русского мира, поддержаны сотни проектов соотечественников. Вербицкая, напомнив о прошедшем накануне форуме учителей, отметила возрождение интереса к русскому языку и обещала, что в 2011 году V Ассамблея Русского мира впервые пройдет в Петербурге, а до этого состоится заключительный тур Всемирного фестиваля русского языка. Закончила она выступление словами «Планета заговорит по-русски!»

Далше проходила подиумная дискуссия «Смыслы и ценности Русского мира», которую вел Вячеслав Никонов. Началась она с приветственных посланий от президента РФ Дмитрия Медведева, главы правительства Владимира Путина и других официальных лиц. В числе присутствовавших были специальный представитель президента РФ по международному культурному сотрудничеству М.Швыдкой, министр образования и науки России А.Фурсенко, руководитель Федерального агентства по делам СНГ Ф.Мухаметшин, глава ОАО РЖД В.Якунин. Работу Ассамблеи благословил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, который в своем выступлении говорил о важности темы «Учитель Русского мира» и об особой роли Русской Православной Церкви в сохранении русского языка. По словам Патриарха, именно учитель передает мудрость знаний будущим поколениям и формирует сознание как каждого отдельного человека, так и общества в целом.

Эмоциональным было выступление члена попечительского совета фонда «Русский мир», кинорежиссера Никиты Михалкова. Это был гласный ответ тем, кто резко критиковал и не принял его «Манифест Просвещенного Консерватизма», недавно опубликованный в СМИ. «Есть время великих перемен, а есть время великих подмен. Мы живем во время великих подмен. Мы называем себя Русским миром, но наше существование постепенно перестает быть тем самым Русским миром», – говорил Михалков. – «Почему «просвещенный консерватизм» вызвал такой протест? Почему нам не хочется опираться на традиции, а вместо этого мы все время пытаемся догнать кого-то?» Озвучил он нашу «всеподавляющую, всежигающую иронию» и то, что «у нас нет внутренних ограничений». «Мы пророхочем страну!», – подытожил Михалков. Досталось от него и олигархам: «Элита не ощущает себя частью великого народа, у нее нет желания поставить себя на место других – нет этого сострадания, оно не воспитано... Умирает русская деревня, не может плодоносить – нет к ней сострадания. Мы забываем о русской цивилизации, православной цивилизации. Мы теряем иммунитет».

Ведущий Вячеслав Никонов прокомментировал речь Михалкова: «Человек высказал боль за страну в своем Манифесте, а его обвиняют в национализме».

Представитель русской эмиграции князь Никита Лобанов-Ростовский также запомнился своим выступлением. У него непререкаемый авторитет, он – эксперт и коллекционер русского искусства, ученый-геолог, русский аристократ, чьи родовые корни восходят к Рюрику, и вся его жизнь на Западе связана с русской культурой, он первый заместитель председателя Международного совета российских соотечественников. Он выразил благодарность Русской Православной Церкви за ее деятельность, за помощь неимущим, от него отметил, что Патриарх бла-

гословил создание памятника Примирению. Были и слова благодарности Ассамблее, где общаются люди, которые в состоянии помогать возрождению Русского мира практически. В том числе и финансово, что в последний год становится актуально. С горечью он отметил, что в Великобритании, где он проживает, русский язык исчезает, а приходит китайский – «мы находимся в критическом состоянии». Он подчеркнул, что многое зависит от федеральных властей России, что каждый год уменьшается бюджет МИД для оказания помощи соотечественникам, московское правительство также предполагает уменьшить эти расходы. «Все наши планы, достижения невозможны без финансирования», – заключил он.

Завершилась подиумная дискуссия сообщением руководителей фонда «Русский мир» о начале международной акции «Первый в космосе», посвященной пятидесятилетию полета в космос корабля «Восток» с первым космонавтом на борту Юрием Гагариным. 12 апреля 2011 года было предложено объявить праздником Русского мира, чтобы соотечественники на всех континентах отметили этот юбилей, ведь первым в космосе стал представитель Русского мира. И тут же было почти реальное соприкосновение с космосом: участников Ассамблеи приветствовали российские космонавты с борта пилотируемого ими корабля.

Вторая часть Ассамблеи была как никогда насыщенной и многообразной, одновременно проходили шесть круглых столов, подиумные дискуссии, рабочие совещания, семинары... Причем, темы были самые разные и очень нужные – грантовые программы фонда, правовые основы работы Русских центров, радиовещание и СМИ Русского мира, русскоязычная диаспора, проблемы изучения русского языка в разных странах и другие. На Ассамблее было много интересных обсуждений и неординарных личностей, и острота поднимаемых вопросов была верно понята и очень востребована, потому что это отражало реальное положение дел.

Подиумная дискуссия «Учитель Русского мира» стала одним из центральных событий Ассамблеи. Ее вела Людмила Вербицкая. Она с сожалением отметила невысокий статус профессии учителя, что является серьезной проблемой для современного общества. Но в то же время участники говорили и о достаточно активном создании русских школ за рубежом, многие из которых – частные. Представитель Китая, глава Даляньского университета иностранных языков поделился интересной информацией: в частности, у них изучается русский язык даже по специальным направлениям, и одно из них – сфера космонавтики. Эта новость, наверное, заставит задуматься не только преподавателей, но и политологов. Много также говорили о необходимости модернизации существующих методик преподавания русского языка, высказывались свои предложения.

Более конкретные вопросы обсуждались на круглом столе «Русский язык в системе образования зарубежных средних и высших учебных заведений». Специалисты говорили о положении русского языка внутри системы образования своей страны в Европе и СНГ. Отмечали факторы, влияющие на положение русского языка – это семейное и социальное окружение, а также политика государства. Например, в Финляндии изучение русского языка в школах находится на третьем месте по популярности после английского и шведского. В некоторых странах русский язык может изучаться в школах не только как иностранный, но и как родной. Но в каждом государстве своя специфика, при этом есть возможность выбора форм образования. Директор Лондонской школы русского языка и литературы говорила о русском языке в сфере дополнительного образования в Великобритании, а представитель Германии рассказала про билингвальное образование в так называемых Европейских школах Берлина, причем, отметила высокий уровень государственной поддержки. Как выяснилось, органы образования во многих

странах финансируют это направление работы учебных заведений. Так что вопрос «зачем изучать русский за рубежом?» не так уж наивен.

Очень важные проблемы были подняты на тематическом заседании круглого стола «Русский мир и модернизация России», проходившем с участием видных ученых и политологов. Здесь велись дискуссии о курсе страны на «модернизацию общества», в том числе, о возвращении России былого научного потенциала. Открыл заседание ректор Московского университета Виктор Садовничий. Речь шла о привлечении на родину российских ученых, которые сегодня работают за рубежом. Возвращаться в Россию из зарубежных вузов они пока не спешат. Поэтому обсуждались способы их привлечения – выделение грантов специалистам (и это уже проводится), поддержка сегодняшних молодых ученых, интеграция российской науки в мировую.

Особый интерес участников Ассамблеи вызвала тематическая секция «Грантовые программы фонда «Русский мир», модератором которой был заместитель исполнительного директора Фонда Сергей Моргунов. Были отмечены приоритетные для фонда направления – это проекты издания учебников и учебных пособий, монографий, помощь русским школам и курсам русского языка. География стран-заявителей на гранты очень широка: это Россия, Европа, страны СНГ, Северная и Южная Америка, Ближний Восток, Австралия. Соотечественникам разъясняли правовые аспекты получения грантов, связанные с российским законодательством, участники получили точные инструкции по оформлению заявок, о необходимых документах, подтверждающих обоснованность получения грантов. У собравшихся было множество частных вопросов, и секция продолжала работать на следующий день, уже в гостинице, где остановились участники Ассамблеи.

Так как дискуссии и круглые столы по разным темам проходили одновременно, то полностью участвовать в них было невозможно. Но никак нельзя было пропустить круглый стол «СМИ Русского мира», ведь наш журнал «Русский клуб» имеет к этому самое прямое отношение, кстати, в конце он был представлен зарубежным коллегам, разумеется, с благодарностью Фонду за поддержку издания журнала. На круглом столе обсуждались проблемы русскоязычных СМИ в России и за рубежом, профессиональная подготовка журналистов, работа российских журналистов на территории Евросоюза.

Не обошли вниманием коллеги одну из самых обсуждаемых сегодня тем – грозит ли печатным СМИ «вымирание»? Мнения на этот счет были противоположными, так что есть надежда – пока выживем. Говорили также о проблемах зарубежных русскоязычных изданий и высоких требованиях к ним, о том, что в мире много дезинформации о России, и русскоязычные издания стараются говорить о том, что на самом деле происходит, но таких СМИ становится все меньше и меньше.

Параллельно проходило рабочее совещание «Современное радиовещание: Россия. Европа. Мир», трансляция которого велась в прямом эфире. Здесь собрались представители ведущих международных радиостанций, вещающих на русском языке, среди которых «Международное радио Тайваня», Dubai Eye (ОАЭ), «Функхаус Ойропа»... Участники дискуссии обсуждали актуальные проблемы современного русскоязычного радиовещания, предлагали направления развития русскоязычных радиостанций, использование новых технологий для привлечения молодежной аудитории, например, отмечали востребованность аудиоблога, где слушатели могут записывать свои впечатления и частично выкладывать их в эфир.

Самые разные проблемы русской диаспоры обсуждались на круглом столе «Русскоязычная диаспора: идентичность, ценности, партнерство», где речь шла о необходимости консолидации соотечественников, возможности получения ими полноценного образования на рус-

ском, для чего нужны не только учителя русского языка, но и преподаватели других предметов. Для поддержки соотечественников Россотрудничество предлагает программу гуманитарных обменов, организацию поездок в Россию.

Руководители Русских центров собрались на круглом столе «Правовые основы и практика работы Русских центров», где делились со своими коллегами опытом работы, рассказывали о проводимых на базе центров мероприятиях, акциях, встречах, организации курсов русского языка. Впрочем, русские центры в разных странах не похожи друг на друга и проблемы, с которыми они сталкиваются разные. Так что участники концентрировали внимание на общих принципах построения работы, и опыт других был им очень полезен. Все отмечали важность подобных встреч, необходимость постоянного обмена мнениями и взаимодействия с фондом «Русский мир».

Закончилась Ассамблея, как всегда, культурной программой. Театр Алексея Рыбникова представил специальный показ рок-оперы «Юнона и Авось» в аутентичной редакции композитора. Ее премьера прошла в Москве еще 30 лет назад, причем, в православном храме в Филях. Выбор организаторов был точным: история о графе Рязанове, отправившемся в Америку более 200 лет назад, была очень актуальна для этого международного форума. А если прибавить безукоризненное музыкальное исполнение, современную режиссуру и сценографию, мобильность мизансцен и пластики исполнителей, то успех театру у этой аудитории был обеспечен. Тем более накануне Дня народного единства. Наверное, продвижение «русской идеи» посредством культуры – самое верное и неоспоримое.

Если говорить об итогах Ассамблеи, то она важна в первую очередь глубиной и многообразием затронутых вопросов и проблем, порой острых, но требующих оз-

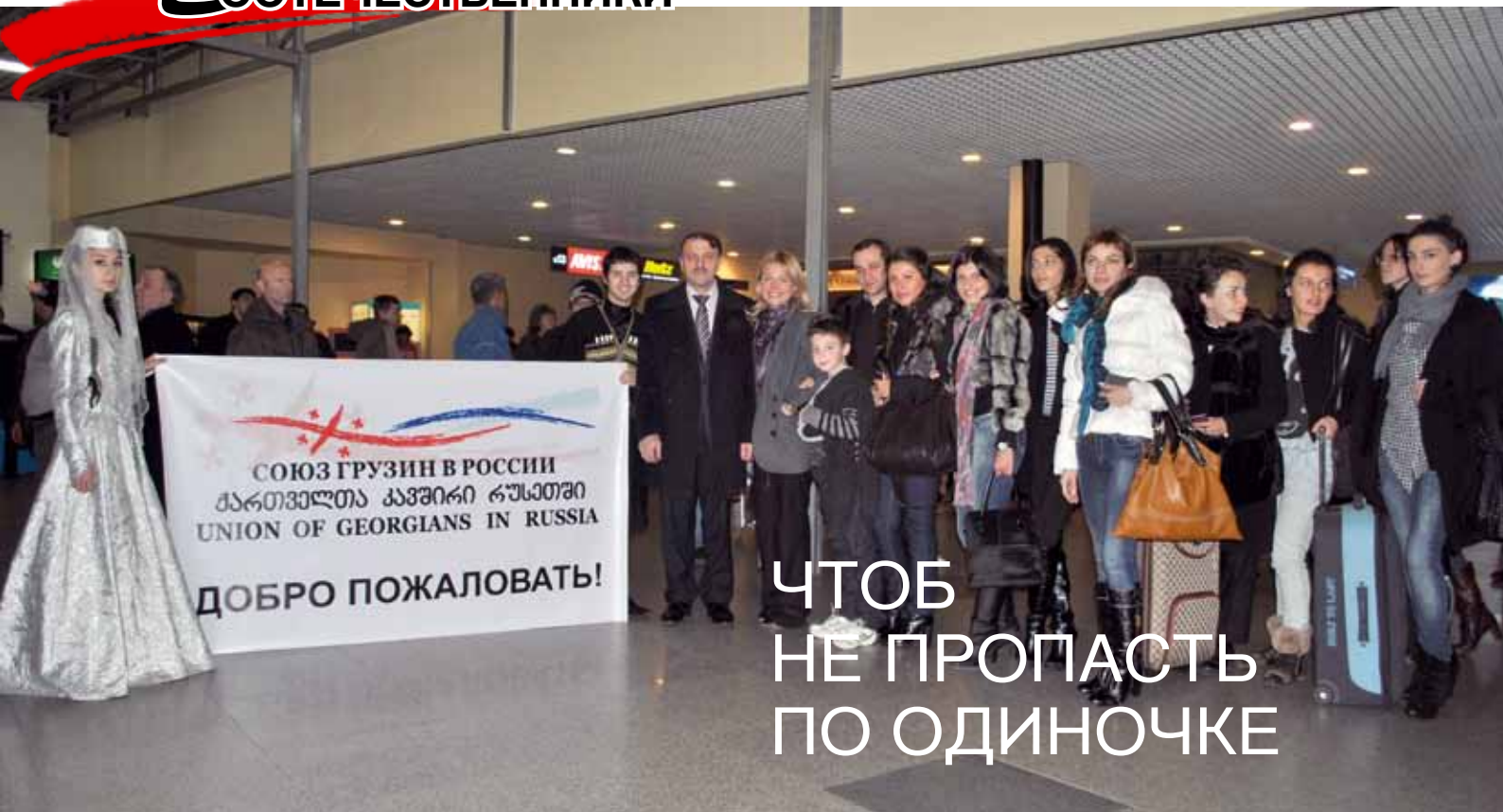

Участники IV Ассамблеи

вучания. А для участников это реальная возможность общения с людьми, заинтересованными в сохранении и распространении родной культуры и русского языка, где бы они ни жили. Здесь все не только получали информацию, но и делились опытом работы, а устанавливая связи между собой, тем самым налаживали связи между своими странами, помогая сохранению Русского мира.

Каждый из участников, в какой бы сфере он ни работал, мог найти интересующую его тему и понимающих собеседников, в общении с которыми рождались новые идеи и совместные проекты. Мы все из Русского мира. Все мы служим мостами своих стран с Россией. Певец Бисер Киров высказал мнение, подхваченное другими, что Ассамблея стала «моделью Русского мира». И это действительно так.

Вера ЦЕРЕТЕЛИ

ЧТОБ НЕ ПРОПАСТЬ ПО ОДИНОЧКЕ

Встреча в аэропорту

Скажем, у вас есть общность интересов, присутствуют добрая воля и инициатива действия. Ко всему этому добавим конкретную цель. Вот готовый рецепт создания общественной организации.

Молодежному движению «Иверийцы – поколение за будущее Грузии» нет еще и полугода, оно было создано в августе 2010 года. Руководитель его – студентка Дипломатической Академии МИД России Анна Рехвиашвили. За столь малый срок «Иверийцы» уже успели заявить о себе. Первое их публичное выступление состоялось в ноябрьские дни этого года в Москве. В составе «Иверийцев», а их пока пятнадцать человек, представители разных профессий – переводчики, журналисты, международники, юристы, деятели искусства... Отбросив все формальности, можно с уверенностью сказать, что это интеллектуальная молодежь, стремящаяся наладить связи с грузинскими диаспорами, которые живут в других странах мира, узнать и поближе ознакомиться с тем, как и чем живут они за пределами исторической родины. Поездка в Россию, где проживает многочисленная диаспора выходцев из Грузии, стала реальностью благодаря Союзу грузин в России.

«Минувшее проходит предо мною... На пестром фоне хорошо знакомого мне прошлого, где уже умирающего, где окончательно исчезнувшего, я вижу растущую не по дням, а по часам новую Москву. Она ширится, стремится вверх и вниз, в неведомую доселе стратосферу и в подземные глубины метро...» Так в 30-е годы XX века писал Владимир Гиляровский, «дядя Гиляй», великий бытописатель Москвы.

Москва всегда была пестра и многонациональна. Город, словно магнит, притягивал, зазывал, вовлекал... Здесь и по сей день человеческий поток нескончаем. Но Москва, как и любой живой организм, претерпевает изменения. И внешние, и внутренние. Преображение его лежит отнюдь не на поверхности. Москву надо узнать,

полюбить, исхлыв ее улочки, улавливая в воздухе самотытные нотки и ту древность, которую хранят старые районы.

ЗНАКОМСТВА, ВСТРЕЧИ, ДИСКУССИИ

Организаторы из Союза грузин в России во главе с президентом Михаилом Хубутия, пригласившие нас в Москву, сделали нам роскошный подарок. Нас курировали исполнительный директор Нугзар Джимшелеишвили, советник президента Союза по связям с общественностью Яна Юрова, а также Тамта Пуларияни, Шорена Джахая, Лина Вискушенко, Мака Кебурия и Лаша Чургулия.

Грандиозный прием отличался сердечным радушием. Многие участники грузинской делегации не видели Москву с детства. А для кого-то поездка стала первым визитом в Белокаменную. Насыщенность программы, ее многогранность и разнообразие превзошли все наши ожидания и позволили каждому из нас всего за семь календарных дней создать свой образ Москвы. Незримо ощущалось, что продуманы каждая мелочь, деталь, штрих. Грузинской делегации были рады повсюду, чувствовалась, что мы долгожданные гости.

В первые дни нашего пребывания на московской земле в выставочном зале Союза грузин в России прошла первая персональная выставка работ молодого фотохудожника Ладо Беридзе. Часть «Иверийцев» посетила матч товарищеского турнира по футболу «Построим будущее вместе», где почетное первое место заняла грузинская команда «Иверия» (тренер Серго Шенгелия).

Единственная настоящая роскошь, по мнению Антуана де Сент-Экзюпери – это роскошь человеческого общения. За время пребывания в Москве «Иверийцы» жили этой роскошью. По взмаху волшебной палочки, без препонов, ожиданий и загвоздок, назначались встречи с интересными людьми. Для знакомства с грузинской делегацией в медиа-центре газеты «Известия» (старейшему российскому изданию скоро исполнится 100 лет) со-

брались главный редактор газеты «Известия» Владимир Мамонтов, руководитель Редакции СНГ и Балтии «РИА Новости» Алан Касаев и редактор отдела политики журнала «Эксперт», руководитель «Центра гуманитарного сотрудничества» Николай Силаев. Разговор носил неформальный характер и включал в себя обмен мнениями по вопросам культуры и образования.

В гостях у специального представителя президента РФ по международному культурному сотрудничеству Михаила Ефимовича Швыдкого речь шла о возможности получения образования в вузах России для граждан Грузии. Говорили о совместных проектах. Не за горами проведение Дней грузинской культуры в Москве, а также в ответ на Фестиваль российского кино в Тбилиси – проведение фестиваля грузинского, в том числе и современного, кино для российского зрителя. «Место на глобусе не изменить, - отметил Михаил Ефимович, - Мы обречены на добрососедские отношения... Мы должны понимать, что это нужно всячески поощрять и смещать все жесткие правила».

В стенах Мэрии Москвы прошли две важные встречи – с первым заместителем мэра Москвы в Правительстве Москвы Ильей Руслановичем Беставашвили и первым заместителем руководителя Департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы Георгием Львовичем Мурадовым. Разговор получился живой и плодотворный. Была затронута тема сохранения русского языка в Грузии. «Иверийцы» получили предложение обратиться с официаль-

ными, только подобная дипломатия способна повлиять, изменить, преобразить сложившуюся в наши дни ситуацию между двумя единоверными государствами. И лишь опираясь на общие традиции, хорошо знакомые в наших странах, мы сможем идти дальше.

Участница из Грузии Натия Лория в своем докладе подчеркнула, что достояние русской литературы – имена Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Есенина, Пастернака не стали чужими для грузинского слуха. Они также любимы. Поэтические связи живы и на них многое держится. Эту же тему продолжил «ивериец» Роман Рижмадзе, он рассказал о том, что в Грузии продолжают из-

Михаил Хубутия с «иверийцами»

Медиа-центр газеты «Известия»

Круглый стол в Доме национальностей

даваться периодические издания и выходить теле- и радиопередачи на русском языке. И необходимо менять стереотипы о том, что в Грузии перестала звучать русская речь. Выступали представители Союза грузин в России, а также руководители армянской, греческой диаспоры и Конгресса народов Кавказа.

Состоялся диалог с клубом «Многоязычная Россия», он прошел в стенах Союза грузин в России. Молодежь обменялась опытом по организации и проведению мультикультурных проектов. Двери Союза всегда открыты для всех, было бы желание встретиться, поговорить по душам и протянуть друг другу руки.

На встрече с представителями старшего поколения грузинской диаспоры в России, в их числе были представлены и региональные отделения, президент Союза грузин в России Михаил Хубутия обратил внимание на то, что «каждый из нас – грузин, армянин, азербайджанец, осетин – выходец из Грузии, вносит свою лепту. Грузия

ным обращением по проекту организации Русского дома в Грузии. Кроме того, Георгий Львович любезно представил нам уникальную возможность ознакомиться с залами Московской Мэрии.

Круглый стол в Доме национальностей, на который, кроме гостей из Грузии, были приглашены члены клуба «Многоязычная Россия», Конгресса народов Кавказа, Союза студенческих землячеств, безукоризненно вел руководитель молодежного движения Союза грузин в России Лаша Чургулия. На встрече много говорилось о наведении культурных мостов, о народной дипломатии. Как считает руководитель «иверийцев» Анна Рехвиаш-

всегда занимала достойное место в истории России. И молодежь, которая пожаловала к нам из Грузии, увидела и убедилась, что русский народ относится к грузинам толерантно, с любовью по сей день».

В подтверждение слов Михаила Михайловича, Анна Рехвиашвили отметила, что «иверийцев» приняли с большой теплотой, их переполняет благодарность за такой прием. Она выразила надежду, что потепление отношений между государствами не заставит себя ждать. «Может, наше поколение что-нибудь изменит. Мы все знаем, между нашими странами нельзя допустить, чтоб мы не жили дружно».

Роман Рижмадзе подчеркнул, «надежда на то, что мост между нашими странами будет восстановлен, жива. Поэтому мы тут. За эти дни было очень много позитива и мы уверовали в наше начинание. Существующий информационный вакуум создает много страхов, дает силу неверной информации. Это все препятствует вос-

Памятник Шота Руставели на Большой Грузинской

становлению дружественных связей между нашими народами». А Алеко Кипиани отметил роль Михаила Хубутия, благодаря которому стала возможной эта поездка. «Мы здесь – одна семья, ее создал батано Михаил. И мы словно малые дети, которые за эти дни в Москве увидели столько чудесного и удивительного».

Следующим шагом в деятельности «иверийцев» станет приглашение российской молодежи в Грузию. «Бакурианский диалог» будет первым ответным проектом на территории Грузии. Горнолыжный курорт примет гостей в конце января 2011 года. В разработке и такие начинания как создание Грузинского дома в Москве и Русского в Тбилиси.

PR-менеджер движения «иверийцы» Тамар Лежава, говоря о выходах из Грузии, подчеркнула: «Мы очень хотим, чтобы этим людям, кто долгое время не посещал Грузию, был дан шанс лучше познакомиться со страной, с ее народом, культурой и традициями...»

Исполнительный директор Союза грузин в России Нугзар Джимшелеишвили не раз во время общения с грузинской молодежью акцентировал внимание на том,

что в любой ситуации, при любых обстоятельствах грузинская диаспора, проживающая в России, всегда будет откликаться и оказывать всевозможную помощь по воплощению в жизнь культурно-просветительских проектов «иверийцев».

ДОРОГА К ХРАМУ

В Свято-Даниловом монастыре прошла встреча делегации из Грузии с Митрополитом Волоколамским Иларионом (Алфеевым). С особой благодарностью вспоминается, что свою речь Владыка Иларион начал с молитвы «Отче наш» на грузинском языке. В его напутствии прозвучали слова о том, что нас объединяет, присутствует с нами в настоящем и останется в будущем наша православная вера, которую мы должны всеми силами укреплять.

В Донском монастыре ведутся реставрационные работы. Несмотря на это, нам было дозволено пройти в усыпальницу, где нашли последнее пристанище грузинские цари.

Храм Христа Спасителя. Новодевичий монастырь. И, наконец, Кремль. Его древние камни, стены, Царь-колокол и Царь-пушка, соборы и башни, православные памятники архитектуры. Эти святые места, намоленные иконы никого не оставляют равнодушным.

А затем была поездка в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру. У входа – множество голубей. Они не боятся людей, садятся на плечи, голову, кормятся с руки. Вокруг белым-бело, снег уже припорошил эту исхоженную святыми старцами и толпами паломников землю... Здесь покоятся мощи Преподобного Сергия Радонежского, Игумена земли Русской. Нас водили по Лавре и невольно наворачивались слезы и накатывала волна благодати и

Храм Св.Георгия в Грузинах

«Иверийцы» в Кремле

умиления, перехватывало дыхание от святости этих мест.

Подобное чувство испытали мы и в тех залах Третьяковской галереи, где хранятся древние с XII века иконы, спасенные Павлом Михайловичем Третьяковым и другими меценатами от исчезновения и забвения.

23 ноября – Праздник «Гиоргоба», Успение почитаемого как в Грузии, так и в России святого, стал особым днем для «иверийцев», гостивших в Москве. В Храме Великомученика Георгия Победоносца на Большой Грузинской (с начала XVIII столетия этот район зовется «Грузины») служба велась на грузинском и русском языках.

Язык грузинский./ В тебе жизнь моя.../
И, как народу./ Нет тебе конца!

Георгий Леонидзе. «Грузинский язык»
(перевод Е.Евтушенко)

В тот же день «иверийцев» встречали хлебом-солью в московской школе № 223 с этнокультурным (грузинским) компонентом (директор Дали Макацария).

В этой школе с просторными классами, обустроенными научными кабинетами, превосходным зимним садом все создано для комфорта и желания детей получать знания с удовольствием. Нам показали анимационные фильмы, которые подготовили четвероклассники с помощью педагогов школы. Наивные рисунки раскрывают богатый мир детских фантазий. Была показана «Легенда о Тбилиси» - интерпретация одной из версий об основании столицы Грузии – встреча Вахтанга Горгасали с оленем.

Визит в школу увенчала блестящая концертная программа, ученики школы № 223 исполнили русские и грузинские народные песни. Ансамбль грузинского танца «Арагви» особо поразил воображение гостей из Грузии своей экспрессией. Многие «иверийцы» были настолько

растроганы, что не смогли сдержать слез. Когда зазвучала песня Булата Окуджавы «Возьмемся за руки, друзья!» детям подпевал весь зал.

Вечером праздничного дня «иверийцы» были приглашены на экскурсию в Галерею искусств Зураба Церетели, президента Российской академии художеств. Мы окунулись в безграничный мир живой легенды Зураба Константиновича.

Как вспоминала неповторимая Верико Анджапаридзе, «настоящее искусство сближает народы, укрепляет узы связующей их дружбы... Пребывание в Москве дает нам силу, энергию и импульс к дальнейшему творчеству».

За торжественным ужином звучали мудрые слова художника о том, что у культуры великая миссия, прежде всего именно она способна преодолеть все трудности и границы между нашими народами.

Во время встреч с московскими грузинами Анна Рехвиашвили верно отметила: «Мы приехали и увидели здесь грузин, которые лучше нас уже знают и традиции и культуру. Для нас это было неожиданно. Конечно, мы знаем, что все это поддерживают. Но настоящие грузины, живя за рубежом, смогли сохранить себя. Мы под впечатлением...»

Наведение мостов – дело нелегкое. Необходимо ли иметь инженерные навыки? Думаю, в первую очередь должно быть чистое сердце. И тогда все получится.

Эта поездка была головокружительно прекрасна! Всего одна неделя, заполненная яркими событиями. Время пройдет, а след не изгладится.

Низкий поклон за царское гостеприимство!

Алена ДЕНЯГА
Фото автора и Шорены ДЖАХАЯ

НА I ТБИЛИССКОМ ФЕСТИВАЛЕ РОССИЙСКОГО КИНО, ПРОШЕДШЕМ В ПЕРВЫХ ЧИСЛАХ НОЯБРЯ, БЫЛА ПРЕДСТАВЛЕНА РЕТРОСПЕКТИВА ФИЛЬМОВ КИНОРЕЖИССЕРА СЕРГЕЯ СОЛОВЬЕВА. ЗРИТЕЛИ УВИДЕЛИ ПОСЛЕДНИЕ РАБОТЫ МАСТЕРА - «НЕЖНЫЙ ВОЗРАСТ», «АССА2», «АННА КАРЕНИНА» И «ОДНОКЛАССНИКИ». КОРРЕСПОНДЕНТУ «РК» УДАЛОСЬ ПОБЕСЕДОВАТЬ С СЕРГЕЕМ СОЛОВЬЕВЫМ.

СТРАДАНИЕ ПОРОЖДАЕТ КРАСОТУ

«ГОНИТЕ ЕГО НА ФИГ!»

- На пресс-конференции в Тбилиси, в офисе РИА Новости, вы говорили о неблагоприятной ситуации, которая сложилась в России для кинематографистов. Когда вам как художнику легче было снимать фильмы - в прежние времена или сейчас?

- Да ну что вы! Конечно, при советской власти! Тогда стояла только одна проблема – было невозможно договориться по поводу того, что ты будешь снимать. Но если ты уже договорился, то имел за спиной могучую, грандиозную государственную машину, не допускавшую малейших сбоев. А сейчас каждый день, час съемки – абсолютная авантюра с непредсказуемым финалом. Непонятно, доведем ли мы картину до конца. Может прийти продюсер и сказать: «Чем ты тут занимаешься вообще?» Это еще лучший вариант. А может заявить, глядя на тебя: «А это кто такой?» - «Это режиссер!»- «Какой режиссер? Гоните его на фиг!» Председатель Государственного комитета СССР по кинематографии Филипп Тимофеевич Ермаш годы тратил на то, чтобы уговорить Андрея Тарковского изменить четыре фразы в фильме. Он звонил, они переговаривались, встречались в каких-то местах, со свидетелями, без свидетелей – и все из-за четырех фраз. Это министр крупнейшей кинематографической машины! А сегодня с тобой никто и разговаривать не будет. Придут, перемонтируют картину так, как им нужно – начало в конец, конец – в начало, все вверх ногами. Почему? Потому что я так хочу! Ничего нет отвратительнее, чем власть денег в искусстве. Не имею представления о том, как она сказывается на промышленном производстве. Но я знаю точно, что более унижительного и позорного издевательства над художником, чем издевательства при помощи денег, не существует. Все лучше! Когда ты идеологически

споришь, то все-таки остаешься человеком. А когда тебе говорят: «А ты кто такой вообще?»...

- А как же пресловутая свобода?

- Какая же это свобода? Это не свобода, а перераспределение ценностей, вот и все. Наши тоталитарные мучители сняты мне сегодня по ночам как светлые люди с ангельскими крылышками.

«СОЛОМА ВОЛОС, ГЛАЗ СИНЕВА»

- Что вы считаете самым большим достижением в своей жизни?

- Нет у меня больших достижений. Нечего считать. Самое интересное, что было, - это жизнь во всей совокупности того, что ее составляло. Но так, чтобы из нее вычленил какое-то достижение, - нет! И подспудности такой нет.

- Что явилось толчком к тому, чтобы вы стали режиссером? Какое влияние вы испытали?

- Фильм «Летят журавли» Михаила Калатозова. Мне было 13 лет, когда я увидел эту картину и понял, что ничем другим в жизни заниматься не буду. Сразу возникла какая-то ясность. И вовсе не патетически - вот хорошо бы стать режиссером! Почему, не знаю. До сих пор мне это непонятно.

- А как родилась ваша первая картина?

- Это даже слишком красиво сказано - родилась картина! Все на самом деле в профессиональной жизни получается, если ты правильно себя ведешь в складывающихся обстоятельствах. «Жизнь - без начала и конца. Нас всех подстерегает случай, над нами сумрак неминуемый и ясность Божьего лица», - писал Александр Александрович Блок. Абсолютная правда!

- А как случай проявил себя в вашей судьбе?

- В том кинообъединении, в котором я работал, большой режиссер Сергей Юткевич снимал картину про Чехова - про роман писателя с Ликой Мизиновой. Она называлась «Сюжет для небольшого рассказа». У него был ассистентом ныне покойный Саша Бланк. И в благодарность за то, что он хорошо работал, Юткевич попросил дать Саше возможность снять короткометражную картину. Но ему сказали: «Нам маленькие картины не нужны, давайте тогда снимем альманах из чеховских новелл!» И в этот момент в студии случайно появился я с большим полнометражным сценарием, который назывался исключительно безвкусно и глупо: «Солома волос, глаз синева». Позднее он превратился в сценарий «Спасатель»... Все долго его читали. Потом спросили: «А ты можешь одну новеллу снять для чеховского альманаха?» Так у меня родились первые короткометражные картины, вошедшие в альманах «Семейное счастье» - «От нечего делать» и «Предложение».

НЕ БЫТЬ КОЗЛОМ-ПРОВОКАТОРОМ

- Сергей Александрович, почему вы решили снять продолжение «Асса»? Ведь нельзя дважды войти в одну и ту же реку...

- Новая «Асса» не имела никакого отношения к прежней. Зачем дважды входить в одну и ту же реку? Только с желанием повторить то, что однажды уже было. А «2Асса2» - это очень печальное продолжение первого фильма. Так что река там совсем другая, частично ее уже нет, этой реки. Она вообще обмелела, давным-давно высохла. Поэтому тут я не пытался войти в одну и ту же реку, абсолютно не рассчитывал на повторение успеха. Мне важно было снять честное продолжение истории. Есть такая должность на бойнях - козел-провокатор. Первым пускают козла, за ним идет все остальное стадо. А потом его не убивают, а стадо - бьют. А он во второй раз заходит на бойню. Это о том, как дважды входят в одну и ту же реку. Мне очень не хотелось быть козлом-провокатором. Потому что в свое время я очень сильно блял: «Ступайте за мной, перемен хотим, перемен!» Конечно, многие произошедшие перемены чудовищны, и никто их не хотел

таких перемен! Мы имели в виду другие перемены.

- Но в России ничего не бывает наполовину, все - на полную катушку...

- Да, такая страна и такая катушка...

- Знать бы, где уласть, соломки подостлать...

- Да, знал бы прикуп, жил бы в Сочи.

- Вы же не ностальгируете о прошлом?

- Какая ностальгия, ну что вы? О чем вы?

- Значит, вы хотели бы чего-то третьего?

- Механически невозможно! Первый раз не получилось, второй раз не получилось, а вот в третий будет, наверное, удачно! Я понимаю, что все мы обречены жить, пока Бог нас держит на этой земле. Поэтому не важно, чего я хочу, а чего - нет. Понятно одно: все движется почему-то так, а не иначе. А то, что я хочу, не имеет практически никакого значения.

ТРАГЕДИЯ НЕРЕАЛИЗОВАННОСТИ

- А чего вы хотите, Сергей Александрович?

- Да ничего я не хочу. Мне очень интересно жить на белом свете. Я хочу удовлетворить свой художественный интерес - и больше ничего!

- А это получается в новой реальности?

- Обязательно получается. Художественные интересы обширны, поэтому кусочками, частично получается их удовлетворить. Но на самом деле интересы, конечно, значительно шире. Сейчас я понимаю очень хорошо, что единственная колоссальная, настоящая драма в жизни любого человека, который имеет некоторые основания называть себя художником, - это не несчастная любовь, не предательство друзей... это все ерунда! Самая большая драма, трагедия - это нереализованность. Все остальное можно пережить. А вот это ужасно тяжело переживается. Потому что тебя ни за что ни про что лишают практически главной твоей жизни.

- Неужели вы говорите о себе?

- Я сейчас хочу издать толстую книжку под названием «Неснятые фильмы. Почему?» В нее войдут нереализованные сценарии. Перед каждым я напишу историю: почему не снята эта картина. Причины - разные, и каждый раз исключительно циничные. Во все времена. По сути же сегодня ничего не изменилось...

- Но ведь каждый режиссер, художник, писатель несет на плечах груз нереализованных замыслов...

- И все-таки количество нереализованного, причем бессмысленно нереализованного по бюрократическому хулиганству, тайным соображениям, денежным взаимоотношениям, значительно! Этот, так сказать, хулиганский список нереализованных сценариев - преступление, которое совершается по отношению ко мне. Но я-то знаю: то же самое происходит и с другими. Не хочу быть полным сутягой, поэтому изложу все это в виде новелл. Хотя по каждому факту у меня есть документы, позорные документы.

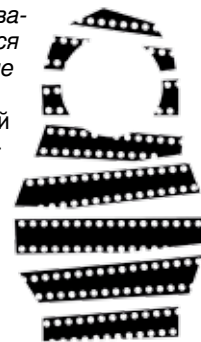
В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ МОЛОДЫЕ

- В фокусе вашего внимания как художника всегда - молодые люди. Наверное, в судьбе молодого человека более отчетливо проявляется время...

- На мой взгляд, это самый интересный возраст в жизни человека - от 13 до 21. Дальше идет расширенный комментарий к тому, что удалось выяснить в этот промежуток - от 13 до 21. Дальше все значительно скучнее - идет система доказательств. А вот система того, что нужно доказывать, формируется именно в юном возрасте. И это всегда интересно.

- От 13 до 21 - «нежный возраст». Это название одного из ваших фильмов, в котором снялся ваш сын. Жесткая картина, снятая на переломе эпох!

- Поколение, к которому принадлежит мой сын, пережило тяжелые перемены. Они на-

чинали как правоверные пионеры, которых готовили к социалистическому образу жизни, и уже через некоторое время выяснилось, что никакого социалистического образа жизни уже не будет. Как и пионеров. А будет малоопытная, таинственная и, в общем-то, бандитская рыночная экономика. Герои фильма «Нежный возраст» совершенно не собирались из пионеров переходить в бандиты. Это сделало время. Потому что никакой другой рыночной экономики в то время не понимали – только бандитскую... Единственное, что может нас вытащить из прострационной ямы, в которой мы все находимся, это вера и искусство. На них и нужно уповать. Поэтому мы хотели, чтобы у нас получилась не картина отчаяния, а картина надежды на то, что, несмотря ни на что, белый свет прекрасен...

- С годами между вами и теми, о ком вы снимаете фильмы, неизбежно увеличивается зазор. Это не мешает пониманию?

- Наоборот, это делает все острее и интереснее. Сейчас я закончил картину «Одноклассники». Сценарный замысел родился у моей студентки Сони Карпуниной. Она поступила в Кембридж, потом ей это надоело, и Соня вернулась в Россию, поступила во ВГИК и однажды принесла мне учебную работу. Вместе мы написали сценарий, вместе делали эту картину. Соня сыграла в ней главную роль. Это крупнейшая часть жизни! И у меня совершенно не было ощущения, что я специальный профессор, приставленный к Соне. Просто мы жили вместе, как живут близкие люди. Ведь если есть какая-то неудовлетворенность, люди сразу расходятся. Врагов самому себе нет. О фильме «Одноклассники» ничего сказать не могу. Я давно понял, что искусство бессмысленно, бесцельно. Оно не имеет задачи промыть мозги зрителю, настроит на свой лад, воспитать – это все бред. Искусство показывает некие картины жизни, которые кажутся достойными собственного внимания и внимания тех людей, которые это будут смотреть. Вот эти картины жизни обладают загадочной силой и вызывают некий магический интерес, если он возникает, конечно. Если этого не происходит, то – скукота. А если возникает, то что-то оседает в твоём сознании. Чтобы это случилось, предлагаемые картины должны быть исключительной яркости, красоты. Чему я могу научить? Только красоте и страданию. Страдание порождает красоту, а красота – страдание. Такая вот закономерность русской жизни. Когда-то Марину Цветаеву спросили: «Почему вы все время пишете о несчастной любви?» А она с изумлением: «Что? Разве бывает любовь счастливой?» Это один из самых главных ментальных постулатов русского сознания.

ТРАЕКТОРИЯ ПОЛЕТА БАБОЧКИ

- А разве счастливой любви не бывает?

- Никогда! Тогда это не любовь, а что-то другое. Демографическая удача, хорошая статистика браков. Но это не любовь!

- Хотя бы потому, что все смертны?

- Хоты бы потому. Хотя бы потому, что все кончается, неминуемо кончается. Но многие привыкли этого не замечать. Говорят, что любовь зла – полюбишь и козла. Не полюбишь ты козла! А любовь зла, но совсем по-другому.

- Об этом и ваша «Анна Каренина»?

- Конечно, только об этом и больше ни о чем... Когда я начинал снимать, то был на интуитивном уровне подвержен этому сознанию, что «Анна Каренина» - роман об измене. А потом подумал: неужели такой большой человек с окладистой бородой и умными глазами потратил столько времени только для того, чтобы промыть наши мозги истиной: нехорошо изменять мужу, иначе попадешь под паровоз?

- Но в эпиграфе к роману это ведь есть?

- Это есть вообще во Льве Николаевиче Толстом – желание из всего извлечь нравоучительную пользу для людей. Но поскольку он был гением, то в момент писания

романа вся его вера в эти истины пропадала, входила в немислимое противоречие со всеми эпиграфами, послесловиями, и тогда писатель становился подлинным, живым гением. Поэтому моя картина «Анна Каренина» только о любви и больше ни о чем. Однажды я вычитал у кого-то такое название – «Траектория полета бабочки». Если говорить об Анне Карениной, то ее судьба - это траектория полета немислимой красоты и немислимой искренности бабочки. Кардиограмма жизни, сердца женщины. Кардиограмма эта крайне противоречива. Нужен целый синклит кардиологов, чтобы что-нибудь понять. Ясно, чем это закончилось для Анны. Но для этого кардиологов не надо.

- А сопротивление материала было?

- Абсолютно никакого. Наоборот – работа была огромным удовольствием! Когда-то Всеволод Мейерхольд сказал: когда режиссер работает над искусственной, порочной, плохой вещью, конечно, ему нужно за это платить большие деньги, потому что он тратит столько души, серого вещества на то, чтобы во что-то путное свести не сходящиеся концы. А когда выпадает счастье поставить «Гамлета», или «Ревизора», или «Лес» Островского, то, наверно, нужно брать колоссальные деньги с самого режиссера. Потому что это счастье ни с чем несравнимо!

- Если бы не было встречи с Татьяной Друбич, режиссер Соловьев был бы другим?

- Конечно. Если бы не было Тани, я никогда в жизни не стал бы снимать «Анну Каренину». Просто я понимал, что пока есть Таня, нужно снять «Анну Каренину». Вот и все...

- Встреча с Татьяной энное количество лет назад тоже оказалась тем самым случаем...

- Конечно. Знаете, как бывает «гороодообразующая» промышленность – так и «фильмообразующая» встреча.

- Орбиты сошлись?

- Нет, я не могу сказать, что орбиты сошлись. Тут что-то другое. Если хотите, это простой практический расчет. Раз уж Таня есть, нужно снимать «Каренину». Там не было такого: с этой женщиной я хотел бы найти самое тяжелое колесо, под которое она попадет!.. Только здравая, разумная установка. Совершенно не экзотическая.

ЕДИНСТВО, А НЕ СОВМЕСТИМОСТЬ

- Сергей Александрович, как вы считаете, события, подобные I фестивалю российского кино в Грузии, могут помочь оздоровлению отношений между нашими странами?

- На самом деле, я никак не считаю. Это дело политиков. Такого рода отношения между русской и грузинской культурами, русскими и грузинскими кинематографистами даже нельзя назвать просто контактами. Это абсолютно естественное, нормальное дело, которое не должно прекращаться. Поскольку Бог рассудил так, что нам нужно жить вместе. Мы два христианских народа, геополитически очень близкие друг к другу. А эта совместная жизнь возможна только при совместной культуре, совместных цивилизованных представлениях. Поэтому это необходимо, нормально! А поможет ли реально фестиваль вразумить одних или, напротив, окончательно свести с ума других? Нет, конечно!

- Евгений Евтушенко говорит о совместности культур грузинского и русского народов.

- В нашем случае уместно ли слово «совместимость»? Конечно, нет. Скорее, это единство культур. И ничего тут не поделаешь. Сколько тут не выкручивай каких-то политических химер, невозможно отменить единство Тициана Табидзе и Пастернака. Или феномена Булата Шалвовича Окуджавы во второй половине двадцатого века в России. Какая там совместимость?! Кто-нибудь когда-нибудь говорил о совместности Булата Окуджавы с русской культурой? Нет. Потому что он эту культуру образовывал! Поэтому как данность, посланная нам Богом, есть единство наших культур, а вовсе не их совместимость. Тут и совмещать нечего!

Инна БЕЗИРГАНОВА

ИГРЫ ЧИСТОГО РАЗУМА И ЧУВСТВА

В истории человеческой мысли есть несколько вопросов, на которые так и не нашлись ответы: «Кто виноват?», «Что делать?», «Быть или не быть?».

Существует, однако, еще один вопрос. Он был хорошо знаком физикам, а ныне — благодаря пьесе Майкла Фрейна «Копенгаген» — известен широкому кругу любителей современной драматургии, театрального искусства и стал фактом литературы: «Зачем Вернер Гейзенберг приезжал в Копенгаген к Нильсу Бору?» Загадка, которую разгадать невозможно. Загадка, в которой скрывается судьбоносная трагедия чувства и разума.

В сентябре 1941 года в оккупированный немцами Копенгаген к Нильсу Бору прибыл неожиданный гость — его ученик Вернер Гейзенберг, ставший к тому времени директором Физического института имени кайзера Вильгельма в Берлине. Он приехал на научную конференцию, в которой ни Бор, ни сотрудники его института участия не принимали, считая ее коллаборационистской.

Содержание разговора ученых до недавних пор было известно лишь в версии Гейзенберга, который после войны очутился в вакууме — ученые всего мира не подавали ему руки как бывшему нацисту. В письме к журналисту Роберту Юнгу, опубликовавшему впоследствии книгу «Ярче тысячи солнц», он так рассказал об этой встрече: «Беседа началась с моего вопроса, должны ли физики в военное время заниматься урановой проблемой, ибо прогресс в этой области сможет привести к серьезным последствиям в технике ведения войны. Бор ответил контрольным вопросом: «Вы действительно думаете, что деление урана можно использовать для создания оружия?» Я ответил: «В принципе возможно, но это потребовало бы таких невероятных усилий, которые, будем надеяться, не

удастся осуществить в ходе настоящей войны». Бор был потрясен моим ответом...» Гейзенберг утверждал, что пришел к Бору именно для того, чтобы сообщить, что немецкие физики не в состоянии создать атомную бомбу. Он якобы считал, что, узнав об этом, противная сторона тоже приостановит работы... Но Бор отнесся к его словам с недоверием, считая, что Гейзенберг намерен выяснить уровень его профессиональной осведомленности. Свидание оставило у обоих тяжелый и горький осадок.

Как выяснилось впоследствии, в период между 1957 и 1961 годами Бор написал одиннадцать писем своему ученику, которые так и не были отправлены. Эти письма хранились в архиве семьи Бора и должны были, наряду с другими документами, быть преданы гласности через пятьдесят лет после кончины ученого — в 2012 году. Однако в 2002 году запрет на публикацию был пересмотрен, и письма Бора увидели свет.

В первом письме как раз и рассказывается о характере встречи двух ученых, и этот рассказ резко отличается от версии Гейзенберга. Бор пишет: «Дорогой Гейзенберг, я... глубоко удивлен тем, насколько вам отказывает память в письме к автору книги (Р.Юнгу). Я помню каждое слово наших бесед. В особенности сильное впечатление на меня и на Маргрет... произвела ваша абсолютная убежденность в том, что Германия победит и что поэтому глупо с нашей стороны проявлять сдержанность по поводу германских предложений о сотрудничестве. Я также отчетливо помню нашу беседу у меня в кабинете в институте, в ходе которой вы в туманных выражениях общили: под вашим руководством в Германии делается все для того, чтобы создать атомную бомбу. Я молча слушал вас, поскольку речь шла о важной для всего чело-

Темур Чхеидзе

Любви, мира, благополучия
Мы вас любим
Штабровский

Удачи и стабл.
О. Асманов

вечества проблеме. Но то, что мое молчание и тяжелый взгляд, как вы пишете в письме, могли быть восприняты как шок, произведенный вашим сообщением о том, что атомную бомбу сделать можно, – весьма странное ваше заблуждение. Еще за три года до того, когда я понял, что медленные нейтроны могут вызвать деление в уране-235, а не в уране-238, для меня стало очевидным, что можно создать бомбу, основанную на эффекте разделения урана. В июне 39-го я даже выступил с лекцией в Бирмингеме по поводу расщепления урана, в которой говорил об эффектах такой бомбы, заметив, однако, что технические проблемы реального ее создания настолько сложны, что неизвестно, сколько времени потребуется, чтобы их преодолеть. И если что-то в моем поведении и можно было интерпретировать как шок, так это реакцию на известие о том, что Германия энергично участвовала в гонке за обладание ядерным оружием первой...»

Один из самых авторитетных биографов Гейзенберга американский историк, профессор Дэвид Кэсиди пишет: «Гейзенберг, возможно, знал или силь-

но подозревал, что Бор связан с учеными союзников через подполье... (Мы можем) с большой долей вероятности предполагать, что, во-первых, он хотел убедить Бора в том, что неизбежная победа Германии – это совсем не плохо для Европы. Во-вторых, он, по всей видимости, хотел использовать влияние Бора, чтобы предотвратить создание бомбы союзниками».

Нет, опубликованные письма Бора не дали ответов. Они поставили очередные вопросы. Принцип неопределенности, созданный Гейзенбергом, оказался метафорически воплощен в реальной жизни. В пьесе Маргрет говорит, обращаясь к Гейзенбергу: «Я назову тебе еще одну причину, которая заставила тебя заниматься неопределенностью: у тебя к ней природная склонность».

У Бора свои метафоры. Автор принципа дополнителюности именно дополнил задачу новыми условиями. Поэтому историки и говорят о том, что ничего не могут утверждать наверняка, а лишь «могут предполагать», «вероятно», «по всей видимости»... И это уже вопрос не только истории, но драматургии и философии. Историк, как всегда, спрашивает «кто, что и когда?», драматург задает вопрос «зачем?», а философ отправляется «от точки, в которой знание не помогает», и, значит, «он идет в направлении смысла» (М.Мамардашвили).

Английский драматург и журналист Майкл Фрейн уже в 1998 году почувствовал магию этого загадочного сюжета и написал философское драматическое произведение.

Пьеса «Копенгаген», казалось бы, совершенно несценичная, очень умозрительная, обрела счастливую судьбу. Она была удостоена звания лучшей пьесы 1998 года, премии газеты «Ивнинг Стандарт», Мольеровской премии (1999) и высшей бродвейской театральной награды – премии Тони. Пьеса стала событием и театральным, и литературным. «Копенгаген» хочется не только посмотреть, но и пересматривать, не только читать, но и перечитывать. Слишком силен побудительный призыв к размышлениям... «Идея пьесы «Копенгаген», - говорил автор, - возникла из моего интереса к философии... Я столкнулся с сюжетом о встрече Гейзенберга и Бора в 1941 году и чем больше я думал об этой истории, тем больше я понимал, что она напряжущую связана с теми проблемами, которыми я занимался в философии на протяжении долгого времени. Откуда нам знать, почему люди делают то, что они делают, и даже как может один человек знать, что и почему он делает? Этот фундаментальный вопрос - сердце пьесы».

Предметом художественного исследования и сценического расследования становится диалог учителя и ученика. Почему люди поступают так, а не иначе? Но в пьесе ставится и вопрос об ответственности ученого за возможные последствия научных открытий. Гейзенберг, оставаясь в нацистской Германии, по Фрейну, тормозил разработку смертоносного оружия. Бор, которому в Дании пришлось прятаться от нацистов, был спасен Гейзенбергом от расправы эсесовцев, оказался в Америке и работу завершил. Результаты этой работы и были применены в конце войны в Японии... Таким образом, обсуждаемый в «Копенгагене» вопрос можно задать и по-другому: «Не могли или не хотели немецкие физики во главе с Гейзенбергом создать атомную бомбу?» Этот до сих пор не решенный историками науки вопрос очень важен. Ведь именно опасаясь того, что у Гитлера может появиться атомная бомба, Лео Сциллард и Альберт Эйнштейн обратились к президенту Рузвельту, что повлекло за собой развертывание американской программы разработки атомного оружия, а затем Хиросиму и Нагасаки, а впоследствии и гонку ядерного вооружения. «Ты перебрался из Швеции в Лос Аламос», - замечает в пьесе Гейзенберг. Бор отвечает: «Чтобы внести свой маленький, но полезный вклад в гибель сотни тысяч людей... В то время как тебе, дорогой Гейзенберг, за всю свою жизнь так и не удалось поспособствовать гибели хоть одного человека».

Пьеса «Копенгаген» – это версия, точнее, несколько гипотез, зачем же Гейзенберг приезжал к Бору. Но в итоге отчетливо понимаешь, важно не то, как именно ответишь на этот вопрос, а то, чтобы ты вообще задал себе серьезный вопрос. Именно поэтому – Копенгаген. А значит – Дания, Эльсинор и вечные вопросы. «На север, к Эльсинору», - говорит Гейзенберг в начале второго акта. «Ты помнишь Эльсинор? Потемки человеческой души?» - повторяет он в конце пьесы.

Казалось бы, ну что нам физика? Что нам Гекуба? Ан нет, до этого нам дело есть... И доказал это Темур Чхеидзе.

В 2003 году он собирался ставить «Копенгаген» на сцене МХТ имени Чехова, о чем даже было объявлено на сборе труппы. Но что-то не сложилось, постановку осуществил молодой режиссер Миндаугас Карбаускис. (Этот спектакль уже сняли – противников метафизической постановки оказалось больше, чем поклонников). А Чхеидзе поставил «Копенгаген» на сцене БДТ в 2004 году. Спектакль идет до сих пор. Недавно тбилисцам выпала счастливая возможность увидеть его на сцене Тбилисского русского театра имени А.С.Грибоедова в рамках Второго Международного театрального фестиваля.

К многословному, умозрительному, сложному для воспроизведения и понимания тексту Чхеидзе подошел с категорической установкой – никакой метафизики, никаких мистических символов и иносказаний. Это спектакль о насущном, жизненно важном для человечества в целом и для каждого человека в отдельности. «Вопросы, которые ставит эта пьеса, должны волновать нормально человека, - сказал режиссер в беседе с журналистом «Русского клуба». - Меня они волнуют, и ничего метафизического в них нет. Идет анализ того, что случилось, со всех сторон. Это бесконечно любопытно. В пьесе стоят вопросы, на которые нет ответа, но человек сурожно их ищет всегда. И у каждого будет свой ответ».

Вопросу «быть или не быть?» Чхеидзе возвращает первозданный смысл оригинала – «жить или не жить»? А это, как всегда, значит – как жить?

Спектакль БДТ оформлен со строгим минимализмом – вращающиеся цилиндрические формы, бегущие облака на заднике. А на экране – классическое $E = mc^2$. И сам спектакль Чхеидзе сродни формуле – элегантность и строгость формы, достоинство и скрытая эмоциональность изложения, и ничего лишнего. Но чтобы разгадать смысл формулы, как известно, над ней надо покорпеть. Как над текстом «Копенгагена». Ведь физика – это не просто знаки, составленные в формулу. Это сама жизнь, которая и наполняет формулу значением. Ведь трагедии случаются с людьми, а не с формулами.

В пьесе три персонажа – Нильс Бор, его жена Маргрет и Вернер Гейзенберг. Но главным действующим героем все-таки является произнесенное слово. «Сейчас мы все умерли, нас нет», - с этой фразы начинается спектакль. Герои встречаются уже после смерти, и единственное, что у них есть, - чистый разум. Чхеидзе ставит не трагедию, а восприятие трагедии, не проблему, а отношение к проблеме. А тайна остается тайной.

Герои собираются в некоем пространстве, чтобы вновь и вновь проиграть сцену той непонятной встречи. История идет по спирали, пополняясь новыми подробностями.

«Бор: Ну так, Гейзенберг, зачем же тогда ты приезжал?»

Гейзенберг: Зачем я приезжал?

Бор: Расскажи нам еще раз. Еще один вариант научного труда. И на этот раз мы разберемся в нем. На этот раз мы поймем».

Трижды воспроизводится встреча. Вначале кажется, что Гейзенберг приехал выведать, насколько Бор приблизился к решению проблемы расщепления атома. Потом веришь, что он приезжал за моральной поддержкой,

боясь последствий изобретения атомной бомбы и пытаясь убедиться, что изобрести ее невозможно. И наконец, все кончено. Гейзенберг выводит Бора в сад и задает ему свой вопрос: «Имеет ли ученый-ядерщик моральное право работать над практическим применением атомной энергии?» Бор разворачивается и идет в дом. «Гейзенберг хотел попрощаться. Он уезжает». Пришел конец легендарной дружбе Нильса Бора и Вернера Гейзенберга.

Театральные критики уже отметили, что Темур Чехидзе, как во мхатовской «Антигоне» (режиссер поставил пьесу Ж.Ануя в 2001 году), «показал ситуацию, выход из которой невозможен. Один физик в фашистской Германии задерживает разработку атомного оружия и тем самым ставит свою страну под возможный страшный

здравляю вас и не сомневаюсь, что это добрый знак. Первый вопрос не может быть иным просто по определению. Месяц назад Кириллу Лаврову исполнилось бы 85 лет. Каково быть дочерью великого артиста?

- Такого знаменитого – очень тяжело. Никакого счастья в этом нет. В связи с этим я все время нахожусь в постоянной внутренней самооценке – насколько мои успехи связаны со мной, не влияет ли имя отца...

- До сих пор сомневаетесь?

- Да. Так ведь и папа был большой самодет.

- Сомнения вообще свойственны творческим людям или это индивидуально?

- Не знаю, но если бы у меня папа не был Кириллом Лавровым, я бы меньше в себе сомневалась... Хотя мне

трудно ответить по одной простой причине – я не знаю, что такое не быть дочерью Кирилла Лаврова. Я родилась, когда он уже был известным и популярным актером, и ничего, кроме неудобств – внешних и внутренних – его популярность мне не приносила. Например, отдохнуть с ним было невозможно – его всегда и везде узнавали, мне это так не нравилось... И все-таки я была настолько самоуверенна, что рискнула придти в театр, которым он руководил. К тому же приглашения исходили не от него, а от режиссеров.

- Это обоснованная самоуверенность... Когда вы появляетесь на сцене, никуда не денешься, зрители начинают сравнивать. А потом с облегчением вздыхают – прекрасная актриса.

- Спасибо большое. И все

равно я всю жизнь, каждый выход на сцену доказываю, что я чего-то стою. Хотя я всегда ощущала себя абсолютной самостоятельной единицей, у меня была своя творчески насыщенная жизнь, и все мы были другим поколением, не связанным с актерским поколением отца. У нас была своя актерская и режиссерская компания. Поэтому когда поступило предложение работать в БДТ, я, ничтоже сумняшеся, пошла.

- Продолжаются ли товстоноговские традиции в сегодняшнем БДТ?

- Ну что значит «товстоноговские»? Безусловно, это был великий режиссер. Я видела «Тихий Дон», «Три мешка сорной пшеницы»... Это потрясло неординарностью мышления, правдивостью происходящего на сцене, удивительным актерским ансамблем и тем, что все было завязано на одной идее, все подчинено одной задаче. Но к концу жизни он многое уже исчерпал, сходил на коду. Я помню последние годы Товстоногова, спектакль «На дне» - это была неудача, далеко не «Мещане». И все понимали, что это не расцвет, а закат. Об этом забывать, мне кажется, нельзя... Спектакль «На всякого мудреца...» был бенефисом Лебедева, Стрельчика, Басилашвили. В этом уже не было товстоноговского театра – это были просто блестящие актерские работы... Я пришла в театр в 90-е годы. Они, конечно, были страшным временем. Это была какая-то война. Сколько случилось трагедий... Из моих однокурсников – нас было двадцать человек – в профессии осталось человек пять, а из людей моего поколения очень многих уже нет в живых. Зритель не ходил в театр, исчезло кино. А когда кино опять возникло, пришли новые люди. И мы оказались за бортом – поезд ушел, ведь кино всегда питается живой кровью, ему нужны новые лица. И то, что в 90-е наш театр сохранился, – это огромное достоинство. Хотя мне всегда ка-

Сцены из спектакля «Копенгаген»

удар, другой во имя мира эту бомбу разрабатывает и испытывает на живом объекте. Сложность жизни делает по меньшей мере двойственным любой шаг, сделанный даже с самыми благими намерениями. Но остаться чистым в этой истории не удалось никому».

Когда в финале спектакля, воодушевленный подскозкой Бора, Гейзенберг порывисто пишет заветную формулу, цифры превращаются в самое страшное для человечества изображение — слышится звук взрыва и на экране возникает атомный гриб. Шоковая пауза, и через мгновение по заднику плывут облачка... Вот она, цена вопроса. И горький итог в словах Бора: «Прежде чем мы успеваем разобраться, что к чему в этой жизни, она подходит к концу»

Артисты Олег Басилашвили (Бор), Валерий Дегтярь (Гейзенберг), Мария Лаврова (Маргарет Бор) были закономерно номинированы на высшую театральную премию Санкт-Петербурга «Золотой софит» как лучший актерский ансамбль. Три ярких исполнителя, три солиста сыграли симфонически слаженно роли, каждая из которых автономна, магистральна, но при этом сценически живет только в союзе с двумя остальными. О. Басилашвили поразительно играет масштаб личности – магию своеобразия, блеск разума, остроту чувств. В. Дегтярь, артист эмоциональный и умный, удивляет разнообразием актерских красок в каждой из трех сыгранных версий. М. Лаврова – это страстная и сдержанная, справедливая и пристрастная Маргрет, такая «жена волшебника»...

Показ «Копенгагена» на сцене Грибоедовского театра счастливым образом совпал с днем рождения **Марии Лавровой** - заслуженной артистки России, лауреата Государственной премии (спектакль «Аркадия», 2001).

- Это как-то символично - вы первый раз в Тбилиси, и как раз здесь встречаете свой день рождения. Я по-

залось, что он немного законсервировался, находился в стагнации и пытался выжить на старых дивидендах – в отличие, кстати, от спектаклей Темура Чхеидзе, который стал режиссером в БДТ с 1991 года. Но в основном пытались продержаться на именах. С приходом Чхеидзе было связано столько надежд! Это должен был быть новый поворот, новый виток в развитии театра. Но Темур Нодарович очень долго не становился художественным руководителем. Худруком был папа. Но папа был не режиссер, а актер, и его головной болью, главной задачей, которую он перед собой ставил, было сохранить труппу, актерское товстоноговское ядро. И репертуар строился так, чтобы звезд обеспечить ролями... А сейчас мы находимся на качелях. И очень важно найти свой собственный голос и жить не за счет того, что у нас есть гениальные актеры Фрейндлих и Басилашвили.

- То есть вы в поиске?

- Мне кажется, да. Театр находится на, я не хочу говорить, перепутье, потому что Чхеидзе очень хорошо знает, чего хочет. Но очень хочется прорваться с новыми актерскими индивидуальностями, с новыми открытиями. Театр – живой организм. Он не может быть музеем.

- Как вам кажется, какова на сегодняшний день роль искусства в нормализации отношений между народами?

- Мнение политиков о народе очень занижено. Люди все понимают. Понимаете, вам врут одно, нам врут другое. Разве из-за того, что нам врут, мы становимся кретинами? Это глубокое заблуждение политиков. Мы жили в одной стране, мы дружили. И я думаю, что тяжелый период не может продолжаться вечно. Главное, чтобы люди сохраняли здравомыслие и понимали, что политика – это грязное дело и сплошное вранье.

- А что же есть правда?

- Правда – это любовь, это желание людей общаться, пить вино, разговаривать... Вот и все.

Валерий Дегтярь – народный артист России. Награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени. Лауреат Санкт-Петербургской независимой актерской премии им. В.И. Стрельчикова.

- Спектакль «Art», который вы показали в Тбилиси на фестивале «Виват, Санкт-Петербург!» остался в памяти до сих пор, как и знаменитая сцена, после которой вас награждали заслуженной овацией...

- Спасибо. Тот приезд в Грузию был не первым. Первый раз я приехал сюда в 80-е годы с театром имени Комиссаржевской. На меня произвели огромное впечатление ваш город, ваша страна. Потом мы побывали здесь еще раз вместе с Рубеном Агамирзяном, главным режиссером театра. Потом последовал приезд в 2001 году, о котором вы вспомнили. В 2003 году мы были в Боржоми с этим же спектаклем «Art». Так что сейчас – пятый раз.

- Некоторые считают, что в драматические периоды истории заниматься искусством, говорить об искусстве – неактуально, неловко, что ли... Как вам кажется, искусство действительно может воздействовать на реальность?

- Я думаю, без всякого пафоса говоря, только искусство и способно навести мосты, соединить снова то, что было родственно друг другу изначально. Потому что именно оно лечит, выравнивает все искривления. Искусство – одно из первых по значимости влияния на души. И возвращение того, что было. В душах людей – и русских, и грузин – сегодня произошли какие-то изменения...

- Но мы смотрим на северо-запад с любовью, как и смотрели.

- Так и мы с любовью все вспоминаем. И все рвутся в Грузию, и нам сейчас завидовали белой завистью, что мы едем в Тбилиси. Каждый раз, приезжая сюда, отдыхаешь, такое ощущение, что находишься в очень родном краю. Мне хорошо, здесь то, что я любил, люблю и буду

любить. Потому что это никуда не уходит.

- Вы служили в разных театрах. Как вам работается с Чхеидзе? Сегодняшний БДТ – это новый этап в жизни театра?

- Я думаю, что это хороший новый этап, но в продолжение той же самой дороги. Мне «посчастливилось» не знать театра при Товстоногове. Я с ним не работал. Для меня это легенда, и поэтому я отношусь к ней очень бережно, какие-то вещи для меня более ценны.

- И вы, наверное, более свободны...

- Конечно. А что касается Темура Нодаровича, то мне кажется, что я нашел своего режиссера. Он меня чувствует, дает мне право выходить на сцену в материале, в котором я и не предполагал существовать. С Чхеидзе легко работается. Ощущаешь его замысел. Он много об этом не говорит, и иногда даже хочется, чтобы больше замечаний прозвучало из его уст. Он выдержанный человек, который терпит и ждет результата.

- Кино не мешает театру?

- Нет-нет... Жаль, что закончилась передача «Время и место» на канале «Культура», которую мы вели с Андрюшей Толубеевым – основателем и первым ведущим. «Тбилисцы помнят его блистательную работу в том же «Art». Светлая память...

- Жаль передачи, хотя она многое успела сделать за это время. А в кино – в основном сериалы...

- Главная роль в сериале «Каменская» - «Я умер вчера», например...

- Да... И все-таки я театральным артистом. Театр – это моя пристань.

- Считается, что есть каратыгинская театральная школа и мочаловская – то есть школа техники и школа сердца, чувства... Какая ближе вам?

- Мне хочется думать, что сердце у меня на первом месте. Я не умею повторять одно и то же из спектакля в спектакль. Мне интересна импровизация – на уровне поставленной задачи, но разными путями ее решения.

- А что должен донести до сердца и ума ваш Гейзенберг?

- У каждого будет свое восприятие. Но я бы хотел, чтобы люди поняли, что в этом мире все значительно теплее, проще и естественнее. Мы иногда сами делаем из себя кого-то, играем во что-то и нагораживаем себе так много заборов, преград, границ... Мой Гейзенберг приехал в Копенгаген, чтобы побыть в обществе людей, которые ему близки. Он приехал погреться душой. Историки столько десятилетий выясняют, зачем он приехал, могла ли Германия изобрести атомную бомбу и как могла бы повернуться история... Я хочу передать зрителю ощущение семьи без выяснения отношений.

- Спектаклю уже шесть лет. Как принимает его публика?

- На этот спектакль мы продаем билеты только в партер. Ярусы не продаются. Отчасти это вызвано видеофокусом, который должен прозвучать в спектакле и сыграть свою роль – эмоциональную и смысловую. Сейчас у этого спектакля появился свой зритель. Вначале мы сами пугались ощущения заumnости материала. Ведь если актер не слышит и боится, то и зритель вместе с ним не слышит и боится. А сейчас проявляются замечательные моменты, когда зритель, не понимая в полной мере сложного мира формул, но ощущая вместе с нами биение чувств, может даже не отвечать на все вопросы и не задавать себе их. Ему действительно становится интересно – потому что в отношениях этих персонажей есть загадка...

- Через неделю у вас день рождения. Я вас поздравляю и желаю, чтобы ощущение тбилисского тепла вы увезли с собой и чувствовали, что из Грузии идет теплая энергетическая волна, полная симпатий.

- Спасибо огромное. Вы знаете, мне кажется, я чувствую это постоянно.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

Б.Пайчадзе и В.Бобров выводят команды ветеранов тбилисского «Динамо» и ЦСКА. 1974

КАРУЗО ФУТБОЛА

Железнодорожная станция Чоп в Закарпатской области. Обычная приграничная проверка документов. Вот проверяющие прошли в их вагон. «Кто такие?» – «Спортсмены», – ответили. «За старшего кто у вас?» – «Пайчадзе». Офицер заинтересованно смотрит на Бориса Соломоновича. «Футболисты, значит. Видите ли, – говорит он, заметно волнуясь, – мне не довелось видеть вас на футбольном поле, но в услышанном радиорепортаже фамилия Пайчадзе повторялась чаще других. Если можно, ваш автограф».

Пайчадзе берет со столика пачку сигарет «Колхети» и расписывается на ней. Офицер-пограничник, не скрывая радости, говорит, что автограф займет почетное место в его доме.

Четверть века прошло после этого эпизода на пограничной с Венгрией и Чехословакией станции, не получившего широкой огласки, когда поведал мне о нем ветеран грузинского футбола Автандил Вардиашвили, направлявшийся тогда в составе спортивной делегации в Будапешт. Видно, запала эта встреча крепко в душу, если вспомнилась в первую очередь. Впрочем, Автандил Дмитриевич он по паспорту, а больше известен в спортивных кругах как Цито. Это имя, данное паренюку из рабочей окраины грузинской столицы Надзаладеви, пристало к нему на всю жизнь. Для меня оно равнозначно силе, победе, несгибаемости. Узнав об этом, мои преподаватели латыни в университете схватились бы за голову, но я остаюсь при своем мнении. А

медлительным его действительно не назовешь. Всегда спешил выполнить любую просьбу, делать добро, не ожидая благодарности, был быстрым и неудержимым хавбеком на футбольном поле, радуя сердца любителей спорта, пока тяжелая травма колена не прервала его футбольную карьеру. А в ней немало славных страниц. Вардиашвили был заметной фигурой в знаменитой команде ТОДО. В олимпийском 1952 году тбилисские армейцы завоевали право выступать в классе «А», но команду расформировали через полсезона, она разделла участь армейских коллективов, как бы расплачиваясь за олимпийскую неудачу сборной страны, костяк которой составляла «команда лейтенантов» – ЦДСА. После проигрыша матча с югославами, который еще называли матчем Сталин – Тито. Окончив Грузинский институт физкультуры (он еще выступал за сборную института), Автандил ушел на тренерскую работу в спортшколу «Юного динамовца», в 35-ю футбольную школу, в которой сам учился, в гуржаанскую «Алазани» – команду класса «Б» всесоюзного первенства. Венцом ее стала работа с детьми. Он возглавил отделение футбола Глданской спортшколы-интерната и проработал в этой должности 30 лет! Назвать всех воспитанников заслуженного тренера Грузии Вардиашвили – задача архисложная. Достаточно красноречива деталь: среди динамовцев Тбилиси, выигравших 13 мая 1981 года в Дюссельдорфе Кубок обладателей кубков Европы, их восемь!

Почему я вспомнил этого высокоэрудированного и одновременно на редкость скромного человека? В Автандиле Вардиашвили и ему подобных бескорыстных работников спорта я вижу футбольный ген грузинского народа, и наиболее ярко он проявился в личности легендарного Бориса Пайчадзе, названного по результатам референдума спортивных журналистов лучшим футболистом Грузии XX века.

А еще вспомнил потому, что случай с автографом на железнодорожной станции, о котором поведал мне Вардиашвили, подтвердил популярность Пайчадзе, этого «форварда континентального масштаба», высокую аттестацию, данную ему после победного турне лучшей грузинской футбольной команды в Румынии в декабре 1945 года. Равно как и титул – Карузо футбола, присвоенный румынскими журналистами одному из лучших центрфорвардов в истории отечественного футбола – Пайчадзе.

«Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?» 1945 год. «Пушки больше не стреляют» – под таким заголовком 9 мая «Правда» опубликовала знаменитый репортаж Бориса Горбатова и Мартына Мержанова из берлинского пригорода Карлсхорста. Здесь, в этой могиле гитлеровской Германии, по выражению журналистов, в зале офицерской столовой в здании бывшего военномеханического училища генерал-фельдмаршал Кейтель, со слезящимися глазами и багровыми пятнами на лице, подписал акт капитуляции. «Это человечество разоружает зверя». Кейтель со своими генералами уходит из зала, уходит из истории...

Мартын Иванович Мержанов вошел в историю и как человек, который задумал и возглавил издание еженедельника «Футбол», приложения к «Советскому спорту». Послушаем мнение этого авторитетного специалиста, летописца футбола – знаменитейшего изобретения англичан. Он вспоминает крайне неудачную игру динамовцев Тбилиси, принимавших дома московский «Спартак», который уверенно шел к своему

интуитивным, нежели научно обоснованным, аналитическим опровержением игры в рамках старой тактики, считает, что действуя так, Пайчадзе изменил игру английского «дубль-ве», совершенствовал систему и внес в нее свежесть, которая стала отличительной чертой ее советского варианта.

Новаторская смена мест нападающими, которую московский журналист называет интуитивной, на самом деле была тщательно разработанной тренером Михаилом Бутусовым, бомбардирами команды Борисом Пайчадзе, Гайозом Джеджежава, Асланом Харбедия, Виктором Бережным. И оттачиваемой на тренировках.

Осенью 1939 года, когда определился чемпион СССР (им вновь стал московский «Спартак»), а за второе место спорили тбилисцы и ЦДКА, жертвой новинки стали армейцы. Этот фантастический матч, поистине неувядаемый, закончился победой динамовцев Тбилиси – 5:4, которым удалось впервые финишировать вторыми.

Борис Пайчадзе в составе динамовцев Тбилиси дважды был вторым (1939, 1940) и четырежды (1936, 1946, 1947, 1950) – третьим призером чемпионатов страны. Приняв капитанскую повязку от Шота Шавгулидзе, который первым из футболистов Грузии удостоен звания заслуженного мастера спорта, Пайчадзе десять лет оставался вожаком команды. Стал членом Клуба Григория Федотова лучших бомбардиров страны за всю историю футбола. Забил 106 мячей в чемпионатах страны, и еще 19 – в розыгрышах Кубка СССР, а ведь сторожили его, следуя отчаянным призывам вратарей: «Держите Пайчадзе!» выдающиеся мастера защиты М.Семичастный, В.Блинков, А.Старостин, В.Соколов, К.Малинин... Он был такой же редкостью природы, по словам все того же Мержанова, как золотой самородок. Со своим самобытным почерком, своим пониманием игры, своими взглядами на тактику и стратегию футбольного искусства, непревзойденный конструктор

атаки, человек-гол. При этом, при всем азарте и энтузиазме, в вихре прорыва, никогда не теряя голову, оставался эталоном спортсмена на поле, не получал нареканий со стороны арбитров, оставаясь в футболке и трусах джентльменом, как и положено в этой великой английской игре.

Кстати, об англичанах. Уже через пять дней после подписания в Карлсхорсте акта безоговорочной капитуляции Германии – 13 мая 1945 года – на стадионах сразу нескольких городов поднялись флаги седьмого чемпионата СССР, зазвенели мячи, пробудилась футбольная жизнь. Осенью первый послевоенный чемпион – динамовцы Москвы – держали экзамен на стадионах Англии, Шотландии, Уэльса. Первая в истории советского футбола поездка на

родину футбола, встреча лицом к лицу с профессиональными командами, по тем временам гегемонами мирового спорта. Вояж динамовцев столицы был не просто путешествием за тридевять земель – испытанием команды народа-героя, победителя в смертельной схватке. Динамовскую команду усилили несколькими игроками других клубов – Всеволодом Бобровым (ЦДКА), Е.Архангельским из ленинградского «Динамо»... Итог четырех игр динамовцев на Британских островах оказался обескураживающим для хозяев, русские победили с общим счетом 19:9!

Борис Пайчадзе. 1975

второму подряд званию чемпиона страны 1938 года. Но вот что сумел разглядеть специалист в игре лидера команды хозяев: «Тогда в Тбилиси я впервые увидел Бориса Пайчадзе в полном проявлении его таланта. Отличался он от других форвардов смелыми маневрами по всему фронту атак, и потому его по праву можно считать зачинателем маневренного футбола в нашей стране. Не случайно он сразу же получил кличку «блуждающего форварда». Мержанов, характеризует маневр Пайчадзе в этой игре как смелую попытку найти новые пути к чужим воротам, и называя его скорее

Экс-президент ФИФА Стэнли Роуз, бывший в то время генеральным секретарем Английской футбольной ассоциации, вынужден был признать: «Московское «Динамо» стало той командой, которая впервые после второй мировой войны показала нам новый, непривычный для нас футбол... Наблюдая за московским «Динамо», я пришел к выводу, что нам есть чему у них поучиться».

Особенно много лестных слов было высказано в адрес стража динамовских ворот Алексея Хомича, прозванного англичанами «тигром». Запомнился довольно неуклюжий стих из футбольного справочника тех лет: «Бенгальский тигр на туловище юркого мяча не может прыгнуть лучше Хомича». Вскоре после поездки в Англию, 26 апреля 1946 года, «тигра» вместе с его командой увидели в столице Грузии в матче чемпионата страны с тбилискими одноклубниками, которые победили (3:2) в этой драматичной встрече, одной из самых выдающихся в истории прославленного грузинского клуба. И главным героем футбольного действия был Пайчадзе, который в одиночку решил судьбу встречи, забил первый мяч и стал соавтором третьего!

Жребий свел извечных соперников через несколько месяцев 11 октября в кубковом матче в Москве. И снова тбилисцы победили (2:1) сильного и неудобного соперника. Один мяч записал на свой счет Пайчадзе, пройдя знаменитым дриблингом опекунов – Семичастного и Блинкова. Мастерство лидера тбилисцев не оставило равнодушным наставника москвичей Михаила Якушина. После окончания матча «хитроумный Михай» зашел в раздевалку грузинской команды и поздравил Пайчадзе с прекрасной игрой: «Ты один обыграл моих одиннадцать игроков».

Ветеран закончил футбольную карьеру в 1950-1951 годах, в возрасте 36 лет, забив в чемпионатах страны и кубковых встречах 13 мячей. В последующие годы он на тренерской и руководящей физкультурной работе (председатель Тбилисского комитета физкультуры), был старшим тренером (1953-1954) и начальником команды (1953, 1973) тбилисского «Динамо».

Вспоминаю, как весной семьдесят пятого вышел на экраны новый грузинский художественный фильм «Первая ласточка» режиссера Наны Мchedлидзе. Сценарий его написал мой школьный и университетский друг кинодраматург Леван Челидзе. Он и пригласил меня на первый просмотр фильма в здании тогдашнего ГОДИКСа. Консультантом фильма был и снялся в роли тренера «Ласточки», заслуженный мастер спорта СССР Борис Пайчадзе, директор спорткомбината «Динамо», который тогда отмечал свое 60-летие. А фильм посвящался событиям, к которым Борис Соломонович имел непосредственное отношение – кинорассказ о становлении грузинского футбола, когда в начале XX века спортсмены Поти впервые померились силами с зарубежной командой (в фильме англичан – футболистов играет команда американского судна).

И вот я – в служебном кабинете Пайчадзе на стадионе. Разговор, естественно, заходит о недавнем кинопремьере.

– Приятно было в процессе съемок вновь посетить

город моего детства Поти, – сказал ветеран, – с которым связано столько родных имен: Гриша Гауга, Владимир Бердзенишвили, Како Имнадзе, Саша Элиава... Через много лет, когда в спортивную терминологию вошел мини-футбол, я вспомнил узкие улочки нашего портового города. Собрать две полные команды из сверстников было нелегко, и мы выбирали варианты, исходя из имеющихся игроков. Но каждый раз, несмотря на число игравших, футбольным полем для нас оставались все те же пяточки пустыря, зажатого между домами.

– И все же, Борис Соломонович, вас связывает с Поти не только спортивная жизнь?

– Не сочтите за излишнюю скромность, но с футболом я поначалу не связывал своих планов. К тому времени прилично играл в баскетбол, водное поло, участвовал в первенстве Грузии по плаванию. В Поти я окончил морской техникум и с дипломом судового механика торгового флота, специалиста по двигателям внутреннего сгорания, в 1934 году получил назначение на нефтеналивное судно «Металлист». Первый рейс

Арсен Мекокишвили, Борис Пайчадзе, Михаил Георгадзе. Москва, Кремль. 1956

нам предстояло совершить в Лондон. Неожиданно в Туапсе получаю телеграмму о болезни отца. Начальство не стало чинить препятствий, и вот в тревоге спешу домой. В Поти меня ожидала встреча с отцом. Он был совершенно здоров и очень удивился неожиданному возвращению сына-моряка. Скоро все выяснилось. Потийской команде предстоял решающий матч с батумцами на первенство Грузии, и мои товарищи решили усилить ее состав. Наш «Металлист» шел курсом на Лондон, когда на тбилисской стадионе имени В.И.Ленина мы одержали победу со счетом 2:1. Утешением за неучастие в английском рейсе стали два мяча, забитые мною в ворота батумцев. Этот матч в известной степени решил мою судьбу. Я получил приглашение остаться в Тбилиси и продолжить учебу в Закавказском индустриальном институте, чья футбольная команда считалась сильнейшей в Закавказье. Предвижу улыбки по поводу моего столь легкого зачисления в институт. Не спешите с выводами: для Пайчадзе-футболиста не было льгот. Год я проучился на подготовительном отделении и только после сдачи приемных экзаменов был зачислен студентом.

С.Е.Гокиели, Н.Гаприндашвили и Н.Думбадзе. 1983

– В первенстве Тбилиси вам приходилось играть против футболистов «Локомотива», Церакшири, «Динамо». А на следующий год вы уже надели футболку динамовца.

– Это была уже другая команда. В первом чемпионате СССР для клубных команд (весна 1936) грузинские футболисты выступали в группе «Б». Перед началом сезона решили собрать на базе тбилисского «Динамо» лучших игроков из ряда команд. Пригласили и меня – на место центрфорварда. Игры группы мы провели без поражений и были допущены в группу сильнейших. В осеннем чемпионате страны тбилисское «Динамо» заняло третье место. В том же 1936 году мы стали финалистами Кубка СССР, имея в активе убедительную победу над московским «Спартаком» – 6:3, первая, как известно, не дала перевеса никому из сторон – 3:3. (После этой встречи, в которой динамовцы в добавочное время забили три безответных мяча, столичные журналисты назвали тбилисских динамовцев не иначе как «уругвайцами», имея в виду мастерство двукратных чемпионов мира – А.Е.).

– После поездки тбилисских динамовцев в Румынию в декабре сорок пятого вас называли Карузо футбола. Как вы отнеслись к неожиданному титулу?

– Особых своих заслуг в этом не вижу. Вся команда играла технично и элегантно, и я, находясь на острие атак, старался не выпадать из ансамбля. Мы в те годы не очень-то ломали голову над мудреной терминологией. Слово «финт» дошло до наших полей только в 1938 году, хотя задолго до этого мы плели кружева на зеленом газоне. Приезд в Советский Союз сборной Басконии в июле тридцать седьмого открыл нам английскую новинку «дубль-ве». Исходя из характера грузинского футбола, мы обогатили новинку частыми перемещениями нападающих. На эту уловку сразу попала в 1939 году команда ЦДКА. Первый тайм тбилисской встречи мы начисто проиграли – 1:4. зрители дружно потянулись к выходу, но после перерыва наш тренер Бутусов дал команду ввести в бой «секретное оружие», заготовленное для игры с ленинградским «Динамо». Этот незабываемый матч нам удалось выиграть – 5:4. Успех с ленинградцами в следующем сезоне был и того внушительнее – 5:0.

В моей спортивной биографии были вынужденный простой из-за травмы в конце сороковых годов и четыре года войны. Но и в военные годы мы не забывали о футболе. Вспоминается матч сборной Сталинграда, составленной в основном игроками местного «Трактора», и московского «Спартака», усиленных известными футболистами

из других клубов (А.Акимов, К.Малинин, Г.Глазков, К.Беликов, В.Ермасов...). 2 мая 1943 года мы пробирались на поле через руины города-героя. Встреча закончилась вничью – 1:1. Но важно другое: многие радиостанции мира с восхищением сообщили о матче футболистов, которые продемонстрировали несокрушимый дух защитников легендарного города на Волге. В 1944 году мы играли с торпедовцами Москвы и уже после матча неожиданно узнаю из московской

Б.Пайчадзе. Дружеский шарж И.Соколова

«Вечерки», что мне присвоено звание заслуженного мастера спорта.

– Какой состав тбилисского «Динамо» представляется вам оптимальным?

– Команда 1946 года, третий призер чемпионата и финалист Кубка СССР, играла как никто.

– Ваш идеал футболиста?

– Сегодня Пеле. Но моим кумиром остается нападающий ленинградского «Динамо» и сборной Ленинграда Петр Дементьев, внесший в отечественный футбол вкус к техничной, изящной игре. Выступая против него, я невольно любовался его действиями на поле. Футбол – мудрая игра, и требует полной отдачи сил, времени и труда. Пусть эти трудности не отпугнут молодых. Футбол надо любить, и он ответит вам взаимностью.

– Какой подарок вы желали бы получить к своему 60-летию?

– Наш тбилисский стадион «Динамо» после реконструкции. Закрывая глаза, представляю себе его переполненные трибуны и радостный крик многих тысяч болельщиков: «Г-о-о-о-л!»

Об этом апофеозе футбольного спектакля мне напоминала подаренная Борисом Соломоновичем фотография матча 1950 года, как он забивает гол в ворота молодого Льва Яшина.

Это была моя последняя встреча с Борисом Пайчадзе, который, умерев, воплотился в стадион его имени. Но каждый раз бывая на динамовском стадионе, я останавливался возле памятника, где смотрит с постамента легендарный человек, незаходящее солнце грузинского спорта, словно ждет появления новых футбольных талантов, которые тоже удостоятся чести называться «грузинскими уругвайцами», как его поколение. И, право, для этого и жить, и работать стоит.

Арсен ЕРЕМЯН

РОДОМ ИЗ СЧАСТЛИВОГО ДЕТСТВА

О.Славникова, З.Прилепин и М.Гиголашвили

МИХАИЛ ГИГОЛАШВИЛИ РОДИЛСЯ В 1954 ГОДУ В ТБИЛИСИ. ДЕД - М.Г.ГИГОЛОВ, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ВРАЧ ГРУЗИИ, ПОЧЕТНЫЙ ЧЛЕН ТБИЛИССКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА ХИРУРГОВ ИМ. АКАДЕМИКА МУХАДЗЕ, КАВАЛЕР ОРДЕНА КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ. ОТЕЦ – Г.М.ГИГОЛОВ, ДОКТОР ФИЛОЛОГИИ, ПРОФЕССОР ТБИЛИССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. ИВ.ДЖАВАХИШВИЛИ. МАТЬ – С.Л.КОШУТ, КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПОТОМОК НАЦИОНАЛЬНОГО ГЕРОЯ ВЕНГРИИ ЛАЙОША КОШУТА. М. ГИГОЛАШВИЛИ ОКОНЧИЛ ФИЛФАК ТГУ. ПРЕПОДАВАЛ В ВУЗАХ ТБИЛИСИ. КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, АВТОР МОНОГРАФИИ «РАССКАЗЧИКИ ДОСТОЕВСКОГО» И РЯДА СТАТЕЙ НА ТЕМУ «ИНОСТРАНЦЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ». С 1991 ГОДА ЖИВЕТ В ГЕРМАНИИ, ПРЕПОДАЕТ РУССКИЙ ЯЗЫК В УНИВЕРСИТЕТЕ ЗЕМЛИ СААР. ПЕЧАТАЕТСЯ В РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕРИОДИКЕ. АВТОР РОМАНОВ «ИУДЕЯ», «ТОЛМАЧ», СБОРНИКА РАССКАЗОВ «ТАЙНОПИСЬ». С КОНЦА 1980-Х СОЗДАЕТ КОЛЛАЖИ, ОБЪЕМНЫЕ КАРТИНЫ, СКУЛЬПТУРЫ. ЧЛЕН ГЕРМАНСКОГО «ОБЩЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО» И «ДОМА ХУДОЖНИКОВ» СААРЛАНДА. ФИНАЛИСТ ПРЕМИИ «БОЛЬШАЯ КНИГА»-2010 (РОМАН «ЧЕРТОВО КОЛЕСО»), ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЧИТАТЕЛЬСКОГО ГОЛОСОВАНИЯ ВОШЕЛ В ТРОЙКУ ЛИДЕРОВ ПРЕМИИ.

Михаил с отцом, Георгием Гиголовым

- Мы разговариваем в вашем легендарном доме...

- В свое время весь этот дом целиком принадлежал матери моего деда, при коммунистах все, конечно, разделили. Мои предки обозначены на портретах, которые вы видите на этих стенах. О деду, Михаиле Гиголове, говорить, наверное, нет смысла – все знают, что он был великий хирург. Его рисовал Александр Бажбеук-Меликов, который был его пациентом, как и весь город... Дед необыкновенно ладил с людьми, он умел общаться и с академиками, и с дворниками. Он говорил на пяти языках и вообще был, конечно, человеком планетарного масштаба... Написать об отце

меня попросила редакция журнала «Сноб». Вначале я отказался. Но я послал в редакцию фотографии папы, и они сказали – даже если вы ничего не напишите, мы просто опубликуем его фотографии. Мне стало стыдно, и я весь последний месяц писал эссе об отце. Вообще-то прозу о родителях писать не принято, по-моему, мало кто это делает. Эссе – это другое дело.

- Легко писалось?

- Нет, нелегко. Я взял за основу письма самого тяжелого периода жизни папы – с 1992-го по 1995-й, которые у меня сохранились. К этим письмам я начал писать предисловия... И обдумывая эссе, находясь в процессе работы, я вспоминал о том, какой это был дом, и вообще – что меня формировало? Я бы сказал так – музыка, литература и цветы. Каждое утро из Окрокана, из Коджори доставлялись свежие цветы. Их очень любила мама. Когда мамы не стало, все цветочницы сидели здесь и плакали... Вы знаете, я от многих российских литераторов слышал, что они в своем детстве, кроме пьянства, ужаса и побоев, ничего не видели. А я не видел ничего, кроме счастья, добра и высоких добродетелей. Бытовых разговоров «купи-продай-что взять» в нашем доме не велось. В них смысла не было. Это было неинтересно. Быт был сведен к самому минимуму. Отец всю жизнь, например, слушал итальянские оперы, и вот об опере он мог говорить часами. И сейчас я понимаю, что это было счастливое детство. Рай, который только может быть на земле. А

тогда мне казалось, что это само собой разумеется. На самом деле, это совсем не так.

- *Говорят, что после сорока в мужчине, как из зернышка, начинает прорастать отец. Так ли это?*

- Во всяком случае, все окружающие говорят мне, что я стал очень похож на отца. Раньше я был похож на маму... Трудно сказать, что было в душе у моего отца. Он был человек достаточно замкнутый. Не любил много говорить. Во-первых, он очень уставал на лекциях – в то время лектора читали огромное количество часов. То, что и сколько читается сейчас, – это детский сад. Во-вторых, для него все имело свое место и время. Например, он не любил говорить по телефону – поговорил, дал информацию, и все. Он был человек, я бы сказал, сократовского типа – человек-беседователь. Он начал писать воспоминания незадолго до смерти, я попросил его об этом. С большой неохотой написал страниц двадцать. В том числе описал такой эпизод. Он был в Кисловодске и на корте играл в теннис с каким-то человеком, который поразил его тем, что был одет как-то очень не по-советски. Затем они прогуливались в парке, беседовали, и незнакомец предложил отцу вечером послушать выступление симфонического оркестра. Давали Прокофьева, и отец откровенно сказал, что не совсем понимает эту музыку... Но все же пошел. Вместе с новым знакомым их усадили в первом ряду. Каково же было удивление отца, когда по окончании дирижер повернулся в их сторону и начал кивать и аплодировать. Оказалось, аплодисменты предназначались сидевшему рядом незнакомцу – это был Сергей Прокофьев.

- *Как жаль, что Георгий Михайлович успел написать лишь двадцать страниц...*

- Очень жаль. А вот еще эпизод, который он вспомнил. 21 июня 1941 года отец с дедом отправился в Кисловодск отдохнуть. Расположились, и вдруг – 22 июня... Толпы людей на улицах, все стремятся уехать, на автовокзале – полный хаос, и вдруг останавливается полностью загруженный автобус, и шофер кричит: «Михаил Георгиевич!» Потеснил пассажиров и усадил моего деда и отца. Оказалось – тбилисский шофер, которому как-то мой дед спас от ампутации ногу.

- *Пустые разговоры Георгий Михайлович не жаловал. А рассказывать любил?*

- Любил. И был блестящим рассказчиком. Но он был человек устной традиции, той, которой придерживались античные мудрецы, – мудрость передается устно. Он никогда не писал прозы, даже не прикасался. И в 79 лет записал эти два эпизода. Они написаны, я бы сказал, неплохо, но даже не приближаются к тому уровню эмоционального накала, который проявлялся в его устных рассказах.

- *Вы оцениваете написанное отцом с писательской точки зрения...*

- Да. Хотя двадцать страниц – это слишком мало, чтобы делать какие-то окончательные заключения... Но очевидно, что живая жизнь его притягивала больше.

- *А когда вы почувствовали в себе желание писать?*

- Я бы сказал, что был обречен на это. Я родился в семье, где слово «писатель» было священно. В других семьях было священным слово «рубли». А в нашей семье слово «писатель» произносилось с каким-то трепетом. Например, когда мама работала над диссертацией по Бунину, он был для нее не «Бунин», не «он», а «Иван Алексеевич». Я слышал все время «Иван Алексеевич сказал, Иван Алексеевич уехал...» Мне было лет шесть, и я спросил как-то маму: «Кто этот твой знакомый, который все время приезжает-уезжает?» Понимаете, писателя называли только по имени-отчеству. То есть это слово – писатель – с детства составляло, может быть, ядро мира. Отец был для меня авторитетом, и он говорил только об этих авторитетах. Хотя он скептически относился к некоторым литераторам. Когда я читал Леонида Андреева

или Кафку, он говорил: «Неужели тебе это интересно?» Относительно Достоевского вообще имел особую точку зрения... Но никогда не навязывал своих мнений. Первый рассказ я написал лет в восемь-девять. Помню, завершающая фраза была «хинди руси бхай-бхай», то есть «индусы и русские – братья». Я мечтал, что буду великим писателем или уйду в горы. Потом я понял, что одно другому совсем не мешает. Иди, сиди и пиши.

- *Германия – это ваши горы?*

- Наверное... Писать я начал достаточно рано – лет в

Светлана Кошут и Михаил Гиголов

Георгий Гиголов

двадцать, написал несколько рассказов, они были опубликованы в альманахе «Дом под чинарами» в 1977-1979 годах. Но потом я пришел к выводу, что находясь в грузинском социуме среди грузинских реалий, не могу совмещать их с русским языком. Я воспринимал это как глубокое противоречие. Фраза «он ел сациви» казалась мне неправильной. В то же самое время без такой

фразы текст не обходится, ведь другого опыта жизни у меня не было – только Тбилиси. Это сейчас я понимаю, что герой может находиться где угодно, а тогда, в мои двадцать лет, замкнутость, которая вообще была в Советском Союзе, привела меня к необходимости либо переходить на грузинский язык, либо не писать вообще. Описывать русским языком грузинские реалии я посчитал невозможным.

- Вам стало дискомфортно?

- Да, и настолько, что я перестал писать.

- Вы почувствовали местечковость?

- Правильно, именно местечковость. Я вырос на чистой русской классике. Засорять ее какими-то чуждыми терминами, вещами, именами я не мог. Я испытывал сложности для письма – я не хотел наполнять великий русский язык именами Дато, Джондо, другими совершенно нерусскими вещами, явлениями, краеведческими деталями. Не будешь же каждые две минуты сноски давать. Хотя в «Чертовом колесе» я это преодолел и достаточно, как говорят, удачно. Но тогда это меня притормозило лет на десять, и я занялся Достоевским. Творческая энергия пошла в этом направлении.

- А почему именно Достоевский – не в пику ли папе, извините?

- Да нет. Достоевский мне нравился с детства. В мое время Достоевского в школе не проходили... А у нас была прекрасная учительница, большой специалист – Татьяна Шароева. Она нас приохотила к текстам Достоевского. Так вот, прекратив писать, я десять лет ничего, кроме До-

- Не удержала. Правда, потом я вернулся к Достоевскому в Германии, и в перерывах между прозой начал разрабатывать тему «Немцы у Достоевского», которая разрослась в тему «Немцы и немецкое у русских писателей», а потом расширилась до «Иностранцы в русской литературе» - интереснейшая тема. Я написал «Немцы и немецкое в «Преступлении и наказании», «Иностранцы у Зошенко», «Иностранцы у Фонвизина», у Пушкина, у Тургенева, у Ильфа и Петрова.

- Ваши занятия филологией – это профессия, периодическое увлечение или заработок?

- Заработок сразу оставим в стороне. Филолог и заработок – две вещи несовместные... Я люблю эссеистику, и филологические темы я начал разрабатывать в таком стиле, чтобы легко было читать.

- Кто ваши учителя в филологии?

- Я заканчивал в 75-м, это был «золотой век». Мне читали блестящие педагоги - Вахтанг Натадзе, Александр Алексидзе, Вано Шадури.

- А «крестный отец» в науке у вас был?

- Георгий Фридендер. С рекомендательным письмом от Шадури я, как Петруша Гринев, поехал в Ленинград, в Пушкинский дом. Под руководством Фридендера готовилось тридцатитомное академическое издание Достоевского, и группа сильнейших специалистов – Туниманов, Ветловская, Архипова, Орнатская и другие – осуществляла этот титанический труд. Например, Орнатская разбирала черновики «Бесов» в течение семи лет. И я попал в эту группу. Мне было 25 лет. Ну, представьте, приходите туда, а там – Лихачев. Фантастика...

- А почему наука проиграла в споре за вас?

- Потому что писательство – это живая вещь. Наука все-таки во многом стереотипизирована. Да и филология сама по себе – наука, не особо нужная широкому читателю. 95 процентов читают писателей, а не филологов, каковых всего пять процентов. Вот физик может видеть реальную отдачу своего труда.

- В одном из интервью вы сказали, что пишете только для собственного удовольствия. А оказывается, что для вас очень важно видеть отдачу...

- Удовольствие и отдача для меня как писателя связаны - твое удовольствие получает отдачу. Хотя я живу в Германии, а писатель, сидящий в «Метрополе» и каждый день встречающийся со своими читателями, находится в более счастливом положении. Впрочем, как мне сказала Дина Рубина, с которой я очень подружился, «Миша, учти, когда ты поставил последнюю точку и отдал роман издателю, роман сам по себе. Что будет, не знает никто».

- Ваше дело – писать, понятно. А какое значение имеет общение писателя и читателя?

- Общение с читателем – это интересно. И сейчас, при наличии интернета – не проблема. Я был недавно на книжном фестивале в Москве. Конечно, приятно, когда тебя слу-

шает полный зал, читатели тебе говорят комплименты, благодарят за книгу. Это воодушевляет, дает силы, даже какой-то смысл существования – ты видишь, что не зря сидишь ночами. Но в принципе, как мне сказал однажды Межиров, писательство - это волчья одиночная камера.

- В чем была причина вашего отъезда?

- В 1991 году мне позвонила Тамара Орнатская из Петербурга и сообщила, что профессор Хильдегард Шпрауль из университета Саарбрюкена ищет молодого

Семья Гиголовых

Дед и прадед писателя

стоевского, не читал.

- С удовольствием читали?

- С огромным. И тексты самого Достоевского, и все, что вокруг него. Работал с наслаждением, написал диссертацию «Рассказчики Достоевского». А потом случился толчок - я прочитал рассказ Татьяны Толстой о каком-то юридическом, и он меня как-то вдохновил. Я написал рассказ «Суп для человечества», и в 91-м году в журнале «Знамя» он был опубликован.

- Наука, значит, вас не удержала...

преподавателя русского языка – Берлинская стена только что пала, и был огромный интерес к русскому языку. Саарбрюкен и Тбилиси были города-побратимы. В Саарбрюкене главная площадь называется Тбилисской. А Шпрауль в свое время, как и я, училась в аспирантуре Пушкинского Дома. Выбор пал на меня, и я уехал через два дня после известного августовского путча, хотя мой отъезд никак не был связан с этим событием. Поехал прочесть интенсивный курс по языку. Потом мне предложили поработать еще. А в 1992 году в Грузии началась война. Рушилось все. Взволнованный папа попросил меня, если есть возможность, задержаться в Германии... Выезжал я из Тбилиси на два месяца, да так и остался. Я ведь никогда сознательно об эмиграции не думал. Жизнь так распорядилась.

- *Случайность?*

- Абсолютная. Конечно, если бы у меня не было студентов, мне никто и не предложил бы продолжать работать. Так что в этом, помимо случайного, силен и рациональный момент.

- *Период привыкания у вас был?*

- Ну конечно. Но я никогда в немца не превращусь.

- *А есть какие-то явления в Германии, которые у вас вызывают дискомфорт?*

- Нет. Вообще в Европе таких вещей нет. Все противоречия настолько сдержаны и сглажены, что их не видно. Если бы я был, например, чернокожим, я бы каждый день чувствовал дискомфорт – в Европе нарастает противостояние между европейцами и мусульманами. И я вижу, как немцы смотрят, например, в автобусе на орущих приезжих. Немцы ничего не говорят, но чувствуется внутреннее напряжение.

- *Видимо, политкорректность они соблюдают из последних сил.*

- Вот именно.

- *А каково было человеку русского слова оказаться в иноязычной среде?*

- У меня это прошло легко. Вот недавно мы давали интервью вместе с Михаилом Шишкиным, с которым я дружу... Ему и Марине Палей (она живет в Нидерландах) было труднее – они росли в русской среде. А я изначально был человек русского слова в нерусской среде и находился в противоречии. Для меня поменять Грузию на Германию в языковом плане было несложно. Дополнительного груза, который испытывают Михаил и Марина, у меня не было. К тому же их упрекают в эмиграции. Сейчас писатели рассеяны по всему миру, границы открылись, и понятие эмигранта отходит на второй план. Но в России все продолжается по-прежнему. Один писатель, не хочу его называть, недавно прислал мне письмо со словами «посмотри, Миша, что у нас творится». Одна аспирантка хотела взять для научной темы кого-то из эмигрантов, и профессор ей сказал: «Знаете, я вам не советую. Автор, конечно, талантливый, но есть много проблем. В первую очередь – эмиграция, пронабоковские настроения и сотрудничество с левой прессой».

- *Да ну...*

- Правда. Это было написано месяц назад. То есть в сознании еще сидит: тот, кто уехал – предатель. «Пронабоковские» настроения – это ведь антисоветские настроения. Но Советского Союза-то нет. Наоборот, радоваться бы надо пронабоковским настроениям.

- *Я хочу вам напомнить одну историю с вашим участием, о которой слышала очень давно. Вы были членом приемной комиссии на филфаке. Абитуриенту достался вопрос о «Молодой гвардии». Понимая, что он не читал романа, вы начали его вытягивать наводящими вопросами – назови героев романа, хотя бы нескольких.... Молчание. Ну, назови главного героя... Молчание. Вы подсказываете: «Олег...» Абитуриент радостно заканчивает: «Попов!». Тут вашему терпению и пришел конец: «Я тебе сейчас такого Олега Попова покажу!» Говорят,*

вас с трудом успокоили. Это ваша нетерпимость к необразованности?

- Я терпеть не могу принимать экзамены. Вообще. Мне это неприятно. Есть люди, которые обожают чувство превосходства, власти... А я сразу себя ставлю на место экзаменуемого и вспоминаю, как мне было не особо приятно сдавать экзамены. Поэтому я сверхлиберален. Но

Дмитрий Быков и Михаил Гиголашвили

«Олег Попов» – это уже слишком...

- *Остались вещи, которые вызывают в вас абсолютное неприятие?*

- Да нет. Я такой же, как мой отец. Он был очень строг в серьезных вещах – в вопросах морали, например, и очень либерален в неглавных. Конечно, если человек подл или жесток, это вызывает у меня чувство брезгливости, что ли...

- *А написали такую жестокую книгу – «Чертово колесо»...*

- Она не жестокая. По сравнению с тем, что сегодня творится, это детский лепет.

- *Вы как писатель заняли позицию – никого не судить. Чеховская традиция...*

- Не судите да судимы будете. Пусть каждый следит за своими хвостами. Да я и не имею права судить. Кто я такой? Я могу написать, показать – что мне не нравится или нравится. Но напрямую осуждать я не буду.

- *Это отстраненность, высокомерие или терпимость?*

- Все вместе. Вы точно обозначили.

- *Я не могу не спросить о ваших коллажах. Это сублимация творческих потенциалов?*

- Я с детства любил возиться с пластилином. Меня привлекал объем. Я никогда не рисовал и сейчас не рисую. Краска – это не мое. Мое – это предметы. Я всю жизнь общался с художниками, то есть сама среда меня всегда привлекала. Все началось само собой, развивалось и сохранилось до сих пор. Но если я пишу, я этим не занимаюсь.

- *А как вы к этому относитесь? Вы вкладываете в коллажи какие-то смыслы?*

- Я бы сказал, что у меня это идет не через голову, а через оптику. Если я вижу набор предметов, которые как-то друг с другом могли бы сочетаться, я начинаю с ними экспериментировать.

- *Предметы вам подсказывают?*

- Да, конечно. Так и у художников так же. Сколько раз я видел – рисует лошадь, потом перевернул вверх нога-

ми – ух, как здорово! Дописал, и вышла ваза. Именно что «из какого сора»...

- А со словами можно такие штуки выделывать?

- Со словами как раз и надо такие вещи делать – искать новые слова и сочетания слов.

- Слова могут вам диктовать? Как в стихах?

- Нет. Поэтому я стихи с прозой не путаю. Стихи – это сродни художеству. Поэт, я думаю, за красное словцо и мать родную продаст. Прозаик – нет. Если поэт видит, что какие-то «розы-морозы» пришли, то он вопреки смыслу, я думаю, приоритет даст рифме. А в прозе мне этого не надо. Я хозяин слов. А в поэзии – слова хозяева.

- И в коллаже какая-то деталь может быть хозяйкой...

- Абсолютно. Бывало, что приходила какая-то деталь, приходилось убирать другие вещи, и все шло по другому направлению.

- Вы вошли в шорт-лист премии «Большая книга».

Как вы относитесь к литературным премиям, и являются ли они показателем чего-то для писателя?

- Они важны для того, чтобы вещь пошла дальше, чтобы ее публиковали, переводили. Но если человек в первую очередь начинает думать о премиях или деньгах, он ничего не напишет. Это дохлый номер.

- Не могу понять, когда вы говорите о «Большой книге», у вас такой недовольный вид... Почему?(Мы беседовали за десять дней до объявления лауреатов – Н.З.)

- Да глупость это все... Я не придаю этому особого значения. Сколько раз мы видели, что «Букера» получали люди, о которых ни до, ни после никто не слышал. Я думаю, что премия должна даваться не за одно произведение, но вообще за работу писателя, за комплекс произведений. Мы живем в таком обществе, когда политика и прочие вопросы играют существенную роль. Мы же видим, кому вручают Нобелевские премии? Все высчитывается – сейчас дадим этому континенту, потом – другому, сейчас дадим премию правозащитнику из

писать на заказ портреты. Но я не представляю себе, как можно писать на заказ прозу. Я же сказал, что не смог написать на заказ рассказ об отце... Эссе смог, а рассказ нет.

- Чтобы написать рассказ, вам надо ждать вдохновения?

- Рассказ рождается из каких-то впечатлений, иногда – из какого-то случая, который тебя поразил... Жизнь дает все толчки, по большому счету. Потом, конечно, все домысливается, меняется.

- Что вы делаете сейчас?

- Первую часть «Чертова колеса» я написал в начале 90-х. Она была опубликована в 94-м году в приложении к «Сельской молодежи» - в серии «Искатель». Потом мне стало жаль – книга осталась недописанной. После «Толмача» я собрал сборник повестей и рассказов «Тайнопись», и решил дописать «Чертова колесо». Я сделал это за три недели. Перед этим, конечно, собирал материал, все подробно продумал, разработка была, но писалось очень интенсивно. Мне сложно писать большие вещи, находясь среди людей, волчье одиночество должно присутствовать. И мы с женой поехали в Испанию. Испания – это не пещера, но можно себя отделить от людей. Вокруг тебя речь – это музыка, но не слова. Ты находишься в другом измерении. Я с утра садился на балкон и до двух часов писал текст.

- Пишете рукой?

- Рукой. Чему многие удивляются. Сейчас рукой почти никто не пишет. Но мне нужно время, чтобы домыслить слово. Когда стучишь, все-таки происходит отвлечение на поиск клавиш, а когда ты пишешь, мысль чуть-чуть опережает слово, и это мне надо. Первая часть была написана двадцать лет назад, и когда я дописывал «Чертова колесо», мне приходилось себя сдерживать во многом. Я бы написал по-другому, но вся структура, стилистика уже были определены, и, чтобы не было разрыва, приходилось сдерживаться. Это очень неприятная вещь – чувствуешь, что ты можешь сделать лучше, но... А в начале нынешнего лета я начал писать какие-то заметки, и увидел, что это начало оформляться в повесть. Мне было интересно работать, и я опять купил путевку в Испанию на две недели и прямо из Саарбрюкена на автобусе отправился в Коста-Браву, напрямую до гостиницы. И там у меня был такой, я бы сказал, внутренний взлет.

- Болдино такое...

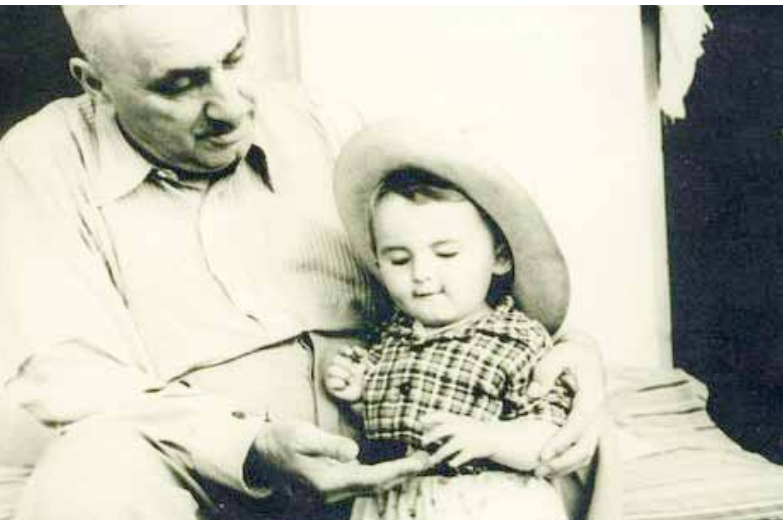
- Да. Я был совершенно один, молчал двадцать один день и написал страниц девяносто. Я в таком воодушевлении давно не был. Была полная свобода, раскрепощенность в письме. Мне стало ясно, что себя сдерживать не следует. Надо писать так, как пишется, как хочется, отдаться самому себе. Посмотрим, что получится... Этого пока никто не читал, кроме одного человека в Москве.

- А когда можно будет прочесть?

- Пока рано об этом говорить. Я сам не знаю.

- И еще один вопрос. Я боюсь быть бестактной, но почему вы добавили к фамилии Гиголов окончание «швили»? Чтоб не путали с отцом?

- А знаете, хорошо, что вы об этом спросили. Гиголашвили – это и есть изначальная форма нашей грузинской кахетинской фамилии. Разбирая семейные бумаги, я наткнулся на документ, подписанный академиком Петрэз Меликишвили, где рассказывается история нашей фамилии. Академик Иванэ Джвахишвили, который был дружен с нашей семьей, говорил моему деду, что надо бы вернуть настоящую фамилию. Дед отмахивался - оставь меня в покое, я иду работать, нет у меня для этого времени! Отец тоже не собрался. А я просто решил привести в соответствие форму и содержание.

М.Гиголашвили с дедом

Антарктиды, а потом – пингвину из Африки. В общем, я не придаю этому серьезного значения. Но зато я поехал, например, этим летом на книжный фестиваль и познакомился со многими писателями. Это действительно серьезно и интересно. Например, ко мне подошли Дмитрий Быков, Виктор Топоров, Сергей Шаргунов, чтобы выразить свое отношение к моим вещам, и это было важное общение. Вообще личное общение с людьми всегда для меня много значило, так же, как и для моего отца. Однако я общался и с такими людьми, от которых слышал: «Там хорошо платят, я для них сейчас что-то напишу». Что это значит? Сегодня напишешь, завтра напишешь, а послезавтра не напишешь. Художник может

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

Каунас. 1944

ЛЕГКИХ ПУТЕЙ НЕ ИСКАЛ

С первых часов пребывания на московской земле Сергей Гургенович Мирзоян с товарищами попал «в окружение» незнакомых людей, которые узнавали их на улицах, с улыбками приветствовали, терпеливо ждали на ближних к Красной площади улицах, пока огромная страна, их общая родина, частицей ее они все были, чествовала в торжественно-строгом параде гостей праздника 65-й годовщины великой Победы, которые приближали как могли этот светлый и радостный день.

«Вы защитили родину и спасли наше будущее», – эти слова генерал-майор в отставке Сергей Гургенович Мирзоян и его боевые друзья не раз слышали со слезами на глазах в ходе многочисленных встреч, в школах и на предприятиях, среди участников было больше молодежи, и посланцы ветеранского движения военнослужащих из Грузии не раз возвращались к воспоминаниям о событиях, которых забыть нельзя, о которых красноречиво говорили ордена и медали – знаки их воинской доблести.

Для Сергея война началась, как и для миллионов его советских сограждан, громом среди ясного неба, в летний день, постучалась повестками военкомата в окна их двора.

«Если завтра война...» – эти слова из очень известной довоенные годы песни, которую знал на зубок и стар и млад, стали реальностью в июне срок первого и звали к боевым действиям, которые, они были уверены, помогут разгромить, уничтожить врага. Взрослые уже воевали, когда Сергей и его друзья безуспешно обивали пороги военкоматов, но их встречали отказом, советом подрасти. А пока они делали свою простую, но такую нужную работу – собирали металлолом, который потом переплавлялся на танки и пушки; а также теплые вещи для фронтовиков, навещали раненых воинов в госпиталях, которые размещались в помещениях тбилисских школ; рыли бомбоубежище на территории парка имени Горького на Плехановском проспекте, получая за этот недетский

На фронте

С.Мирзоян и Н.Громов

Сергей Мирзоян

труд дополнительный довесок к по-военному скромной хлебной норме.

Война, казалось, такая далекая от их теплого южного города, ежечасно напоминала о себе своими приметам, письмами с фронта, приносящими одни боль и страдания.

Сергей в первые военные годы работал учеником электромонтера в русском драматическом театре имени А.С.Грибоедова, где трудился его отец, Гурген Мирзоян – помогал мастеру своего дела осветителю Паше Годунову, получал хлебную карточку служащего, имея возможность со своего рабочего места видеть спектакли с участием мастеров сцены - грибоедовцев.

В сорок третьем пошел учеником слесаря-сборщика на 31-й авиационный завод имени Димитрова, где изготовляли не мирные «игрушки» для фронта, куда в ноябре того же года рвался восьмиклассник средней школы Сережа.

Ему только пятнадцать лет, но как рано выросли мальчишки его поколения, и скоро он среди слушателей курсов связи в Москве. Радует каждую весточку из Тбилиси. В начале февраля 1944-го мать сообщила в письме, что его старшая сестра вышла замуж, брат зяня - Ашот Хачатуров - находится по Москве и скоро подлежит отправке на фронт. Сергей добивается увольнительной в город и спешит встретиться с новым родственником - в доме знакомой семьи Хуци-

евых, в которой рос будущий кинорежиссер. Расставаясь, земляки договорились о новой встрече. Через несколько дней Сергей пришел в условленное место, но друга так и не дождался. Позже узнал, что Ашот Хачатуров погиб в бою.

В мае сорок четвертого младший техник-лейтенант Мирзоян подает рапорт руководству спецшколы о направлении его добровольцем в действующую армию. Просьбу одного из лучших выпускников школы удовлетворили, и вот молодой связист в пути, едет по опаленной земле Смоленщины, освобожденной советскими войсками.

«Ты, помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» – эти симоновские слова, обращенные к боевому другу и коллеге, знакомы Сергею не по книжкам, их он видел наяву - сожженные врагом города и села, лежащий в руинах город Смоленск. После Смоленска началась для него новая, фронтовая жизнь.

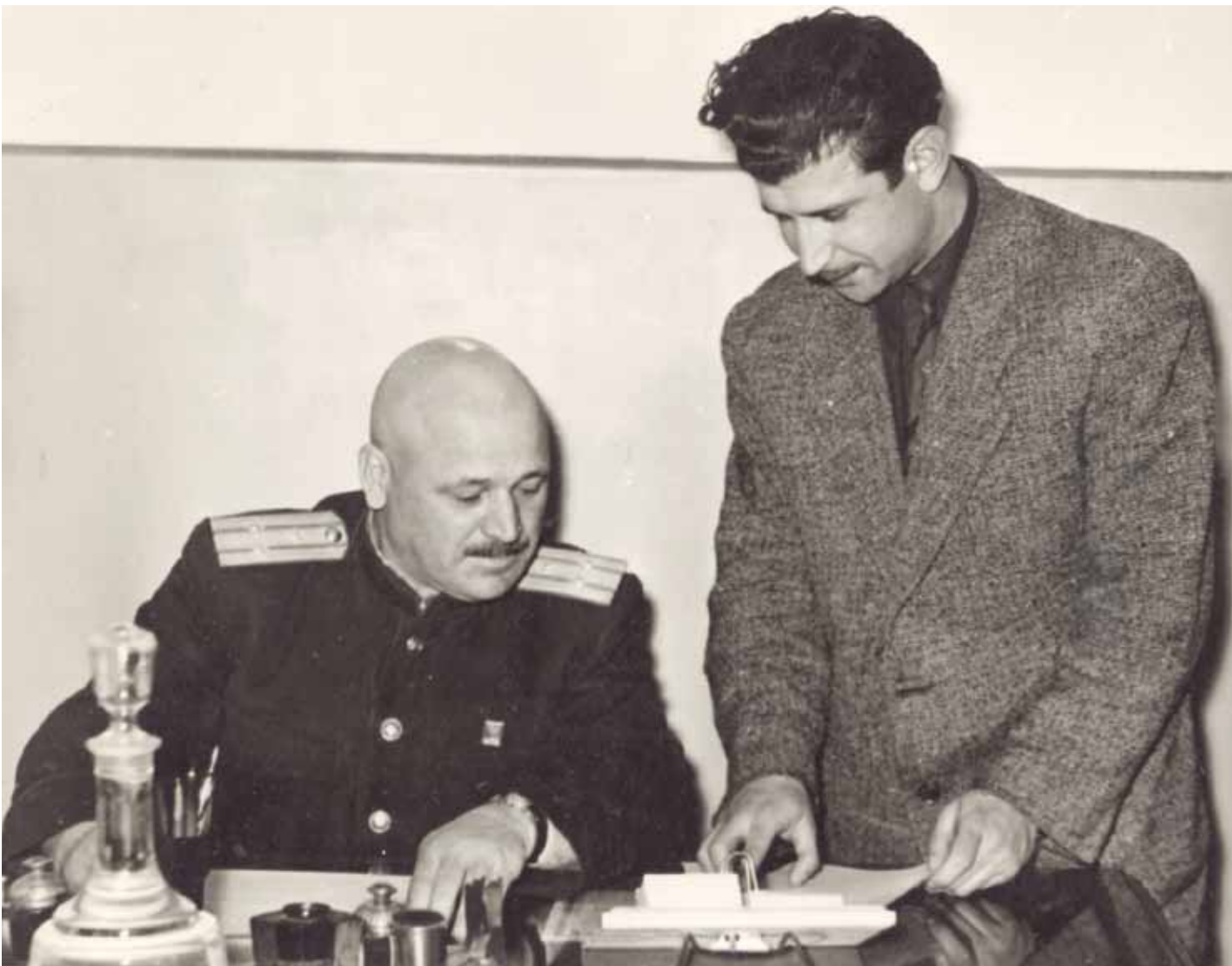
Война показала свое недетское лицо, бросила молоденького паренька в горнило сражений. Сергей днем и ночью на прямой линии спецсвязи высшего командования, соединяющей командующего 3-м Белорусским фронтом генерала армии Черняховского с командующим 50-й армией генерал-лейтенантом Озеровым. Надо ли было доказывать вчерашнему мальчишке, который мужал не по дням, а по часам, как важна для управления войсками эта линия, к которой устремлены вражьи помыслы, как к ней он стремится подключиться. Тут уже не до обрывов, хоть зубами держи провод, и Сергей, идя в ногу с войсками, не разлучен со своими аппаратами на выдавшей виды полуторке. Вместе со старшим техником Сергеем Китеровым из Кисловодска, весельчаком, любившим повторять тезке: «Мы кавказской не забудем чести и до самой смерти будем вместе». Вместе воевали, поочередно ходили с котелками к полевой кухне, пробираясь по траншее. Но песня подвела – смерть их разлучила, ушел по траншее выполнять задание и не вернулся Сережа из Кисловод-

В.Лекишвили и С.Мирзоян. 1955

ска, погиб от прямого попадания снаряда недалеко от их объекта связи. Неделию Сергей работал без парника, пока прислали замену.

И сам не уберется – в сорок четвертом в боях под Кенигсбергом был ранен в голову, забинтованный, бледный от большой потери крови, в полевой госпи-

Начальник Гардабанского РОВД Ираклий Гудушаури и Сергей Мирзоян. Конец 1960-х гг.

таль не ушел, остался на боевом посту, действуя быстро и четко, соединял командующих, развивающих наступательные операции. Вот тогда, под Кенигсбергом нашла его первая боевая награда – орден Красной Звезды.

По окончании войны, после демобилизации лейтенант Мирзоян вернулся в родной город с пятью правительственными наградами, а вскоре пришли в его родной дом еще три. С ними на груди не по годам бывалый воин (а было ему тогда чуть больше семнадцати лет) предстал перед своими сверстниками, к которым тотчас подключился, завершил среднее образование, а потом получил и высшее юридическое.

Все эти годы учился и работал.

Там, где было всего трудней и опасней, в органах госбезопасности, обеспечивал охрану особо важных объектов и персон, в системе МВД Грузии, в уголовном розыске – Сергей Мирзоян не спешил закрывать свой личный счет в борьбе с бандитской нечистью, участвовал в раскрытии нескольких опасных преступлений.

Жизнь тбилисского парня, добровольцем ушедшего в самое пекло кровопролитной войны, как и всего его поколения, богата событиями, которых с лехвой хватило бы не на одну книгу.

Судьба наносила ему удары, один другого страш-

нее, а он не сломался, выстоял, как в те огненные годы: отдает свои силы и знания большому и нужному делу ветеранского движения. Готов часами рассказывать о сильных духом и красивых в поступках людях, однополчанах, сынах большой интернациональной семьи, которая все выдержала и победила, как в стихах его фронтового друга, старшего по званию офицера Владимира Петрова: «Победным маршем, двигаясь вперед, мы уничтожили фашистский сброд...»

Эти бесхитростные, но крепкие по-солдатски, фронтовые стихи лучше иной поэмы связали дружбой москвича и тбилисца.

Где же вы теперь, друзья-однополчане? Иных уж нет, и в рассказе о них Сергей Гургенович горестно задумывается, вспоминая, как терял одного за другим – кого в боях, кого на мирной работе, от полученных в сороковых годах ран: Валерия Лекишвили, Николая Громова, Ашота Хачатурова...

А жизнь продолжается, с другими однополчанами Сергей Гургенович Мирзоян встречался на празднике Победы в Москве, откуда уходил на фронт в далеком сорок четвертом. И еще собирается встретиться. До конца нынешнего года, и даст бог, в последующих.

Сколько дорог вместе пройдено, сколько еще предстоит пройти!

Арсен ЕРЕМЯН

ДЫХАНИЕ БОГОВ

Его способен воспринимать, чувствовать как человек, искушенный в музыке, так и дилетант, только начинающий познавать тайны звуков. Потому что его трактовка самых сложных сочинений внятна каждому, кто способен слушать, у кого есть душа. Хотя его интерпретация часто идет вразрез с традиционным, каноническим исполнением. Речь идет о всемирно известном пианисте Андрее Гаврилове, недавно выступившем с единственным концертом в Большом зале Тбилисской государственной консерватории имени И.Сараджишвили.

В Тбилиси Андрей Гаврилов, живущий ныне в Швейцарии, исполнил ноктюрны Фредерика Шопена и Восьмую сонату Сергея Прокофьева, которую называет «лучшей сонатой». Во время выступления пианист делился с публикой своими размышлениями по поводу каждого сочинения, высказывая смелые, порой парадоксальные суждения. Тем интереснее было слушать... Гаврилов нежно, словно лаская, прикасался к клавишам, и перед собравшимися открывались внутренний мир Шопена, перипетии его драматичной судьбы; Россия эпохи Прокофьева, его трагические переживания. Импульсивный, легкий, заразительный артист, обладающий виртуозной техникой, обычно превращает исполнение каждого произведения в спектакль и увлекает слушателей в мир «своей» музыки. Так произошло и в Тбилиси. Пианиста долго не отпускали, просили выступить еще и еще. Завершил концерт Андрея Гаврилова снова Прокофьев – «Наваждение»!..

После выступления его окружили почитатели. Андрей Владимирович был общителен, доброжелателен, весел, говорил о тбилисской и московской публике, о неоднозначном восприятии его парадоксального Шопена польскими меломанами, вспоминал Святослава Рихтера, с которым Гаврилова связывали сложные, болезненные отношения, приведшие к разрыву...

- Как вы относитесь к тому, что вас называют легендарным?

- Я никак к этому не отношусь.

- Как изменился Андрей Гаврилов с того дня, как стал лауреатом конкурса имени Чайковского в 1974 году?

- Между «тем» Гавриловым и мной разница как между сыном и отцом. Общее и главное осталось неизменным - люблю жизнь, людей и не могу жить без музыки.

- Говорят, вы относитесь к тому редкому типу пианистов, кто не боится вступать в спор с композитором. Всегда ли вы одерживаете верх в подобном споре?

- Я не спорю с композиторами, а сотрудничаю. Внимательно читаю уртексты, оживляю мысли умерших гениев, даже становлюсь ими на время исполнения... Стараюсь подарить им немного жизни, существования, звучания... На этом пути я, вовсе не стремясь стать новатором, невольно им становлюсь. Моя цель – не придумать «новую интерпретацию», а наоборот, долгим деликатным трудом проникнуть в исконный замысел композитора, подарить его публике и самому себе. Это «воскрешение» – лучший подарок. Результаты подобной работы порой ошеломляют тех, кто попал под влияние стереотипов. Люди не всегда готовы услышать «нового» Шопена, им приятно слушать то, к чему они привыкли с детства. Поэтому многие мои новации не сразу принимаются. Понимание моих «открытий» всегда приходило со временем к самым широким слоям публики.

- Вы нарушаете каноны, бросаете вызов традиции и стереотипам. По складу личности вы бунтарь?

- Нет, я не бунтарь, я люблю и ищу покой. Но я действительно не переношу инерции, застоя, окостенения... Я не выношу мертвого искусства, каким бы искусным, совершенным по форме оно ни было. Это не бунт, а только честное отношение к делу.

- Вас называют «анфан терриблем» отечественной музыки, гением, чудачком, скандалистом. Как вы это оцениваете? Не устали эпатировать публику?

- Это очередной миф обо мне, утвердившийся в среде посредственных журналистов. Зачастую журналисты вообще не хотят разобраться в сути и, чтобы скрыть свое невежество и нежелание работать, просто навешивают на меня подобные ярлыки. Такой шлейф из слов, потерявших всякий смысл, тянется за каждой публичной личностью. Слова эти гремят, как пустые консервные банки, но ничего не означают.

- Будучи Моцартом, вы никогда не чувствовали себя Сальери?

- Я никогда не был Моцартом. Всю жизнь пытался быть только Андреем Гавриловым. Если вы спрашиваете о том, испытывал ли я когда-нибудь зависть - нет, зависть я не испытывал никогда, потому что природа и судьба достаточно много мне подарили.

- Музыка для вас язык самопознания или способ постижения мира?

- Музыка – это и инструмент самопознания и познания мира. И одновременно – чудесный плод этих поисков. Музыка – это самовыражение. Двусторонний мост - манифестация моей любви к миру и любви Бога к человеку. Это и стиль жизни, и ее духовное топливо, и ее священный огонь. Музыка как машина времени открывает другие измерения и выводит общение между людьми и между поколениями на новые, неведомые уровни. Музыка – это нечто невыразимое, невербальное. Дыхание богов.

- В Тбилиси вы исполняли Шопена. Чем вам близок этот композитор? Кто еще особенно созвучен вашей душе?

- Душа каждого чувствующего и мыслящего человека подобна многогранному органическому кристаллу. Музыка Шопена – неотъемлемая часть этого переливающегося светозвуками духовного органа. Шопен помог европейскому человеку первой половины девятнадцатого века вырастить в себе подобное сокровище... Теперь оно принадлежит всем. Разумеется, я люблю и другую музыку. Люблю и божественного Баха, и щемяще русского Рахманинова, и родного Чайковского, и саркастичного, трагичного Шостаковича, и безудержного фантазера Моцарта и многих, многих других.

- Что вам близко в музыке современных композиторов?

- Они разные. У каждого свое. К сожалению, «своего» современного композитора я пока не нашел.

- Как, на ваш взгляд, развиваются сегодня пианистические традиции в мире?

- Плохо. Произошла нивелировка и подгонка стилей и индивидуальностей в угоду потребителю. Против этого должен бороться сегодня каждый честный музыкант.

- Когда вы впервые почувствовали, что упорные занятия музыкой – не скучная обязанность, а удовольствие, творческий процесс?

- Когда я потерял отца, мне было 15 лет. Музыка помогла мне пережить эту потерю, преодолеть инфантильность, стать мужчиной. Она стала для меня спасительной творческой средой, рабочим космосом, в котором можно было продолжать жить и развиваться.

- Однажды вы сказали, что уже не чувствуете себя русским. Кем же вы себя ощущаете – европейцем, человеком мира?

- Я чувствую себя прежде всего человеком. Русский, европеец, космополит - это, как мне кажется, устаревшие понятия, категории позапрошлого века. Турбулентности мировой истории последних тысячелетий фатально смешали крови различных народов. Благодаря интернету мы все стали виртуальными космополитами. Жителями маленькой планеты Земля. Скоро, боюсь, исчезнут и языки, останутся только английский и китайский. А когда-нибудь смешаются и они. Я глубоко уважаю национальные культуры малых и больших народов. Но их будущее – музеи и монографии. Океан времени шлифует их, как гальку, и превращает в песок. Будущее за мировой культурой, в которую должны влиться национальные культуры. Процесс

этот не гармонический и не безболезненный, но неизбежный. Его остановить невозможно так же, как невозможно остановить течение времени. То же произойдет когда-нибудь со всеми религиями, расами, национальностями и народностями. Истеричный национализм или расизм всевозможных сортов используется провокаторами и разжигателями войн, желающими погреть руки на костре войны. Мне пестование национальных различий глубоко чуждо. Мы все одна семья. Шопен принадлежит всем.

- Чем объясняется то, что вы в течение шести лет не прикасались к инструменту? И как вам удалось сохранить форму? Ведь это как в спорте – пауза приносит потерю каких-то необходимых качеств, не так ли? Эта пауза была вам чем-то полезна как музыканту – то есть человеку творческому?

- До этой паузы я свой музыкальный дар эксплуатировал, а не развивал. В конце концов мое естество взбунтовалось против этого. Мне необходимо было остановиться, чтобы отдышаться и прислушаться. Я бросил музыку. Ушел от шума мира. Я слушал себя, слушал космос и потихоньку дозревал. И пришел сквозь сомнение, отчаянье и смерть к новой творческой жизни.

- Как вы считаете, нужна ли классическая музыка сегодня среднестатистическому человеку? Или ее восприятие – привилегия очень узкого круга избранных?

- Добрый человек, выпив стопку водки перед обедом и закусив ее хрустящим малосольным огурчиком, крикает и говорит - это классика! Это и есть определение классики – это вечно свежее и необходимое! Какую музыку мы называем классической? Ту, без которой не можем жить. Она всегда с нами. Если бы вы спросили прямо, будут ли люди и через тысячу лет слушать Баха и Рахманинова – я бы прямо и ответил. Да, будут слушать, и плакать и радоваться. Даже если потеряют тела и превратятся в программы космического компьютера...

- Вы идеалист?

- В идеализме есть элемент утопии – мне это чуждо, но любопытно... В искусстве я одновременно идеалист-максималист и материалист-практик... Идеалист, материалист – и эти понятия, к сожалению, непоправимо устарели. Мы все текущие, и только потому живые. Стоит замереть в одном состоянии, превратиться в камень, и наступит смерть.

- Что вы в себе не приемлете, что мешают вам в жизни, в творчестве?

- Как и у всех – тысячи различных слабостей. Которые даже не пытаюсь побороть, но с которых не спускаю глаз. И моему творчеству тоже мешают тысячи различных факторов. И столько же помогают. Я пленник того же чудовища, которое всех нас пожирает – времени.

- Расскажите о ближайших планах и проектах.

- Планов и проектов много – в голове. А что из них осуществляется в реальности и как, знает один Бог. «Мы предполагаем – Бог располагает», – хладнокровно говорили наши предки. Лучше уж об этом и не говорить вовсе.

- Что вас связывало или связывает с Грузией?

- Детство, культура, горы и море. Фильмы Отара Иоселиани и Георгия Данелия. Грузинское церковное песнопение. Когда я слышу грузинское многоголосие, слезы радости и ностальгии появляются на моих глазах. Тициан Табидзе. Пиросмани. Вино. Кавказская лирика Пушкина и Лермонтова...

А. Гаврилов с семьей

Инна БЕЗИРГАНОВА

С 5 ЯНВАРЯ 2011 ГОДА В ТЕЛЕВИЗОРАХ МИЛЛИОНОВ ЗРИТЕЛЕЙ ПОЯВИТСЯ НОВАЯ КАРТИНКА - С ЛОГОТИПОМ ПИК, ЧТО ЗНАЧИТ ПЕРВЫЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ ИЛИ ПЕРВЫЙ ИНТЕРАКТИВНЫЙ КАВКАЗСКИЙ. ДО ЭТОГО В КОРИДОРАХ КОМПАНИИ ИДЕТ ОБЫЧНАЯ ТЕЛЕВИЗИОННАЯ ЖИЗНЬ. ПОНАБЛЮДАТЬ ЗА НЕЙ ВЗЯЛСЯ ЖУРНАЛИСТ «РК».

ПИКАДОРЫ ОТ ТЕЛЕВИДЕНИЯ

НА ПИКЕ

Полечительский совет Общественного вещателя Грузии этим летом принял решение о передаче телеканала «1Кавказский» в управление частной компании «Кей 1» после того, как Парижский суд не удовлетворил иск телекомпании к французскому спутниковому оператору «Eutelsat», снявшей телеканал с вещания через шесть дней после его начала. За то, что, по мнению многих, телеканал был единственным, освещавшим реальное положение дел на Кавказе.

Последовавшая за этим событием реорганизация канала уже подходит к концу. Серьезные изменения претерпели все составляющие информационного процесса - от журналистского состава до технического оснащения. В руководстве компании также появились новые лица. Это - генеральный директор «Кей 1», известный британский журналист Роберт Парсонс, заместители генерального директора Дэвид Чатер, Мелани Энсли, Зураб Кодалашвили.

Информационную службу возглавила Екатерина Котрикадзе. «Я не хочу показаться банальной, но на самом деле для того, чтобы новость была интересной, она в первую очередь должна быть интересна тебе. На мой взгляд, есть некий принцип, по которому отбираются новости - если ты узнаешь какую-то новость и она «цепляет», значит, она имеет смысл», - говорит Екатерина, рассказывая о постоянном и нелегком процессе отбора новостей для эфира.

Второе и, пожалуй, главное, - новость должна быть представлена всесторонне. «Если мы снимаем сюжет, то мой принцип и принцип этого канала - чтобы в нем были представлены все стороны. Мы пытаемся создать настоящему сбалансированный канал, в лучшем смысле этого слова. Сбалансированный не потому что это надо, а потому что это интересно, потому что это принцип, который мы должны соблюдать, и потому что это честно, - говорит она и добавляет: - Мы, на самом деле, не гонимся за сенсациями. Это не желтый канал, а канал, который обязан заинтересовать и сказать то, чего не говорят другие», - и это третий принцип. По глубокому убеждению пиковцев, именно это делает проект беспрецедентным.

«На русском языке создается канал, который будет делать то, чего не делают другие. Он единственный русскоязычный, не подконтрольный Кремлю, никому на самом деле. Никому, кроме нашей совести. Каждый из нас знает, что такое совесть. И знает, что если мы говорим о ком-то негативно, то мы не имеем права и никого прикрывать. Звучит тривиально, но я люблю новостную журнали-

стику, потому что ненавижу оценивать. Наш принцип таков - один сказал одно, второй второе, третий третье. Мы все мнения собрали, а вы, ребята, сами делайте выводы».

Вспоминая свою работу начальником новостной службы на 1Кавказском, Екатерина утверждает, что добиться требуемого качества не удалось по очень простой причине - не было возможности снимать там, где хотели, включать тех, кого хотели и делать сюжеты такими, какими хотели.

«Когда создавался 1Кавказский, у нас не было вообще никаких возможностей, хотя бы технических. Не было денег даже на командировки журналистов в регионы, не было камер и микрофонов. Имея в арсенале всего четыре телекамеры, мы пользовались оборудованием Общественного вещателя. Не в укор коллегам будет сказано, но нам зачастую приходилось «биться» за аппарат для прямого включения. Так невозможно делать телевидение. При этом я нисколько не считаю, что проект был плохим. Мы делали максимум того, что могли».

Надежда на то, что со временем 1Кавказский «раскрутился» бы и появилась возможность развиваться, погасла 22 января этого года, когда канал сняли со спутника.

«Мы продержались шесть дней, но их хватило, чтобы депутаты Государственной Думы сделали официальные заявления о том, что канал является сепаратистским, террористическим и его надо уничтожить. Нас, с трудом сводящих концы с концами, это забавляло. Хотя теперь мы понимаем, что старушка Европа не всегда готова защищать права маленьких, но гордых телекомпаний», - отмечает Котрикадзе и обещает своим телезрителям новости на пике. Объективности, непредвзятости и профессионализма.

ГРАЖДАНСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

Профессионализм здесь условие безусловное. Взять хотя бы моего респондента, который называет себя «человеком с бибисишным бекграундом», а на вопрос «сколько у нас времени на интервью?» дает честный телевизионный ответ - «времени у нас нет». Впрочем, за 20 лет в журналистике на планете Земля не осталось телеканала, на котором бы ему хотелось и не удалось поработать. BBC, CNN, SkyNews и еще столько же хрестоматийных СМИ, которым в учебниках по журналистике посвящены целые главы - неполный послужной список заместителя генерального директора Зураба Кодалашвили.

Если же говорить о новой команде, то она охарактеризована Зурабом как интернациональная. «Мы собрали как журналистов со стажем, так и новичков желторот. Все это

нужно, чтобы помочь каналу стать другим. Другим – значит, лучшим».

Пока на канале работают около 200 сотрудников, но их число, безусловно, будет расти. «Мы создаем новый канал с новыми технологиями, новыми людьми и новыми целями».

ПИК предстает как альтернатива новостям российских телеканалов. Хотя новостями пиковцы называют их с большой натяжкой. «С новостями у нас вообще нет проблем, потому что на постсоветском пространстве их не делает никто. Включите любой российский канал – пропаганда. Наша задача – передавать новости, как они есть».

Об успехах пока не говорят. Рано. Ведь процесс начат фактически с нуля – от технического оснащения и подбора сотрудников до менеджмента.

Что касается менеджмента, ПИК задуман по образу и подобию наиболее беспристрастных, и поэтому самых качественных мировых медиа-гигантов – BBC, SkyNews, Al-Jazeera.

ПИК выходит в эфир благодаря спутнику Hot Bird, в зоне покрытия которого Европа, Америка, Ближний Восток, Центральная Азия, Индия и Северная Африка. Хотя главной целевой аудиторией пиковцы считают Северный и Южный Кавказ, затем Россию и страны СНГ. Как подчеркнул Кодалашвили, «ПИК – про-русский канал. Это не значит, что он прокремлевский. У нас есть ниша, и нет никаких ограничений. Никто не может влезать в нашу редакционную политику. Знаю, такая формулировка многим режет ухо, но...»

Так и хочется перефразировать реплику героини из оscarоносного советского фильма: «Как долго мы вас ждали». Ведь это же нормально – говорить правду. Только правду и ничего кроме правды.

Через год заместитель генерального директора надеется увидеть рождающееся детище как канал, совершенно отличный от всех существовавших на постсоветском пространстве.

Правило одно – «мы передаем новости, как они есть. Выводы пусть делают зрители». Ведь главное для журналиста быть журналистом, а не пропагандистом. Остальное – профессиональные принципы, опыт, призвание.

На канале сформированы три главных отдела – новостей, производственный и веб-департамент. Зураб Кодалашвили возглавляет веб-департамент, пока самый немногочисленный, но перспективный. Во вверенном ему отделе создается портал, на котором будет выложена вся информация, производимая каналом, а также используются интегрированные социальные медиа.

Ноу-хау ПИКа и гордость веб-департамента – внедрение гражданской журналистики. Как рассказал Зураб, создается платформа, куда любой гражданин, умеющий читать и писать по-русски, может присылать свои материалы (видео, фото, аудио и текстовые), которые будут выложены на сайте канала. Если же информация будет остра и актуальна, а качество изображения позволит, материал может стать основой для новостного сюжета.

«Наша задача – предоставить возможность рассказать о своих проблемах. На сегодняшний день есть блогеры, которые, считая себя высокими интеллектуалами, устраивают обыкновенный междусобойчик. А проблема как раз в том, что многие граждане соседних республик зачастую не имеют ни доступа к информации, ни возможности рассказать, что происходит на самом деле. Мы создаем этот портал, чтобы у них появилась такая возможность».

Гражданская журналистика – это голос людей. Учитыв-

От интервью - до прямого эфира

вая, что мы живем в век коммуникаций, где мобильные телефоны, фото- и видеокамеры перестали быть редкостью, а интернет не имеет границ, пиковцы надеются на большой и позитивный резонанс своей задумки.

ИСКРЕННЕ ВАШ, ПИК

На начальном этапе из шестичасового вещания два будут отведены новостям, четыре – документальным фильмам и шоу, производимым ПИКом, а также закупленным программам.

Подробнее о начинаниях рассказала заместитель генерального директора Мелани Энтли, руководящая производственным отделом.

«Для начала мы запустим в эфир «ПИК он-лайн» – передачу, посвященную гражданской журналистике, которую поведет Зураб Кодалашвили. Общественно-политическим вопросам мы посвятим 45-минутную передачу, где обычные люди смогут выразить свое мнение. Ее ведущей будет Нана Кикнадзе. Обзор русскоязычного мира в международной, российской и местной прессе можно будет посмотреть в программе «Эспрессо», а передача «В узком кругу» – это уютные посиделки ближе к полуночи».

Как видно, на начальном этапе внимание уделяется информационным и аналитическим передачам на социально-политическую тематику. Но со временем, когда ПИК наберет нужные обороты, планируется выпуск развлекательных и музыкальных программ.

Мелани Энтли гордится своей командой и считает, что главное – выполнять работу тщательно, талантливо, искренне и храбро.

Очень скоро канал начнет выходить в эфир. А это значит, что у зрителей будет возможность наблюдать за информационной корридой, а у пиковцев – ежедневно нести свое честное журналистское слово.

Журналисты, работающие на ПИКе, помимо всего остального, отмечают, что ПИК – это азарт, ведь говорить так, как не может никто и нигде – занятие для отважных. Гордых телекомпаний с кавказским темпераментом. А то, что штаб-квартира ПИКа находится в Тбилиси, в компании считают стечением географических обстоятельств. Хоть и очень символическим.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

ЛЕТОПИСЕЦ

Весной 1941 года Георгия Богвелишвили призвали на трехмесячные курсы переподготовки офицеров запаса. К тому времени он чувствовал себя человеком, уже вполне состоявшимся, работал заведующим технической лабораторией на винном заводе в Болниси. И, возможно, уроженец Цинандали, этого красивейшего уголка региона Кахети, так и посвятил бы свою дальнейшую жизнь виноделию. Но война внесла существенные коррективы в его судьбу.

Он как раз заканчивал курсы, когда стало известно о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. Конечно, в этих обстоятельствах ни о каком возвращении офицера домой, к мирной жизни не могло быть и речи. Георгий Богвелишвили с первого дня войны оказался в действующей армии. Его назначили заместителем командира пулеметной роты. На первых порах рота стояла в Авчала, участвовала в формировании и подготовке подразделений, отправлявшихся на фронт. Но враг подошел к Кавказу, и бойцов направили на Северный Кавказ через Мамисонский перевал.

- Какое-то время, - вспоминает сегодня ветеран, - я даже занимал должность начальника Мамисонского гарнизона. Фактически, это был единственный оставшийся путь, связывавший Грузию с Северным Кавказом. Помню, лежал высоченный снег. В мои обязанности входило решение практически всех вопросов, возникавших по ходу событий, которые тогда развивались достаточно непредсказуемо. Однажды мне было приказано предоставить возможность отдохнуть группе отступавших в сторону Грузии высших офицеров во главе с генералом. Я уступил генералу свою койку, нашел возможность разместить и других членов группы. А потом объяснил, как идти в сторону Шови, где тогда располагался тыловой штаб. Через некоторое время пришло известие, что в Шови всю группу арестовали по обвинению в измене родине. В общем, когда меня вновь направили в мою роту, я даже обрадовался,

что попаду в боевые условия. Уж там-то с подобными ситуациями мне точно не пришлось бы сталкиваться. Так оно, в общем, и случилось. Командиром нашей роты был прекрасный, очень интеллигентный человек, имени его я теперь не помню. Родом он был из Белоруссии, а до войны работал учителем в школе. Его ранило в одном из первых боев. И командиром назначили меня.

Георгий Богвелишвили был в числе тех, кто мужественно защищал Кавказ и отстоял его. Свидетельством тому служат боевые награды. Офицер принимал участие во многих сражениях, пока сам не получил тяжелое ранение и контузию. За этим последовали месяцы лечения в госпитале в Баку. А когда здоровье поправилось, Георгию, принимая во внимание его воинские заслуги, предоставили отпуск.

- Конечно, - говорит он, - я был рад побывать дома. Но, вместе с тем, с нетерпением ждал окончания отпуска. Мне хотелось вновь оказаться вместе с боевыми товарищами, узнать, как они. Но, явившись в военный комиссариат, я получил совершенно иное назначение – в формировавшуюся тогда в Кутаиси грузинскую дивизию под командованием полковника Владимира Хубулури. В ее составе я и воевал до конца Великой Отечественной.

Тут Георгий Богвелишвили обрел новую профессию, которой посвятил всю последующую жизнь. Он начал публиковать свои заметки в дивизионной газете «Сталине-ли», выходившей на грузинском языке. Видимо, острым пером боец обладал от природы, потому что вскоре его перевели в штатные литературные сотрудники газеты. Его зарисовки, очерки, репортажи рассказывали о ратном подвиге народа, о конкретных людях, самоотверженно приближавших победу над врагом. Сотни материалов, написанных и опубликованных Георгием, в совокупности составляли летопись, если не Великой Отечественной войны в целом, то наверняка многих ее эпизодов. А после окончания войны он продолжал работать в военной прессе, в том числе, и в газете «Ленинское знамя», печатном органе Закавказского военного округа, пока в 1956 году не ушел в отставку в звании майора.

После этого журналист работал во многих грузинских газетах и журналах, был редактором выходившего в Грузии журнала «Сакартвелос бунеба» («Природа Грузии»), участвовал в учредительных съездах Союза журналистов СССР в Москве в 1959 году и Союза журналистов Грузии. Особое место в его творчестве всегда занимала тема Великой Отечественной войны. Хотя писать за долгие годы работы о чем только не приходилось. Георгий Богвелишвили был из тех журналистов, которому всегда хотелось узнать что-то новое и поделиться этим с читателем. Однажды в Цинандали он познакомился с удивительным человеком, работавшим на местном винном заводе, китайцем по национальности, которые волею судьбы оказался в Грузии и остался здесь жить. Очерк был опубликован в республиканской газете «Коммунисти», органе Центрального Комитета компартии Грузии. Он был с интересом встречен не только грузинскими читателями, но и китайскими, потому что его перепечатала ведущая газета Китая «Жэньминь Жибао». Георгий Богвелишвили по сей день является ректором Цинандальского народного университета имени Александра Чавчавадзе, им написано двенадцать книг, причем, последняя из них - «Алазанские зарисовки» вышла в свет в прошлом году. А ведь в январе будущего года ему исполнится 99 лет. Возраст, конечно, берет свое. Здоровье уже не то, каким было прежде. Но бодрости духа и интереса к жизни Георгию Захаровичу и сегодня не занимать.

- Я хочу поздравить с наступающим Новым годом моих соотечественников, пожелать им крепкого здоровья и успехов. А главное – мира. Знаю, что в стране сегодня пока трудно, но над нами мирное небо. И если мы в свое время сумели его отстоять, то уж с остальными проблемами как-нибудь справимся, - говорит ветеран.

Георгий Богвелишвили

Дэви БЕРДЗЕНИШВИЛИ

ЭПОХА НЕУСТАННОГО ПОИСКА

ИСПОЛНИЛОСЬ 95 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ГЕОРГИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ТОВСТОНОГОВА
(1915-1989).

ПУБЛИКУЕМ ОТРЫВОК (ПРЕДИСЛОВИЕ)
ИЗ КНИГИ «ТОВСТОНОГОВ» ИЗВЕСТНОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО И ТЕАТРАЛЬНОГО КРИТИКА
НАТАЛЬИ СТАРОСЕЛЬСКОЙ О ЖИЗНЕННОМ И
ТВОРЧЕСКОМ ПУТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУССКОГО
СОВЕТСКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО РЕЖИССЕРА,
ВЫШЕДШЕЙ В СЕРИИ БИОГРАФИЙ
«ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»
(М., «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», 2004)

Библейская мудрость гласит: «Не сотвори себе кумира», — и в этих словах скрыт глубокий и во многом постигнутый поколениями смысл.

Кумиры великолепны и страшны, когда завораживают своим ослепляющим блеском.

Кумиры жалки и страшны, когда разбиваются вдребезги, отражаясь последними искрами в наших растерянных взглядах.

Но так уж, вероятно, создан человек, что в числе дарованных ему чувств есть не именованное, но остро выраженное. Его можно было бы, наверное, назвать чувством преданности и веры. Дарованное однажды, оно нередко оказывается пожизненным. По крайней мере, для тех, кому необходимо верить и ощущать в себе эту преданность.

Счастливые люди!..

Но приходит время, когда «седьмое чувство» велит отдать долг, воздать, чем можешь, тому, кто вызвал некогда в тебе всю остроту переживаний и мыслей, кто наложил незримый, но очень ощутимый отпечаток на формирование критериев, на восприятие отнюдь не только искусства, культуры, но, как выясняется, жизни.

Не больше и не меньше.

Стараясь не употреблять попусту и всуе эпитет «великий», мы теперь произносим его чаще всего вослед. Может быть, есть в этом свой смысл, сформулированный во множестве афоризмов: время расставляет все по своим местам, с очевидностью не поспоришь, «большое видится на расстоянии»... Именно с такой вот дистанции все, что казалось несущественным, приобретает особое значение, и в этой перспективе вырисовывается масштаб. Уже не увеличенный с помощью каких-то оптических приспособлений.

блений, а реальный. Тот, что соответствует жизни и судьбе.

Потому, выстраивая ряд великих режиссеров XX века, тех, кто создавал непреходящие ценности русского психологического театра, мы называем Станиславского, Мейерхольда, Вахтангова, Таирова, Алексея Попова, Охлопкова...

Георгия Александровича Товстоногова...

Именно ему суждено было стать последним великим режиссером XX века. Впрочем, это впечатление, как и все, близко касающееся театра, очень индивидуально, а значит, вряд ли может быть непреложным, но не подлежит сомнению, что вместе с Георгием Александровичем Товстоноговым ушла великая эпоха русского театра; эпоха синтеза и неустанного поиска, эпоха подведения итогов во имя обретения новых ценностей.

Этот уход, как оказалось, по какому-то драматическо-

Георгий
Товстоногов
и Серго
Закариадзе

На репетициях

му стечению обстоятельств обозначил начало — один за другим стали уходить лидеры, «диктаторы», творцы и апологеты большого стиля сцены и жизни; те, для кого свой театр был не только домом, но единственной возможностью существования, единственным оправданным смыслом бытия.

Не случайно ведь исследователь театра Борис Зингерман назвал творческий путь Георгия Товстоногова «миссией» — это действительно была высокая миссия соединения, сочетания и самобытного осмысления всего, что предлагалось театральным процессом XX столетия. Традиции никогда не делились для Георгия Александровича на более и менее значительные — каждая из них представляла определенную ценность, становясь тем необходимым элементом, что кипел и выпаривался в его творческом тигеле Великого Алхимика, созидавая некую собирательную энергию не только того или иного спектакля, но творческого пути в целом.

«Между традицией — и, более того, академизмом — и новаторством в спектаклях Товстоногова не бывает распрей, — отмечал Б. Зингерман, — на его спектаклях они сходятся и мирятся друг с другом».

Для того чтобы возникало подобное ощущение, надо было видеть главное в традиции, то, что продиктовано не быстротекущим временем, а понятиями куда менее эфемерными. Только тогда можно было говорить о новаторстве в подлинном значении этого слова.

Критик Константин Рудницкий отмечал: «Связующая, собирательная энергия искусства Товстоногова сомнению не подлежит... Но... в искусстве Товстоногова отчетливо проступают и год от года накапливаются признаки совершенно самобытного дарования, характерные черты большого сценического стиля, отмеченного печатью мощной и оригинальной личности художника. За внешней переменчивостью манеры и несхожестью отдельных спектаклей угадывается упрямое постоянство движения, уводящего далеко от великих учителей и в сторону от самых прослав-

ленных современников. За мобильностью очертаний конкретных работ чувствуется нечто неуклонно товстоноговское, никого не повторяющее, ни с чем не совпадающее».

Казалось бы, очень трудно, почти невозможно назвать самую знаковую, наиболее характерную черту режиссерского почерка Товстоногова, как можно назвать ее, говоря, например, о таких его современниках, как Николай Акимов, Юрий Любимов, Анатолий Эфрос. Или — о старших современниках, учителях.

Пожалуй, лишь творчеству и методологии Станиславского никто так и не сумел до сих пор дать точного и емкого определения, и сегодня, почти столетие спустя, мы призываем на помощь всю силу фантазии, пытаясь вообразить: что же было такого особенного в спектаклях Художественного театра, что заставляло зрителей безоговорочно верить каждому слову, каждому движению характера, примеряя «на себя» происходящее в пьесах не только современных, но и далеких по времени, что заставляло радоваться и страдать так, словно речь шла о тебе и твоей собственной жизни?..

Но прежде чем говорить об особенностях творческого почерка, о тайнах профессии, о неповторимости товстоноговских спектаклей, надо задуматься о личности — поистине магнетической, многозначной.

Окружающим Товстоногов виделся очень разным, и в то же время воспоминания о нем поражают сходством. Мало кто упускал из внимания постоянно окутывавший Георгия Александровича дым сигареты, тяжелые очки, за которыми становились удивительно теплыми или ледяными глазами; резко очерченный профиль, изящные кисти рук; могучий, ошеломляющий интеллект наблюдательного, интересующегося всем человека...

Известный драматург, киносценарист Анатолий Греб-

нев, знакомый с Товстоноговым с тифлисской юности, вспоминал:

«Мог позабыть, что угодно, но помнил от начала и до конца, по мизансценам, «Горе уму» или «Лес» Мейерхольда, виденные им в юности.

Хобби? Коллекция театральных масок. Собирал, привозил отовсюду, показывал с детской гордостью.

Обидчив, мнительен, ревнив, как всякий театральный человек. Помнил, сколько раз давали занавес в конце и сколько появилось рецензий.

...Да и как не быть обидчивым и ревнивым в этом безостановочном беге, марафоне длиною в жизнь, с желанием, с жадой, необходимостью ежедневного Успеха, ибо что же

такое театр, как не успех?».

Среди многочисленных фотографий Георгия Александровича Товстоногова есть одна, от которой трудно оторвать взгляд: непроницаемо сосредоточенное лицо крупным планом; черты словно проступают сквозь дым сигареты (мундштук изящно зажат в пальцах, кисть руки слегка вывернута — привычный жест заядлого курильщика), постепенно проясняясь, приближаясь к нам. Гордое, немного надменное выражение, опущенные уголки губ, полуприкрытые веки... О чем он думает? Что репетирует в этот момент?

Какая же удивительно мощная личность запечатлена на этом снимке!..

Константин Рудницкий, наверное, не без влияния этой фотографии (хотя, конечно, и на основе собственного опыта общения) создал словесный портрет режиссера: «Внешне Товстоногов очень уравновешенный человек. Он серьезен, спокоен и тверд. Сквозь толстые стекла роговых очков обращен на вас внимательный и невозмутимый взгляд. Высокий лоб интеллектуала. Обдуманная, плавная, неторопливая речь, низкий, басовитый голос, сдержанный жест, внушительная осанка. Те, кто склонен считать его всеведущим и многоопытным мастером, очень близки к истине. Да и те, кто в первую очередь замечает напористую силу товстоноговской мысли, его иронию, часто язвительную, юмор, благодушный и снисходительный, властные манеры театрального диктатора, — они тоже не ошибаются. При несколько более близком знакомстве с ним скоро убеждаешься, что Товстоногов, в отличие от иных, не особенно отягощенных эрудицией театральных кудесников и фантазеров, чувствует себя как дома под широкими сводами истории литературы, живописи, музыки, архитектуры. Познания основательны, точны и применяются вполне своевременно. Не в его вкусе работать по наитию, намечать маршрут, не сверившись с картой. Все, что Товстоногов делает, совершается обдуманно, дальновидно. Семь раз отмеряется, один раз отрезается».

А вот что писал о Георгии Александровиче Товстоногове критик и его близкий друг Александр Свободин. «Силуэт создается по-разному. Легким штрихом, черной линией на белом. Можно обвести тень на стене. А можно вырезать из бумаги — и профиль очертится пустым пространством. Потом, если угодно, подложите розовое, зеленое или золото — кому что по душе. Зачем узурпировать права будущего историка театра...

Однажды он удивился:

— Знаете, я — какая-то легенда! В периферийных театрах говорят: вот Товстоногов, у него и то, и это... Говорят даже не видевшие моих спектаклей. Верят, что где-то есть Товстоногов, он знает секрет. Я смотрю на это со стороны, но в последнее время думаю: может быть, так им легче работать? Странно, не правда ли?..

Эти легенды — глубоко укоренившаяся и, в сущности, нужная, спасительная особенность театрального быта. Источник их — непременно явление крупное. Они дают силы не разувериться в профессии, поднимают жизненный тонус, даже если сам ты, режиссер или актер, пребываешь в трудностях, обижен обстоятельствами.

Много лет вижу, как изо дня в день, срываясь и вновь принимаясь за дело, он старается дотянуться до этой легенды, дотянуться до ... Товстоногова. Саморазрушение — тоже способ самоотдачи в искусстве, в театре — особенно. Ему ближе самоусовершенствование. Он — пример продуманного строительства своего художественного организма».

На редкость точная характеристика! Особенно если учесть (и Свободин пишет об этом), что Товстоногов был от природы, от Бога не просто режиссер, а главный режиссер — значит, у него было необычное, острое мироощущение и мировосприятие. Тем более когда речь идет о театре как жизни, неделимой на личную и общественную.

Для Товстоногова она была едина.

Творчество Георгия Александровича Товстоногова театроведы и театральные критики исследовали досконально. Зафиксирована едва ли не каждая мелочь, детали репетиционного процесса, премьеры, повседневной и долголетней жизни того или иного спектакля. Остались записи бесед и статьи самого Товстоногова, его артистов, легендарного завлита Дины Шварц; остались киноплёнки, архивы... Но вряд ли кто-нибудь сможет да и пожелает «вывести формулу», потому что, как верно подметил К. Рудницкий, «в каждом очередном Товстоноговском спектакле есть волнующий привкус опасности, риска, есть азарт опыта, результаты которого заранее предвидеть нельзя».

Сегодня со всей очевидностью обнажился двойной смысл этих слов критика: они касаются не только времени, доставшегося на долю режиссера, но и творчества, от конкретного времени не зависящего, потому что такие понятия, как «опасность», «азарт опыта», «риск», куда шире, чем идеологические определители.

Георгий Александрович Товстоногов принадлежал к той эпохе, о которой Дина Шварц написала в своем дневнике: «Театр, искусство, великие люди. Время страшное, а люди были прекрасные».

Почему?

Потому что умели сопротивляться, не плыли по течению бездумно — куда вынесет, а исповедовали глубоко выстраданные принципы. А если и приходилось чем-то жертвовать (как часто приходилось!), твердо знали: во имя чего...

Однажды Товстоногов с раздражением сказал Анатолию Гребневу: «Мания величия, мания величия! Вы заметили, кругом мания величия. Каждый — властитель дум, никак не меньше! Я помню времена, когда собирались вместе в ВТО (Всероссийском театральном обществе. — Н. С.) Таиров, Алексей Попов, Сахновский, Судаков, Хмелев, Лобанов. Абсолютно были доступные люди, держались просто — с нами, школярами; никто не ходил надутый. А сейчас посмотришь — гении! Это знак безвременья, что там ни говорите. Безвременье рождает манию величия!»

Когда XX век катился к закату, когда уже пересматривалось и переоценивалось понятие крупной личности, большего стиля, подлинного лидера культурного процесса — все становилось раздражающим, вызывающим желание снизить, сивелировать, привести к единому знаменателю. Товстоногова невозможно было привести к чему бы то ни было, сам факт его присутствия в культуре мощно

противостоял мыслям об общих знаменателях.

Об этом пишет театровед Елена Горфункель в послесловии к сборнику «Премьеры Товстоногова», задуманному при жизни режиссера, но вышедшему в свет после его смерти: «Однажды Товстоногов сказал: «Вот уже много лет я делаю одно и то же: ставлю спектакли». Это звучало слишком буднично, как будто создание театральной постановки дело столь же обыденное, как любой каждодневный труд. Очередная премьера обсуждалась, взвешивалась на весах критики и публики, по-прежнему предпочитавшей БДТ всем другим театрам. Очередные юбилеи, очередные гастроли, все более далекие — в Японию, Латинскую Америку; постановки по разным странам, очередные фестивали — все это сливалось в какую-то вечность, в прижизненное постоянство, которое кажется нескончаемым — вечное признание, вечно полный зал... Состояние вне времени, когда новый сезон, прибавляясь к тридцати предыдущим, не в силах увеличить их общее богатство — так оно уже было велико».

И далее Горфункель переходит к совершенно особой теме, которая непременно будет присутствовать на страницах и этой книги, но в виде несколько распыленном, потому что, сконцентрированная и выделенная, она потребовала бы контекста значительно более широкого, чем биография Ге-оргия Александровича Товстоногова. Вот что пишет критик: «Живой Товстоногов завывал требования, исключал соперничество и сравнения. Живой Товстоногов мешал жить. И засидевшимся в учениках, и очередным режиссерам-преемникам, тоже имеющим претензии на лидерство; ушедшим от него актерам, долгие годы вынашивающим муку реванша; молодым критикам, рожденным партийным Постановлением о работе с молодежью, ибо против Товстоногова трудно было развернуть сокрушительные темпераменты. Многим казалось, что, не будь его в городе, театральная жизнь сразу же закипела бы, заблестала, возвратились бы годы скандального премьер, какого-то театрального веселья и ежесезонного изумления. Посыпались бы шедевры и гении, а правящий театральный диктатор, так соответствующий государственно-политической диктатуре, задерживает театральный прогресс.

Между тем эта жизнь приближалась к концу, хотя трагическое неравенство творческих и физических сил вовсе не ощущалось в «Смерти Тарелкина» или «Мудреце». Глубокая внутренняя безнадежность, пессимизм, ничем не уравновешенный, отчаянный, мрачно и жестоко осветил последнюю премьеру Товстоногова. После «На дне» ждать было нечего. Полтора года Товстоногов не репетировал. Болезнь оторвала его от рабочего места в зрительном зале, и актеры потом вспоминали, что отсутствие «диктатора» на привычном месте, в темноте, освещаемой мерцанием сигареты, действовало на них убийственно. Они чувствовали себя без «глаза» беспомощными выскочками.

Вечность кончилась все-таки внезапно, когда 23 мая 1989 года Товстоногов возвращался домой из театра после просмотра «Визита старой дамы», поставленного его учеником Владимиром Воробьевым. Товстоногов умер, и вместо свободы в его городе воцарилась пустота. Вместе с нею яви-лось и посмертное, уже никому не опасное, величие. На глазах все то, что было злобой дня, рядовой современностью, недоговоренными суждениями, все рас-сортировалось само собой...

Ведь только кажется, что все осталось на своих местах, а Академический Большой драматический еще крепче привязал к себе Товстоногова, получив его имя. На самом деле вместе с Товстоноговым умерло его искусство, его Театр, о котором те, кто его знал, будут говорить в прошедшем времени, утешаясь благодарностью за театральные истины, страсти и заблуждения».

Случилось именно то, о чем с горечью написал ушедший вскоре после Товстоногова поэт Давид Самойлов:

Вот и все. Смежили очи гении. И когда померкли небе-

са, Словно в опустевшем помещении Стали слышны наши голоса.

Тянем, тянем слово залежалое, Говорим и вяло и темно. Как нас чествуют и как нас жалуют! Нету их. И все разрешено.

А в этой разрешенности так часто, слишком часто таится пустота, ибо не с кем спорить, нечего доказывать, некому противостоять...

И тогда приходит новое, совсем иное ощущение: гулко-го, не отвечающего эхом пространства, которое невозможно заполнить, потому что традиции, память ушли оттуда навсегда.

Нет, разумеется, жизнь не остановилась, но остановилось нечто очень важное — так иногда сами по себе прекращают свой ход часы, когда уходит человек...

Счастье быть современником великого режиссера ли, артиста, поэта чаще всего оборачивается несчастьем неизбежных сравнений. Жизнь продолжается, но краски ее становятся иными — поблекшими, словно разбавленными. Или они так воспринимаются оттого, что слишком живы в памяти другие?.. БДТ Товстоногова — театр не только моей жизни, но жизни нескольких поколений, осознававших на спектаклях Товстоногова себя во времени и время внутри себя. Меня этот театр приковал к себе слишком рано, когда еще многое невозможно было оценить в силу возраста, но именно с ним, с его помощью, родился в моей душе образ Подлинного Театра. Единственного и незаменимого. Уже не зависящего ни от возраста, ни от времени, ни от каких бы то ни было пристрастий. В том числе и самых сильных — ностальгических.

...Наш последний телефонный разговор был в канун наступающего 1989 года. Жить Георгию Александровичу оставалось меньше полугода. Он поблагодарил меня за рецензию на спектакль «На дне», полушутливо-полугорько посетовав на то, что она написана «не в струе»: стало модным говорить о режиссерской слабости большого Товстоногова, противопоставляя ему творческую силу молодых, в частности его ученика Льва Додина. И тогда со всей страстью я ответила, что буду самой последней крысой, которая сбежит с «тонущего корабля» по имени Большой драматический театр.

После смерти Георгия Александровича прошло полтора десятилетия. Но я по-прежнему ощущаю себя отнюдь не последней крысой на этом, все еще держащемся на плаву корабле. Хотя изменился не только состав команды, не только облик корабля, но и в первую очередь сами волны, рассекая которые он медленно и несмотря ни на что величественно идет своим курсом.

Время придало всему прошедшему иную ценность, иной смысловой и эмоциональный отсчет. И потому очень важно, чтобы биография режиссера предстала перед читателями не только как слегка раскрашенный эмоциями свод сухих документов, но и как запечатленная память тех, кто очень хорошо знал Товстоногова, кто жил с ним рядом, вместе, одной жизнью. Тем более что в жизни Георгия Александровича Товстоногова очень много загадок, вопросов, на которые нет ответов — есть лишь многочисленные версии. Пусть так!..

Пусть звучат на этих страницах голоса, голоса, голоса — иногда сливаясь, иногда дополняя друг друга, порой друг другу противореча.

И не будет, не может быть здесь лишь благозвучной интонации, с какой мы нередко вспоминаем об ушедших.

И не будет, не может быть здесь лишь горестной интонации невозможной утраты.

Время все расставляет по своим местам в отношении кумиров так же бесстрастно и жестоко, как и в отношении простых смертных.

Ведь жизнь человека, особенно такого, как Георгий Александрович Товстоногов, это осознанное одиночество на фоне то шумного, то шепчущего многоголосия, в котором доброжелательные и недоброжелательные голоса сопровождают каждый шаг, каждый жест, толкая его по-своему.

Только по-своему.

Слишком по-своему.

Ничем не нарушая свыше дарованное одиночество.

И потому не будет в этой книге рассказов о браках (за исключением одного, первого) и влюбленностях Товстоногова, хотя еще живы те, кто мог бы рассказать об этом.

По-человечески кажется, что Георгий Александровича оскорбила бы бесцеремонность подобного проникновения в его личную жизнь. Не случайно Анатолий Гребнев писал после смерти Товстоногова, что при самом тесном общении и доверии «какой-либо разговор на «личную»

золота из песка, запечатлеть, зафиксировать, обобщить, — тоже предполагает одиночество. Может быть, и поэтому так ревниво оберегаем мы друг от друга каждую драгоценную крупинку, ничем и ни с кем не желая делиться? Оттого так бесконечно дорого стремление другого человека поделиться найденным, бережно накопленным...

Юрий Сергеевич Рыбаков — критик и исследователь театра, способный проникнуть в «таинство спектакля», — много писал о Товстоногове, был связан с Георгием Александровичем дружескими, доверительными (в высоком смысле слова) отношениями. Он посвятил любимому режиссеру диссертацию, книгу, множество статей и продолжает собирать материал для большой, обобщающей монографии. Но жизнь диктует свое — Рыбаков очень занят и все никак не может уединиться в тишине кабинета, за компьютером, со своим архивом. Монография ждет своего часа вот уже годы...

Когда я, смущаясь, сказала Юрию Сергеевичу о своем желании написать биографию Товстоногова, он принес свои бесценные папки, свои материалы и раскрыл их передо мной. Какими словами смогу я отблагодарить Рыбакова за его щедрость, за его доверие? — ведь это настоящее доверие, обмануть которое невозможно.

Когда-нибудь найдутся время и место, чтобы рассказать, почему я своими учителями в «театральном деле» считаю двух людей: у них я никогда не училась, но самое существование рядом с ними было и навсегда осталось школой. Это — Александр Петрович Свободин, который ушел пять лет на-зад, и Юрий Сергеевич Рыбаков (пусть как можно дольше продлится общение с ним!). Рядом с ними в театральном зале, в закулисах было как-то особенно тепло, трепетно, но и серьезно. Рядом с ними никогда нельзя отделаться от вопреки о спектакле общими фразами, пренебрежительными характеристиками.

Наверное, Георгий Александрович превыше всего ценил в двух этих (и еще нескольких) театральных критиках то, что они по-настоящему умеют смотреть спектакль

Мгновения творчества

тему был решительно невозможен. Не было такой темы.

Он был человеком театра. Театру, и только ему, принадлежало все,

за что его могли любить или порицать, достоинства и недостатки, слабости, пристрастия, привычки, обиды и разочарования — все. Даже память».

Сам Георгий Александрович говорил всегда, что его личная жизнь — театр.

И это так. А потому не станем нарушать одиночества, дарованного свыше.

Но и наша профессия — критиков, театральных журналистов, театроведов, стремящихся намыть крупинки

— не цепочку более или менее удачных эпизодов, низанных, словно на шампур, на некую важную мысль, а контекст, в котором возникла та или иная постановка, актерский ансамбль, и понимают высший смысл, во имя которого режиссер в определенный период жизни обращается именно к этому литературному материалу, и еще многое другое. Ценил ту образованность и широту горизонта, которых сегодня почти нет в театральных и литературных критиках, проводниках мысли от автора к зрителю.

Не случайно, совсем не случайно эти люди, которых я называю своими учителями, были близки Товстоногову. Их роднило многое.

Их роднила судьба.

Спасибо ей за это!..

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ

Летательная машина Кебурия

МЕЧТА О КРЫЛЬЯХ

Сто лет назад, в Тифлисе, на сабурталинских холмах, впервые в истории Грузии были проведены экспериментальные полеты на планерах. До этого гастролеровали воздухоплаватели-иностранцы, но на аппаратах тяжелее воздуха к тому времени еще никому не удавалось продемонстрировать успешные полеты. Все попытки местных пионеров авиации кончались безрезультатно. В. Хечинов в своей книге «История летания в Грузии», изданной в 1935 году, писал: «Планеризм – это первые реальные шаги авиационеров, имеет в Грузии также свою небольшую историю, вписанную полетами конструкторов-самоучек: Теревеерко, Кебурия, Шиукашвили (Шиуков) и Ключ. Каковы бы ни были эти полеты, даже неудачные, все же доказывают, что великая идея покорения воздуха нашла в Грузии последователей, вложивших в общее дело свой труд, свои средства и даже свою жизнь».

Первым в Грузии успешные опыты с планером провел Виссарион Кебурия. По свидетельству автора книги «Первые крылья» Варлама Родоная, В. Кебурия в 1908 году пролетел на своем планере до 200 метров, достигая при этом высоты 20-30 метров.

В книге С.Тепнадзе и Г.Кебурия «История покорения неба – от мечты до реальности» рассказывается о том, как 14-летним мальчиком Бесо Кебурия увязался за пастухами, перегонявшими стадо коров из Чхороцку в Поты, и, впервые увидев паровоз, остался на строительстве железной дороги у инженера Сливицкого, дяди знаменитых режиссеров Эльдара и Георгия Шенгелая. Через несколько лет юноша экстерном заканчивает Петербургский институт путей сообщения. Основатель института и председатель Русского научного общества Михаил Гарсеванишвили (это с него рисовал Илья Репин фигуру запорожца) предложил Кебурия

остаться в институте для продолжения научной работы, но выпускник обратился к наставнику с необычной просьбой. Николай Жуковский в то время вернулся из поездки в Германию, где встречался с Отто Лилиенталем, знаменитым планеристом, и привез чертежи планера. По совету Гарсеванишвили Виссарион перечертил конструкцию и был одержим мыслью построить у себя на родине планер и летать на нем. После завершения образования в Петербурге и прохождения практики на строительстве железных дорог Кебурия работал в железнодорожных мастерских Тифлиса и параллельно строил планер. Несмотря на известие о гибели Лилиентала, он бесстрашно пытался покорить небо.

В.Хечинов: «В.Кебурия... несомненно является первым авиатором в Грузии».

Работая на скромной должности дорожного техника в Тифлисе, Кебурия зачитывался скудными сведениями о полетах в далекой Франции и решил посвятить себя этому делу. На первых порах, желая испытать свои силы, на чердаке собственного дома по улице Голя, 56 занялся постройкой планера. Планер обошелся ему почти в 50 рублей. Он представлял собой биплан с размахом крыльев 7,5 метров.

Первые полеты совершались в Сабуртало, где позже построили кирпичные заводы. Это место благодаря отлогим склонам было выбрано для совершения полетов. Балансировочный планер Кебурия запускался посредством тросов, которые тянули несколько человек, бегом спускаясь с холма. Впоследствии этот планер разбился. Неудача не разочаровала Кебурия, и он вскоре задался целью поехать во Францию и стать авиатором. Приняв смелое решение, Кебурия осуществил его, пожертвовав всем своим состоянием.

В конце июля 1909 года весь мир облетела сен-

Луи Блерио и Виссарион Кебурия. Париж. 1910

сация: французский авиатор Луи Блерио на моноплане собственной конструкции перелетел Ла-Манш и покрыл расстояние в 42 километра за 32 минуты. Газеты писали: «Англия перестала быть островом!» На английском берегу авиатора встречал с французским флагом редактор газеты «Матен» Фонтен.

Впоследствии моноплан, оснащенный двигателем в 25 лошадиных сил, был приобретен и установлен на стене редакции в Париже.

Блерио не только завоевал приз в 10 тысяч фунтов стерлингов, учрежденный газетой «Дейли мейл», но и стал национальным героем Франции. Он открыл летную школу и получил диплом №1 Парижского аэроклуба. Все свои деньги он вложил в конструирование и производство новых аэропланов. Нелегко далась ему эта победа. 11 неудачных попыток, пожар летательного аппарата в воздухе. Его конкурент Юбер Латам был подобран спасателями в нескольких милях от английского берега с обгорелыми ногами. Он решился на еще одну попытку и вошел в историю авиации, как братья Райт и другие первопроходцы, обгонявшие время.

При жизни Блерио стал живой легендой, а набережная Сены и по сей день носит его имя.

В мае 1910 года в парижской гостинице «Брабант», где останавливались почти все авиаторы, поселился никому не известный мужчина сорока лет из далекой Грузии – Виссарион Кебурия.

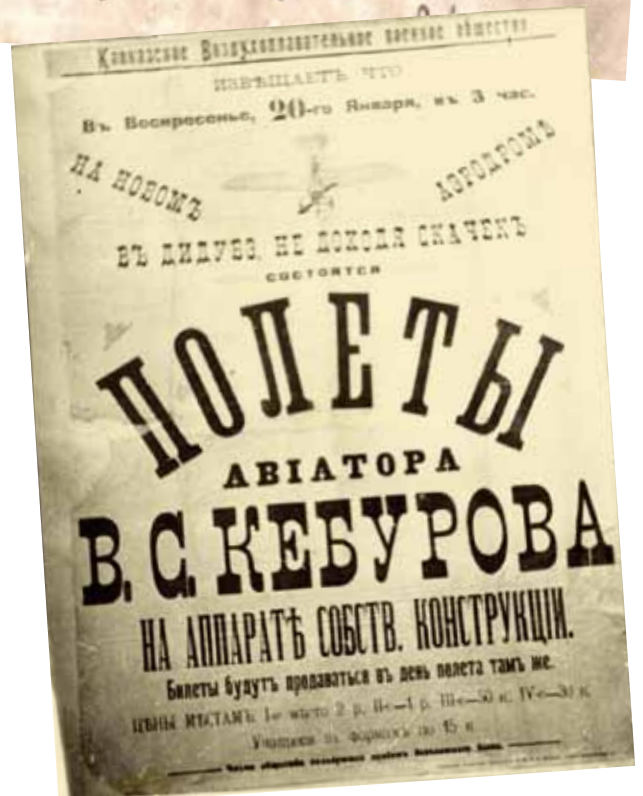
В августе он сдает теоретический курс и получает диплом пилота-авиатора №210 Парижского аэроклуба. Затем проходит курс обучения в школе Луи Блерио и получает лицензию пилота на самостоятельные полеты от комиссии по спортивной аэронавтике. Инструкторы

в школе обучали летному искусству, но в воздух ученик поднимался один. Поэтому часто случались аварии, и каждое повреждение аппарата курсанту обходилось втридорога. Немногие состоятельные люди, как, к примеру Александр Кузминский (племянник жены Льва Толстого и сын петербургского губернатора), могли позволить себе такую роскошь. Кроме того, надо было ждать своей очереди, поскольку летательных аппаратов не хватало. Виссарион принял неординарное решение – приобрел моноплан типа «Блерио XI» и выполнил перед комиссией все условия тогдашнего высшего пилотажа. Восхищенный Блерио подарил ему запасные части к мотору.

В одном из номеров журнала «Караван» были опубликованы воспоминания Анны Ахматовой: «Как-то раз мы с Модильяни зашли в кафе. За длинным столом вместе с нами разместились «живая легенда Парижа» авиатор Луи Блерио и какой-то кавказец. Мне очень жали туфли, и, не меняя строгого выражения лица, я сняла их, спрятав ноги за длинной скатертью. Блерио не обращал на меня внимания, но зато кавказец не сводил с меня глаз. После того, как они ушли, я обнаружила в туфле визитную карточку».

В Тифлисе Виссариона ждали жена и дети. Надо было возвращаться домой. Но покорение неба Франции дорого обошлось авиатору из Чхороцку и денег на дорогу почти не оставалось.

В том же 1910 году в предместьях Парижа шла ра-

Александр Васильев

Лев Матыевич-Мацевич

бота над первой грузинской скульптурой.

Недалеко от летного поля в Исси-ле-Мулино, в Медоне, была мастерская Огюста Родена, где проживал и работал его ученик Якоб Николадзе. Его скульптурная композиция «Скорбящая Грузия» была представлена на выставке в Париже, а

впоследствии установлена на могиле Ильи Чавчавадзе в пантеоне писателей и общественных деятелей Грузии. Земляки подружились и часто общались. Кебурия будучи в гостях у Якоба любовался шедеврами Родена, а скульптор приходил на летное поле наблюдать за полетами авиаторов.

Париж того времени был признанным центром мировой авиации. Его называли «парижским птичником». Открывались летные школы, проводились состязания на денежные призы. После Луи Блерио в ноябре 1909 года дипломы пилота-авиатора Парижского аэроклуба получили бразилец Сантос-Дюпон (№13) и братья Уилбер и Орвилл Райт (дипломы №14,15), которые в 1903 году первыми в мире поднялись в воздух на аэроплане.

Особой популярностью пользовались русские авиаторы Михаил Ефимов (№34 в 1910 году), Николай Попов (№50), Лев Матыевич-Мацевич (№158), борец

Иван Заикин, (№191) которому доводилось выступать и в Тифлисском цирке, и другие. Заикин был настолько сильным человеком, что когда однажды при посадке отказали тормоза, он, чтобы не врезаться в публику, на ходу прыгнул с биплана и, ухватившись за хвост, остановил его. Во время показательных полетов в Одессе Заикин взял с собой пассажиром писателя Александра Куприна, который также отличался богатырским телосложением. Не выдержав их веса, биплан рухнул на землю. Оба остались живы, но с тех пор Заикин дал себе слово больше не летать.

С Виссарионом Кебурия (чья фамилия по тем временам была переименована на русский лад - Кебуров) в летной школе учился богатый адвокат из Казани Александр Васильев. Он предложил совместное турне по приволжским городам с тем, чтобы по приезде в Тифлис открыть летную школу. Кебурия спешил домой, но летная школа была его мечтой, и он согласился. Васильев купил два моноплана Блерио с моторами в 50 лошадиных сил и нанял двух механиков-французов. Первые показательные полеты состоялись в Варшаве. Васильев остался в Париже, так как не успевал из-за частых поломок закончить школу.

Дедушка рассказывал мне, что, после успешного полета над городом, генерал-губернатор Скалон решил оштрафовать его на 500 рублей золотом, что для того времени было большой суммой. «Вы могли упасть на жилые дома, и, кроме того, вы напугали лошадей». И все это несмотря на то, что в дипломе Кебурия на шести языках предписывалось оказывать помощь и содействие авиатору со стороны властей гражданских и военных. Тогда, как известно, не было аэродромов, и полеты устраивались на ипподромах.

Паузу прервала миниатюрная особа, которая возразила градоначальнику: «Победителей воздуха не судят!». Она оказалась супругой генерал-губернатора и к тому же изъявила желание подняться в воздух. Дедушка предусмотрительно заручился официальным разрешением мужа. Тот охотно подписал бумагу, тайно желая, чтобы она попала в катастрофу. К счастью, этого не случилось. Следует отметить, что из первых 345 авиаторов, окончивших летные школы в 1909-1911 годах, около ста погибли в авиакатастрофах.

Показательные полеты Кебурия продолжались в Нижнем Новгороде, Саратове, Казани (здесь к нему присоединился Васильев), Астрахани, Баку.

24 октября 1910 года первый грузинский авиатор наконец-то покорил небо родного города. Но справедливость требует отметить, что до Кебурия и Васильева первые показательные полеты в Тифлисе совершил на своем биплане легендарный русский авиатор Сергей Уточкин. Он и раньше приезжал в Тифлис, но как чемпион России по велосипедному спорту. Тогда ему впервые пришлось испытать горечь поражения от директора цирка, популярного артиста Ладо Кавсадзе. Уточкин пригласил его на соревнования, проходившие в Петербурге, где Ладо отлично выступил и завоевал приз за самое красивое телосложение.

Узнав о том, что в Тифлис прибудет Васильев и Кебурия, Уточкин совершив два показательных полета, продал право на аренду скакового поля коллегам и уехал в Батуми. Его биплан «Фарман» обладал большой грузоподъемностью и мог подниматься в воздух с пассажиром. Монопланы были сложнее в управлении, но обладали большей скоростью и маневренностью. И визуально имели большое сходство с парящей птицей. Полеты проходили при огромном стечении народа.

Васильев вскоре забрал свои летательные аппараты и уехал в турне. Кебурия, все еще не терявший надежды открыть летную школу, остался на родине и принял участие в строительстве нового моноплана, купив более мощный мотор в 50 лошадиных сил. Получив патент, он

стал одним из первых авиаконструкторов Российской империи. Необходимо отметить, что дедушка строил моноплан самолично, даже такую сложную конструкцию, как пропеллер. Ему часто приходилось ремонтировать свой аппарат после поломок и аварий. Однажды над Муштаидом из-за остановки мотора моноплан стал падать. Кебурия, заметив два дерева, спланировал на них. Моноплан застрял в ветвях. Авиатор отделался легкими ушибами и, отремонтировав аэроплан, продолжал летать. На новом аппарате он совершил перелеты Сухуми-Сенаки, Сенаки-Поти, Поти-Батуми. После полетов читал популярные лекции об авиации, а большую часть выручки жертвовал Грузинскому обществу распространения грамотности. Суеверие перед техническим прогрессом в то время преодолевалось с большим трудом. К примеру, пассажиры конки перед мостом сходили, шли пешком и усаживались в вагон уже на противоположной стороне реки.

Васо Чачанидзе в журнале «Мнатоби» (№10, октябрь 1972 года) описывает курьезный случай, имевший место в 1911 году. Известный духанщик Утрухуне (Асатиани), описанный Иосифом Гришашвили в книге «Литературная богема старого Тбилиси», решил расширить свое заведение, которое располагалось на берегу Куры и пользовалось большой популярностью. Из-за большого балкона его называли в народе «Аэропланом». Утрухуне попросил Нико Пиросмани соответственно оформить вывеску духана, но в то же время опасался отпугнуть суевежных посетителей. Поэтому он предложил Пиросмани, знакомого с Кебурией, и двум популярным в то время людям, на двух фаэтонах, в сопровождении музыкантов, игравших на дудки и зурне, приехать на летное поле и при публике вручить Кебурию два мешка бати-бути с тем, чтобы он во время полета высыпал на летное поле, чтобы народ убедился, что ничего сатанинского в его полетах нет. Но молодежь, увидев падающую с неба «манну небесную», высыпала на поле и свободного места для посадки уже не оставалось. Кебурия решил совершить посадку на краю поля, аэроплан задел колесами забор и, перевернувшись, упал на землю. При этом авиатор сломал ребро. Восхищенная публика на руках донесла его до дома.

Пиросмани выполнил заказ духанщика, написав на вывеске слово «Аэроплан», а на одной из стен духана изобразил Виссариона Кебурия с его монопланом.

Всю свою жизнь Кебурия посвятил организации и строительству гражданской авиации в Закавказье. Он одним из первых получил звание «Заслуженный летчик», был представителем закавказских республик в первых акционерных обществах «Укрвоздухпуть» и «Добролет». Строил первые аэродромы в Тбилиси, Баку, Сухуми и других городах. Организовал первые авиасообщения между Тбилиси и Баку, Сухуми, Москвой. Неоснащенность самолетов и наземной службы приводила к частым авариям, и кавказское направление считалось одной из самых опасных трасс.

По предложению Кебурия, полеты в Москву через Баку и Минеральные Воды, на которые уходило до трех дней, были заменены на полеты через Сухуми, а вскоре начались полеты через Кавказиони, что свидетельствовало о высоком профессионализме грузинских и русских летчиков, составлявших одну дружную команду. Когда в 1923 году было организовано Грузинское управление гражданской авиации, Кебурия к тому времени успел принять участие в надстройке двух этажей здания напротив театра оперы и балета, на проспекте Руставели, где оно и располагалось долгое время.

Впоследствии Кебурия работал в ДОСААФ и многих молодых людей привлек своим авторитетом в ряды авиаторов. Во время Второй мировой войны, собрав добровольцев, построил аэродром в родном Чхороцку.

Скончался Виссарион Кебурия в 1958 году, в возрасте 88 лет, прожив счастливую жизнь человека, осуществившего свою мечту, одним из первых поднявшегося в воздух в Грузии и дожившего до полетов космических кораблей.

Гугули КЕБУРИЯ

Памятник В. Кебурия в Тбилиси

Карло Гольдони

ПРИБЛИЖЕНИЕ К ОРИГИНАЛУ

Имя Мачабели теснейшим образом связано с его переводами из Шекспира, открывшими новый период в истории переводной литературы в Грузии. Однако в ранний период своей деятельности он сделал ряд переводов, в основном с французского, для молодого грузинского театра, который в ту эпоху стоял в центре внимания передовой общественности. Необходимо было поддержать вновь организованную постоянную труппу как материальными средствами, так и репертуаром, который бы привлек в театр публику. Помимо оригинальных пьес, нужны были и переводные, которые бы познакомили грузинского зрителя с лучшими произведениями мировой драматургии. Иванэ Мачабели, наряду с другими переводными деятелями того времени, близко стоял к работе театра, которому придавал огромное значение. «Драма, драматическое искусство – это венец поэзии, – писал он, – его воздействие на человеческую природу особенно сильно..., а потому заслуга драматургии в духовном развитии человечества так велика и достойна такого внимания».

В конце 70-ых годов XIX века по возвращении из заграницы, Мачабели активно принимается за театральные переводы. Все переведенные им в то время пьесы написаны прозой. Среди них особый интерес представляет перевод пьесы Карло Гольдони «Ворчун-благодетель». Она вошла в репертуар первого же года работы постоянного грузинского театра и шла под названием

«Больше гремит гром, чем идет дождь». Пьеса принадлежит к числу известнейших произведений итальянского драматурга и относится к самому позднему периоду его деятельности. Перевод Мачабели не был напечатан, но текст его сохранился в Национальном центре рукописей. Рукопись не датирована и не подписана, но, как почерк, так и авторские пометки указывают, что она является автографом писателя. Текст написан чернилами и рукопись в сохранности за исключением последнего листа, часть которого оборвана.

Карло Гольдони (1707-1793) - блестящий представитель литературы XVIII века, соединивший в своем творчестве лучшие национальные традиции с идеями европейского Просвещения. Делом его жизни была реформа итальянского театра, в котором господствовала импровизационная комедия масок. Гольдони по-новому использовал традиционные образы народной комедии, заставил актеров играть по написанному тексту, отражающему идею автора. Таким образом, вместо традиционных комических ситуаций и буффонады, его пьесы изображали подлинную Италию, особенно Венецию, откуда он был родом, а острие их сатиры было направлено против пороков современной ему жизни. Реформа Гольдони, отвечавшая позициям Про-

Иванэ Мачабели

светительства, встретила одобрение передовых деятелей эпохи, но вызвала неудовольствие сторонников традиционного театра. Жестокая травля литературных врагов заставила Гольдони в 1762 году покинуть Венецию и переехать в Париж.

Через девять лет после переезда во Францию, овладев французским языком, Гольдони написал по-французски комедию «Ворчун-благодетель», которая была поставлена на сцене театра Комеди Франсез 4 ноября 1771 года. Сам Гольдони в своих мемуарах с гордостью указывает, что «завершил свою деятельность французской комедией, которой посчастливилось иметь успех в театре этой нации».

Действительно, комедия прочно вошла в репертуар театра Комеди Франсез. Интересно отметить, что в 1792 году труппа этого театра предоставила племяннику Гольдони право бесплатно посещать театр до тех пор, пока эта комедия будет находиться в его репертуаре. Очевидно, племянник знаменитого комедиографа пользовался этим правом всю жизнь, ибо на протяжении всей первой половины XIX века она удерживалась в репертуаре. В предисловии к изданию пьесы 1813 года указано, что «ее часто дают, и она всегда доставляет удовольствие».

Пьеса строится на семейной интриге, и в центре ее стоит образ ворчуна-благодетеля г-на Жеронта. Его племянник Даланкур потратил большие средства на наряды своей жены и в неудачных спекуляциях потерял все состояние. Нетерпеливый характер Жеронта не дает возможности окружающим договориться с ним. Он считает поведение племянника следствием легкомыслия его жены и, рассерженный на него, не хочет его видеть. Он занят устройством судьбы своей племянницы Анжелики, но, не дав ей высказать свои чувства, не узнав, что она влюблена в Валера, он хочет выдать ее замуж за своего друга Дорваля. После целого ряда недоразумений Жеронт узнает о бедственном положении племянника, о невинности его жены, о чувствах Анжелики и проявляет себя как благодетель, налаживающий дела ко всеобщему счастью.

Будучи написана на французском языке и на французской почве, комедия занимает в творчестве Гольдони особое место. В ней он использовал традиции французской комедии и, в первую очередь, Мольера. Сила пьесы заключается в разнообразии и контрастности выведенных образов, в тонкости их психологической характеристики. «Я не только написал мою пьесу по-французски, но, замышляя ее, я даже думал на французский лад», – писал Гольдони в своих мемуарах. Сам он не перевел свою пьесу на родной язык. Но при его жизни было сделано четыре итальянских перевода. В мемуарах Гольдони упоминает о двух: «Оба сделаны неплохо, но не приближаются к оригиналу».

Мачабели владел иностранными языками. В гимназии, где он учился, преподавались французский и немецкий. С 1876 по 1878 год Мачабели жил за границей – в Германии и Франции, где имел возможность усовершенствовать свои познания в языках. Весьма вероятно, что он разбирался и в итальянском языке, ибо из его писем к брату известно, что, находясь в Германии, он общался со студентами-итальянцами. Надо думать, что Мачабели перевел пьесу с французского, на котором она была написана, тем более, что французский язык был ему более знаком. Но влияние итальянского варианта пьесы видно в именах действующих лиц, которые даны в итальянском произношении: Джеронте, Анжелика, Пикардо, Валеро и др.

Мачабели перевел комедию Гольдони целиком. Сравнение перевода с оригиналом не обнаружало каких-либо значительных отклонений от французского текста. Многочисленные поправки в рукописи, вычеркнутые слова и предложения показывают авторскую работу над текстом, тот подбор выражений и оборотов речи, благодаря которым Мачабели добивался наибольшей точности и красочности перевода. Проследившая сделанные поправки, можно заметить, что, как правило, первый вариант представляет собой более

точный, буквальный перевод текста, а последующие дают более образные и характерные грузинские выражения и обороты речи. Весь текст перевода это живой, разговорный язык без малейшего оттенка книжности или искусственности.

Особую трудность при переводе представляет передача идиоматических выражений и специфических оборотов речи. В рассматриваемой рукописи заметно стремление дать не просто буквальный перевод, но подыскать на грузинском языке соответствующие, аналогичные выражения. Заслуживает внимания перевод самого заглавия комедии где «Ворчун-благодетель» заменен фразой «Больше гремит гром, чем идет дождь». Перевод, конечно, вольный, но образно раскрывающий идею произведения и характер его главного героя. Действительно, громы, которые мечет Жеронт, не изливаются потоками ливня, но быстро сменяются ясной погодой, добрым расположением духа и даже благодеяниями.

В пьесе Гольдони большое значение имеет речевая характеристика героев, ибо речь каждого персонажа соответствует своеобразию его характера. Особенно сложна для перевода речь главного героя, господина Жеронта, которая, при переходе от спокойствия к гневу меняется в темпе и напряженности. В моменты особого раздражения она состоит из сплошных восклицаний, отрывочных и противоречивых фраз, междометий и, часто, бранных слов.

Можно с уверенностью сказать, что в переводе Мачабели выдержано своеобразие речи действующих лиц и живость диалога.

Комедия Гольдони была впервые поставлена на сцене 14 ноября 1879 года и прошла с успехом. В рецензии на спектакль, напечатанной в грузинской газете «Дрозба», указано, что «Гольдони один из талантливых и плодовитых авторов итальянской драматической литературы... и нужно быть благодарным Мачабели, что он ознакомил с ней общество». Зрители оценили динамичность развития действий и яркость контрастных образов пьесы, раскрытых на несложной семейной интриге. В пьесе участвовали ведущие исполнители грузинской труппы К.Месхи, К.Кипиани, Н.Габуния, М.Кипиани, Б.Коринтели и другие. Но с особенной похвалой говорится в рецензии о В.Абашидзе, блестяще исполнившем роль главного героя.

Как видно из рецензии газеты «Дрозба», итальянские имена перевода Мачабели в спектакле были заменены грузинскими. Эти же имена были сохранены и в последующих постановках пьесы. Комедия Гольдони вошла в репертуар грузинской труппы и была заново поставлена в 1880 и 1886 годах.

Во времена, когда молодая грузинская труппа складывала основы для дальнейшего развития в Грузии драматического искусства, подобные пьесы, сценичные и написанные хорошим языком, имели большое значение, прививая вкус к произведениям писателей-классиков и направляя внимание театра на освоение лучшего художественного наследия зарубежной литературы.

Арлекин

Наталья ОРЛОВСКАЯ

РУССКИЙ РОБИНЗОН

В 1987 году главами двух сверхдержав был подписан исторический договор по РСД-РМД, который способствовал упрочению мира. В Белом доме состоялась встреча двух лидеров – президента США Рональда Рейгана и Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева. Сразу возникает вопрос: какое отношение могла иметь эта «знаменательная веха в истории отношений двух стран» к творчеству самого аполитичного русского поэта, яркого антиобщественника и певца «чистого искусства»? Да самое прямое. На обеде, который дал американский президент в честь высокого советского гостя, прозвучали, как это и положено по протоколу, краткие речи. М.С. Горбачев, в частности, сказал: «Ведя хронометраж нашей жизни в приближении XXI столетия, мы обязаны помнить, что каждый из нас в меру своих способностей и возможностей олицетворяет собой связь между сиюминутным и вечным. «Хоть не вечен человек, – писал знаменитый наш поэт Афанасий Фет, – то, чтоечно, –человечно». Во имя вечной человечности мы совершаем сегодня наш многозначительный акт. И первая моя здравница – в честь этого события». Критикам демократического лагеря, травившим поэта всеми доступными средствами, даже в кошмарном сне не могло пригрезиться, что спустя сто с небольшим лет лидер коммунистической партии для подтверждения верности взятого курса на примат общечеловеческих идеалов сошлется на стихотворение автора «лирических безделиц», творившего в XIX столетии! Таковы парадоксы истории.

Несколько лет назад автору этих строк посчастливилось совершить путешествие по местам, связанным с жизнедеятельностью Афанасия Фета (Шеншина). Впечатления от посещения того участка орловской степи, которое некогда было процветающим хутором Степановка (ныне это место прилегает к колхозу имени Мичурина Залегощенского района Орловской области), были тяжелые. Представилась возможность как бы вновь увидеть то изначальное состояние земли, которое зафиксировал некогда зоркий глаз Тургенева: «Жирный блин, а на нем шиш». Всего семнадцать лет понадобилось фермеру Афанасию Фету, чтобы преобразовать небольшой клочок голой степи (двести десятин земли) в цветущий оазис.

Земля для Фета – не просто физическая среда и не только мать-кормилица, но прежде всего пространство воплощения нравственных и эстетических идеалов человека. «История народа, – по Фету, – в сущности история его земледелия». Идеал землевладельца-труженика, который он рисует в своих деревенских очерках, очень напоминает нам образ самого Фета 1860-х годов, отложившего книгу ради лопаты: «Я вижу его напрягающим последние умственные и физические

Афанасий Фет

силы, чтобы на заколебавшейся почве устоять, во имя просвещения, которое он желает сделать достоянием своих детей, и, наконец, во имя любви к своему делу. Вижу его устанавливающим и улаживающим новые машины и орудия, почти без всяких к тому средств; вижу его по целым дням перебегающим от барометра к спешным полевым работам, с лопатой в руках в саду и даже на скирде, непосредственно наблюдающим за прочною и добросовестною кладкой ее; а в минуты отдыха – за книгою или журналом. Все это не выдумка праздной фантазии, а дело, на которое я могу вокруг себя указывать пальцами».

К многообразным ликам красоты, созданным умом и сердцем гениального поэта, добавился еще один рукотворный, к которому можно было прикоснуться как взглядом, так и руками, – ансамбль, состоящий из благоустроенной усадьбы, прекрасного сада с ухоженными растениями, живописного пруда с лилиями и удобных подъездных дорог; ансамбль, где свет, линия, камень, воздух, вода соединились в неповторимое гармоничное целое, являя собой пример воплощенного идеала. Ныне материальных следов пребывания поэта в этой части ойкумены практически не наблюдается, если не считать зарослей дикого бамбука (это все, что осталось от некогда знаменитого фетовского сада с диковинными растениями) и поросших мхом кусочков

фундамента – жалких останков некогда процветавшей усадьбы – изредка попадающих под ноги. (Один из таких осколков был сохранен мной как реликвия). Зато память о поэте хранит красивый пруд с роскошно разросшимися вокруг деревьями.

На склоне лет, окидывая внутренним оком орловский период своей жизни, Фет с гордостью скажет: «небольшой клочок земли, на который я выброшен был судьбой, подобно Робинзону, с полным неведением чуждого мне дела, заставил меня лично всему научиться, и действительно в течение семнадцати лет довести неусыпным трудом миниатюрное хозяйство до степени табакерочки».

Еще меньше шансов обнаружить материальные следы там, где родился поэт и где протекали его детские и отроческие годы – усадьбе Новоселки (ныне деревня Новоселки, она же Козюлькино, приписана к Подбелевскому сельсовету Мценского района Орловской области). Правда, место бывшей усадьбы увековечено мраморной композицией, состоящей из дорожки, постамента с выемкой для живых цветов и стелы с барельефным изображением Фета и двумя табличками, одна из которых удостоверяет факт рождения поэта в Новоселках. С особой грустью вчитываешься в знакомые строчки на другой табличке, приветствуя уже не сам сад, а место, которое некогда было садом:

Приветствую тебя, мой добрый, старый сад,
Цветущих лет цветущее наследство!
С улыбкой горькою я пью твой аромат,
Которым некогда мое дышало детство.

(«В саду», 1854)

Горбатый рельеф довольно живописной местности с расположенным в низине лесом вызывает в памяти страницы мемуаров Фета («Ранние годы моей жизни»), а границы некогда существовавшей отцовской усадьбы символически подчеркивают два серебристых тополя.

Следующий маршрут – село Клейменово, родовое гнездо восходящего к концу XV века дворянского рода Шеншиных (ныне одноименная деревня, подчиненная сельской Жилыевской администрации Орловской области). Любопытно отметить, что на двуцветном (серебристо-голубом) щите герба рода Шеншиных красуется единорог – символ чистоты. Возведенная в 1749 году церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы не сохранилась – рядом по проекту архитектора А.А. Химица в 1882–1890 годах была построена новая сравнительно невысокая из красного кирпича с пятью маковками (при жизни поэта она была без куполов и маковок).

К одной из стен Покровской церкви пристроен вход в склеп, за голубыми металлическими дверями которого покоится прах великого русского поэта и его супруги. (Фетовский образ «голубой тюрьмы» самым неожиданным образом напомнил о себе). Сам склеп находится непосредственно под церковью. На двух мраморных надгробных плитах – лапидарные надписи, сделанные в относительно недавнее время: «Здесь погребен поэт Фет–Шеншин Афанасий Афанасьевич. Родился в 1820. Скончался 1892»; «Здесь погребена жена поэта Мария Петровна Фет урожденная Боткина».

От строений времен Фета – ничего, ни камешка. Для восстановления живой памяти о поэте одних усилий работников Музея писателей-орловцев да энтузиастов-краеведов явно недостаточно – нужна действенная помощь со стороны Министерства культуры и местной администрации.

Пропутешествуем теперь из Орловской области в сопредельную Курскую. Именно здесь, на правом берегу Тускари, в десяти верстах от Коренной Пустыни, куда стекались и стекаются паломники со всех концов православного мира, в Воробьевке стареющей

Фет покупает приглянувшееся ему старинное имение, принадлежавшее наследникам Федора Ртищева. По счастью, ряд строений той поры сохранился, но уход за ними лег на плечи энтузиастов-курян. В главном здании, так называемом «барском доме», уже подвергнувшись перестройке, размещается школа, на втором этаже которой в одной из комнат развернута посвященная поэту скромная экспозиция. Не изгладится из памяти ночь без сна, проведенная мной в «барском доме», с террасы которого открывалась в свое время великолепная панорама – склон, усеянный цветами до самого берега реки, журчащий фонтан... Прямо от крыльца шла аллея, обсаженная великолепными вязами. Для поэта Воробьевка была чуть ли не раем земным «по климату, положению, растительности, тени и удобствам». Они не утратили своего очарования, эти места, правда, цветник зачах, фонтан испарился, речка обмелела, пруд зацвел, тропинки заглохли. Тем не менее романтически настроенный потомок готов и сегодня признать в Воробьевке «страну холмов и буераков, страну грачей и соловьев».

Рядом с домом установлена гранитная стела бежевого цвета, на ней выгравировано: «Здесь в усадьбе Воробьевке с 1877 по 1892 гг. жил А.А. Фет». Но самое сильное впечатление производят фетовские подвалы. Прямоугольник потемневшего от времени дерева приглашает внутрь, где ничего не изменилось аж с самого 1877-го. Неяркие вспышки полусырых спичек отвоёвывают у густой, насыщенной воспоминаниями, темноты поржавевшие крючки, которые стоят нетронутыми с достопамятных времен посещения усадьбы Львом Толстым и Яковом Полонским. Запомнилось и воробьевское небо – очень низкое, окаймленное «золотыми ресницами звезд». Тонко подметил Константин Паустовский, что именно здесь могла зародиться новая лирика межзвездных пространств.

Ни на одной географической карте мы не отыщем этого населенного пункта, который столь значим для карты русской культуры. Хорошо сказал об этом Юрий Нагибин: «Воробьевка близка всем любителям русской поэзии, как пушкинское Михайловское, как лермонтовские Тарханы и тютчевский Овстуг, некрасовская Карабиха и есенинское Константиново...». Печальна судьба фетовской усадьбы. В 1992 году в результате длительной борьбы весь этот уникальный комплекс с прилегающими землями был взят государством под формальную охрану, однако реставрационные и ремонтные работы в обозримом будущем проводиться, скорее всего, не будут – статус государственного музея-заповедника ему так и не присвоен, несмотря на ходатайство, с которым Министерство культуры входило в Совет Министров СССР еще в 1980 году. Протесты деятелей литературы и искусства заставляют нас вспомнить горькие слова Бориса Садовского, сказанные еще в начале XX столетия: «Сам по себе факт, что Россия целиком прозевала Фета, – страшен: он заставляет усомниться в праве нашем на национальное бытие».

Отношение к Фету-поэту менялось медленно, но неуклонно: заслуженная и всенародная слава, которая пришла к поэту лишь в последней четверти XX столетия, пролегла через непризнание в широких читательских кругах XIX века, насмешки и издевки в демократической среде, недопонимание в начале XX века, замалчивание и полупризнание в советские времена. Фет, пролагавший новые пути в русской литературе, намного опередил свое время, но лишь немногие современники сумели это увидеть и оценить. Среди них были Иван Тургенев и Лев Толстой, Федор Тютчев и Яков Полонский... Ценили талант Фета и дорожили дружбой с ним такие известные в России люди, как великий князь Константин

Романов и граф Алексей Олсуфьев... Последний установил даже на одной из стен церкви в своем имении мраморную доску с надписью: «В память великого поэта Афанасия Афанасьевича Фета, удостоившего своею дружбою владельца села Ершова».

Если несколько десятилетий назад говорили только о Фете-лирике и Фете-переводчике, да и то больше шепотом, то теперь заговорили также о Фете-критике, Фете-публицисте и Фете-фермере. С позиций сегодняшнего дня мы ясно видим, какую концепцию развития России предлагал Фет, сколько отваги и любви к Отечеству было заключено в его творческой и хозяйственной деятельности.

Наиболее перспективной моделью в условиях России он считал крупное хуторское хозяйство, использующее наемный труд. Публицистика Фета отражала различные этапы его хозяйственной деятельности – «Заметки о вольнонаемном труде» и очерки «Из деревни» (кроме последнего) приходятся на начальный период этой деятельности. Здесь сформулированы важнейшие принципы экономических преобразований, намеченные «деятелем» (как любил называть себя поэт), а также принципы взаимоотношений хозяина и работника. Эта своеобразная этика найма немало способствовала превращению скромного хуторского хозяйства в образцово-процвета-

Клейменово.
Покровская церковь

Воробьевка. Фетовские подвалы

Воробьевка. Дом А. Фета

Клейменово. Врата склепа А. Фета

ющее. Разработанная Фетом стратегия взаимоотношений работодателя и наемного работника весьма актуальна и в наши дни, когда наемный труд вновь стал широко использоваться в хозяйственной и коммерческой деятельности.

Довольно устойчивый, переживший поэта и его эпоху, миф о Фете как фанатичном реакционере, жестоком крепостнике и бессердечно-беззастенчивом эксплуататоре разваливается как карточный домик при близком знакомстве с его публицистическими сочинениями, во-

бравшими в себя философию жизни и опыт хозяйствования автора. За строками очерков, статей и заметок встает совершенно иной образ: просвещенного деятеля, пекущегося о благе России, о гармонии интересов и процветании двух землевладельческих сословий – дворянского и крестьянского.

По словам современного экономиста Г. Черемисинова, Фет был «летописцем пореформенной России». От себя добавлю: не бесстрастным, а кровно заинтересованным в ее скорейшем расцвете. В этом – величие подвига Афанасия Фета – поэта, публициста, гражданина. Пореформенная Россия пошла по иному пути, который болью отозвался в сердцах лучших ее сыновей и последствия которого ощутимы до сих пор.

Помню, как в день прощания с фетовским праздником в Музее писателей-орловцев распустился белый цветок столь любимого поэтом «заветного» кактуса, воспетого им в стихотворении «Фантазия» и рассказе «Кактус». Раскрывшийся цветок дает все основания рассказчику перейти к сути любовного чувства: «Любовь – это самый непроизвольный, а потому самый искренний и обширный диапазон жизненных сил индивидуума, начиная от вас и до этого прелестного кактуса, который теперь в этом диапазоне».

Читая стихи Фета, постоянно ощущаешь себя в этой зоне цветения жизни, в «самом искреннем и обширном диапазоне жизненных сил» человека. В этой зоне практически нет «мертвых отходов», которыми сопровождается, по мысли Мераба Мамардашвили, всякая душевная жизнь. Уходить от Фета всегда трудно, как трудно возвращаться от обретенной подлинности жизни к ее мнимостям. Но уходишь всегда немного другим, «обновленным». Истинная поэзия существенным образом влияет на нашу повседневную жизнь, вооружая нас особо тонкой и совершенной оптикой. Но не только. Она смягчает наши нравы, очеловечивает нас, пусть это и звучит слишком пафосно для нашего прагматичного века.

Возможно, жизнь Фета – именно тот уникальный случай, когда внешне организованное пространство совпало с тропинками «внутреннего сада», если воспользоваться выражением Мераба Мамардашвили. «Что такое русская дворянская усадьба с точки зрения духовно-эстетической? – вопрошает А. Е. Тархов. – Это – «дом» и «сад», устроенные на лоне природы: когда «человеческое» едино с «природным» в глубочайшей органичности роста, цветения и обновления, а «природное» не дичится облагораживающего культурного возделывания человеком; когда поэзия родной природы развивает душу рука об руку с красотой изящных искусств, а под крышей усадебного дома не иссякает особая лирика домашнего быта, живущего в смене деятельного труда и праздничного веселья, радостной любви и чистого созерцания. ... Усадьба – это «идеальный мир природы, жизни и искусства».

Жизнь Фета – единственный в своем роде пример синтеза лирического творчества, эстетических и экономических штудий, земледельческой деятельности под единой «крышей» эстетики. Искусство Фета не было связано напрямую с реальными событиями современной русской жизни, но оно не витало над нею в безвоздушном пространстве, а было укоренено в русской почве и питалось ее живительными соками.

Владимир ЧЕРЕДНИЧЕНКО

СТРОКОЙ БЕССМЕРТНОЙ НАЗОВУТ

Писатели и почитатели таланта Беллы Ахмадулиной со всего света шлют письма и телеграммы с соболезнованиями в связи с кончиной известной поэтессы на адрес Союза писателей Москвы, сообщил РИА Новости пресс-секретарь Союза писателей Москвы Александр Герасимов.

По его словам, очень теплые слова пришли от президиума Союза писателей Армении, от Союза писателей Грузии. На уход Беллы Ахмадулиной откликнулся также коллектив Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб», работающего в Тбилиси и устраивающего масштабный ежегодный русско-грузинский поэтический фестиваль: «Не стало нашей дорогой Беллы Ахатовны. Известие о ее безвременном уходе застало всех врасплох. В памяти грузинских почитателей ее таланта навсегда останется ее чистый поэтический голос, звучавший не раз на грузинской земле. Гордимся дружбой с ней лучших грузинских писателей, поэтов, переводчиков. Память о Белле Ахатовне, ее творчество, в котором, как в дивном грузинском многоголосии, слились русская поэзия, грузинское гостеприимство, ее распахнутость миру навсегда останутся в нашей памяти».

«Еще в эпоху СССР Ахмадулина перевела на русский язык стихи многих поэтов союзных республик, в том числе стихи армянских, абхазских, балкарских поэтов. Особое место среди них занимают переводы грузинских классиков Николоза Бараташвили, Ираклия Абашидзе, Галактиона Табидзе, Тициана Табидзе, Симона Чиковани, Анны Каландадзе и других. Она дружила со многими поэтами-современниками. Все это объясняет трепетное отношение представителей грузинской литературы к Белле Ахмадулиной, ее творчеству и судьбе», - пояснил Герасимов.

Он отметил, что поэзию Ахмадулиной печатал журнал «Литературная Грузия», «который мог позволить себе публикации писателей, неугодных официальной Москве по идеологическим соображениям».

Белла Ахмадулина родилась 10 апреля 1937 года в Москве. Писать стихи начала еще с детства, публиковаться - с первых курсов Литературного института. Первая книга лирики Ахмадулиной, «Струна», вышла в 1962 году, всего она опубликовала более 20 сборников.

Вместе с Андреем Вознесенским, Евгением Евтушенко и Робертом Рождественским Ахмадулина считалась «поэтом эстрады», а Бродский называл ее «несомненной наследницей лермонтовско-пастернаковской линии в русской поэзии».

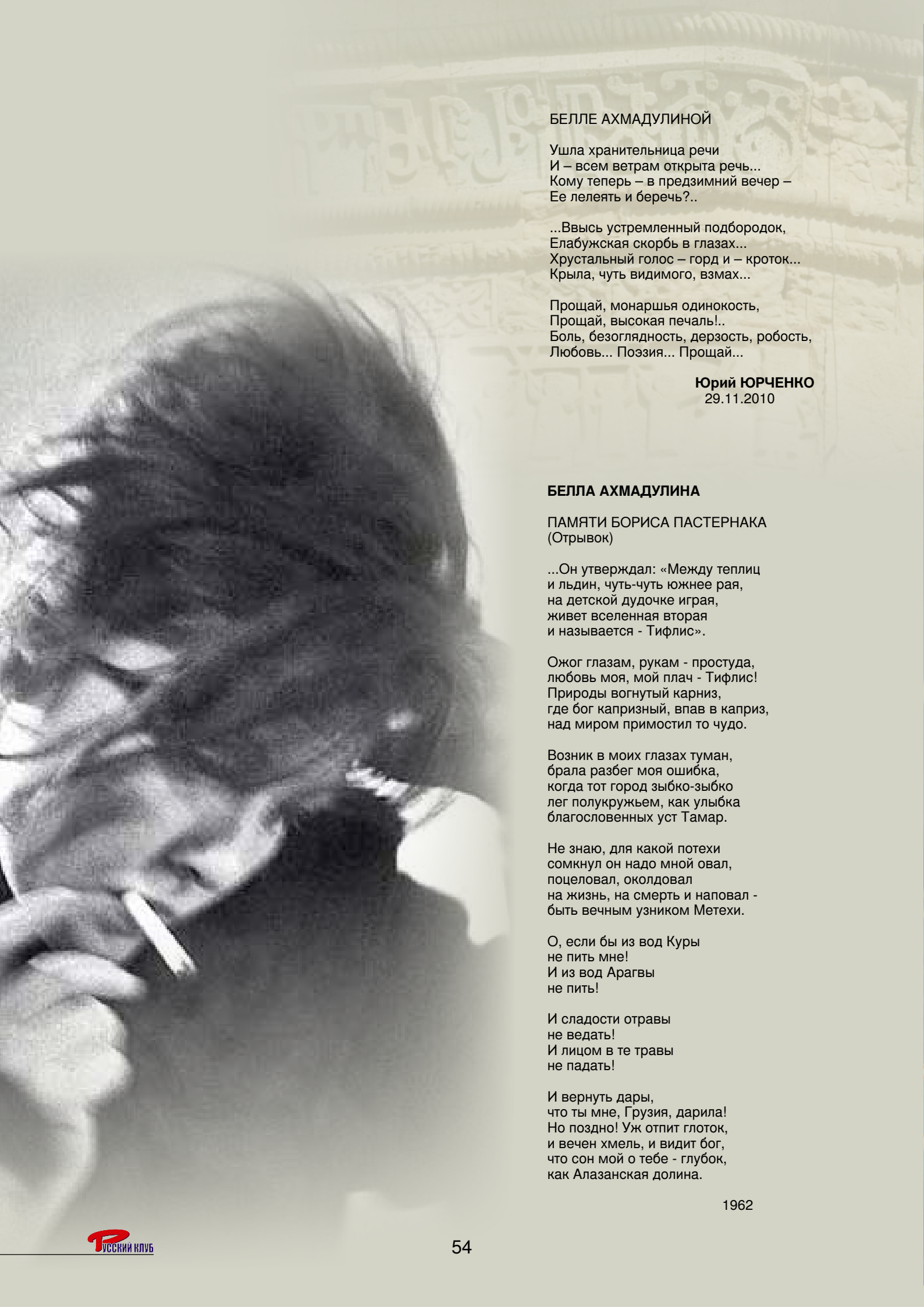
Душа выдающейся русской поэтессы и светлой личности Беллы Ахмадулиной – уже в обители вечности.

Своим пребыванием в этой жизни Белла Ахатовна принесла духовную радость миллионам людей. Она относится к числу избранных, сердца которых вмещают весь мир.

Ее любовь к нашей стране была глубокой и неизменной, что проявилось в ее многочисленных стихотворениях о Грузии, а переводы Беллы Ахмадулиной классиков грузинской литературы – Г.Табидзе, И.Абашидзе, С.Чиковани, А.Каландадзе и многих других – не только расширяют границы литературы, но и укрепляют дружбу между нашими странами.

Глубоко соболезнуем родным, близким и всем преклоняющимся перед ее творчеством и возносим молитвы об упокоении ее души в обители Праведных.

КАТОЛИКОС-ПАТРИАРХ
ВСЕЯ ГРУЗИИ ИЛИЯ II

БЕЛЛЕ АХМАДУЛИНОЙ

Ушла хранительница речи
И – всем ветрам открыта речь...
Кому теперь – в предзимний вечер –
Ее лелеять и беречь?..

...Ввысь устремленный подбородок,
Елабужская скорбь в глазах...
Хрустальный голос – горд и – кроток...
Крыла, чуть видимого, взмах...

Прощай, монаршья одинокость,
Прощай, высокая печаль!..
Боль, безоглядность, дерзость, робость,
Любовь... Поэзия... Прощай...

Юрий ЮРЧЕНКО
29.11.2010

БЕЛЛА АХМАДУЛИНА

ПАМЯТИ БОРИСА ПАСТЕРНАКА
(Отрывок)

...Он утверждал: «Между теплиц
и льдин, чуть-чуть южнее рая,
на детской дудочке играя,
живет вселенная вторая
и называется - Тифлис».

Ожог глазам, рукам - простуда,
любовь моя, мой плач - Тифлис!
Природы вогнутый карниз,
где бог капризный, впав в каприз,
над миром примостил то чудо.

Возник в моих глазах туман,
брала разбег моя ошибка,
когда тот город зыбко-зыбко
лег полукружьем, как улыбка
благословенных уст Тамар.

Не знаю, для какой потехи
сомкнул он надо мной овал,
поцеловал, околдовал
на жизнь, на смерть и наповал -
быть вечным узником Метехи.

О, если бы из вод Куры
не пить мне!
И из вод Арагвы
не пить!

И сладости отравы
не ведать!
И лицом в те травы
не падать!

И вернуть дары,
что ты мне, Грузия, дарила!
Но поздно! Уж отпит глоток,
и вечен хмель, и видит бог,
что сон мой о тебе - глубок,
как Алазанская долина.

1962

2010-2011

თბილისის ა.ს. გრიბოედოვის სახელობის
სახელმწიფო აკადემიური რუსული
დრამატული თეატრი

მცირე დარბაზი

საზონი

165

სახალწლო არდადეგების დღეებში

დეკემბერი

27 ორშ., 28 სამშ., 29 ოთხ., 30 ხუთ., 31 პარ.

მოროზკო

პრემიერა

მუსიკალური წარმოდგენა
რუსული ხალხური ზღაპრის მიხედვით

იანვარი

2 კვ., 21 პარ., 24 ორშ.

ჩიპოლინო

ჯ. როდარი

მუსიკალური წარმოდგენა
3 ორშ., 4 სამშ., 5 ოთხ., 11 სამშ., 12 ოთხ., 13 ხუთ.,
14 პარ., 15 შაბ., 16 კვ., 19 ოთხ., 20 ხუთ., 22 შაბ., 30 კვ.
პრემიერა

მოროზკო

მუსიკალური წარმოდგენა
რუსული ხალხური ზღაპრის მიხედვით
6 ხუთ., 7 პარ.

ვ. ნიკოლაევა

საშობაო ზღაპარი

8 შაბ., 9 კვ.

ემელიას ბედნიერება

მუსიკალური წარმოდგენა რუსული ხალხური
ზღაპრების მიხედვით

10 ორშ., 17 ორშ., 18 სამშ.

ა. პუშკინი

ზღაპარი სალთან მეფეზე

23 კვ.

ბ. ბრესტი

არტურო უის კარიერა

განგსტერული მიმობილვა

29 შაბ.

დოსტოევსკი. ru

ფ. დოსტოევსკის რომანის «ჩანაწერები
მკვდარი სახლიდან» მოტივების მიხედვით
სპექტაკლი ერთ მოქმედებად

სპექტაკლების დასაწყისი: დღის 12.00, 14.00 სთ. ; საღამოს 18.00 სთ

მმართველი და თეატრის სამხატვრო ხელმძღვანელი
ავთანდილ ვარსიმაშვილი
სახელმწიფო პრემიის ლაურეატი
კოტე მარჯანიშვილის სახ. პრემიის ლაურეატი

ცნობები ტელეფონებზე: 93-11-06, 93-43-36, 99-77-06

www.griboedovtheatre.ge

2010-2011

Тбилисский государственный академический
русский драматический театр
им. А.С. Грибоедова

Малый зал

СЕЗОН

В дни новогодних каникул

Декабрь

27 пн., 28 вт., 29 ср., 30 чт., 31 пт.

Премьера

МОРОЗКО

Музыкальное представление по мотивам русской
народной сказки

Январь

2 вск., 21 пт., 24 пн.

Дж. Родари

ЧИПОЛИНО

Музыкальное представление

3 пн., 4 вт., 5 ср., 11 вт., 12 ср., 13 чт., 14 пт.,
15 суб., 16 вск., 19 ср., 20 чт., 22 суб., 30 вск.

Премьера

МОРОЗКО

Музыкальное представление по мотивам русской
народной сказки

6 чт., 7 пт.

В. Николава

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ СКАЗКА

8 суб., 9 вск.

ЕМЕЛИНО СЧАСТЬЕ

Музыкальное представление по мотивам русских
народных сказок

10 пн., 17 пн., 18 вт.

А. Пушкин

СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ

23 вск.

Б. Брехт

КАРЬЕРА АРТУРО УИ

Гангстерское обозрение

29 суб.

ДОСТОЕВСКИЙ. ru

По мотивам романа Ф. Достоевского «Записки из
Мертвого дома». Спектакль в одном действии

Начало спектаклей: утренних 12.00, 14.00 ч.; вечерних 18.00 ч.

Управляющий и художественный руководитель театра
Автандил Варсимашвили
лауреат Государственной премии Грузии
лауреат премии им. К. Марджанишвили

Справки по телефонам: 93-11-06, 93-43-36, 99-77-06

Armavia

Արմավիա

WWW.ARMAVIA.COM